

МАЛЬЧИК С ЖИДОВСКОЙ УЛИЦЫ

ГЛАВА ТРЕТЯЯ. ПЕРЕДЫШКА.

Эшелон с товарными вагонами, забитыми до отказа беженцами, покинув станцию Кричев, двигался на Восток. Рувим сидел, скрючившись, на полу площадки стрелочника последнего вагона, а рядом на скамейке Лиля кормила Валерика кашей из кострюльки. Её сёстры с детьми ехали в соседней теплушке, куда Лиле с ребёнком попасть не удалось. Спасибо, перед самым отходом эшелона согласился потесниться и пустить её с ребёнком на эту площадку разместившийся там ранее бывший заключённый Могилёвской тюрьмы, который ехал теперь, сидя на верхней ступеньке вагонной лестницы. Было 5 июля 1941 года.

Рувим не хотел ехать на Восток. Он предполагал раньше сразу же после отправления поезда вернуться в Могилёв. Но оставить Лилю с Валериком одних в компании с бывшим уголовником он не мог. Поэтому он сидел сейчас на этой площадке, куда он смог втиснуться с большим трудом, упираясь лицом в колени, и не обращая внимания на сыпавшиеся сверху золу и угольную крошку, раздумывал о превратностях судьбы.

После страшных невзгод, которые обрушились на него в Польше и на Львовщине, перед новыми испытаниями судьба подарила ему передышку. Полтора счастливых года он прожил в семье добрых отзывчивых людей, которые относились к нему, как к родному сыну, приобрёл новых друзей, новый круг общения. Воспоминания об этих счастливых днях яркими картинками пронесли перед его глазами.

НА НОВОМ МЕСТЕ.

Весь декабрь ушёл на устройство Рувима в школу. Тётя Тоня хотела отдать его в ту школу, которую сравнительно недавно окончил Алексей. Алексей не был отличником, но учился неплохо. Учителя вспоминали его с теплотой и к желанию тёти Тони отнеслись с пониманием.

Школа считалась престижной. Основу педагогического коллектива составляли пожилые учителя-подвижники, вкладывавшие в свою работу душу, и старавшиеся не только научить ученика своему предмету, но и воспитать самостоятельно мыслящего человека.

Учителя, проверявшие знания Рувима, долго не могли решить, что с ним делать. Он хорошо знал математику и немецкий язык. Белорусскую речь понимал неплохо, русскую-хуже. Историю СССР знал со знаком “минус”, так как объяснение ряда исторических событий в Польше было прямо противоположно принятому в СССР. Но так как в школе уже был опыт обучения двух мальчиков, приехавших из-за рубежа, с подготовкой ещё более низкой, чем у Рувима, его решили зачислить в седьмой класс условно без аттестации по русскому и белорусскому языкам и литературе, а также по истории. Кроме того, учителям было поручено проводить с ним индивидуальные занятия.

Проходя собеседование, Рувим познакомился с одним из своих будущих одноклассников и соседом по дому-Борькой Басовым. Они сразу подружились.

Борька был добродушным, очень общительным, лишённым каких-либо комплексов парнем. Едва познакомившись с Рувимом, он тут же напросился к нему в гости. Осмотрев комнату, он заявил, что мебель стоит неудачно. Комната, в которой жил Рувим, принадлежала Алексею, и Рувим не хотел ничего трогать. Но под напором Борьки он сдался и послушно передвинул стол к окну, а кровать - в угол. Пришлось признать, что так было действительно лучше. Затем Борька обратил внимание на оформление окна. Окно имело двойные рамы, оклеенные по контуру белыми полосами бумаги. Между рамами была уложена белая вата. Борька сбегал домой и принёс несколько веточек красной рябины, которые он уложил на вату через форточку. Окно сразу же приобрело нарядный вид. Довольный собой, Борька вошёл в раж. Он стал выяснять, есть ли у Рувима какие-либо спортивные принадлежности. Узнав, что нет никаких, он принёс из дома свои старые коньки и лыжи. При этом он уверял, что они ему уже малы, а Рувиму будут в самый раз. Затем он тут же потащил Рувима опробовать коньки в деле. Коньки, полученные Рувимом, имели толстое лезвие и закрученный кверху нос. И назывались “Снегурочками”. Рувим с помощью Борьки привязал их верёвками к валенкам, закрутив верёвки палочками. Пока они ехали по спрессованному снегу на тротуаре, Рувим с грехом пополам как-то тянулся за Борькой, но когда они выбрались на речной лёд, Рувиму пришлось туго. Он очень напоминал знаменитую корову на льду. Ноги его дрожали, он то и дело падал. Но самолюбие заставляло его вставать и продолжать двигаться дальше. Постепенно он приноровился и уже мог как-то перемещаться. Вскоре он сообразил, что забираясь в снег, он может отдохнуть. Поэтому он стал ездить от сугроба к сугробу и почувствовал себя более уверенно.

Вскоре к ним присоединилось несколько ребят, Борькиных одноклассников. Борька познакомил их с Рувимом. Они очень удивились тому, что Рувим плохо говорит по-русски. Но тем не менее, они его понимали, и он с грехом пополам понимал их. Через некоторое время Рувим уже чувствовал себя так, как будто он знает Борьку и его друзей многие годы. Он даже попытался принять участие в догонялках, но ничего хорошего из этого у него не получилось. Ребята его утешили, сказав, что по льду на “Снегурочках” бегать просто невозможно. Так что он вообще молодец.

Любимым зимним развлечением могилёвских мальчишек было катание на коньках по улицам города. При больших перерывах между снегопадами снег на улицах уплотняется транспортом и пешеходами, и кататься на таком покрытии на “Снегурочках” или “Топориках”, которые были у большинства мальчишек, было гораздо легче и приятней, чем на льду. Борька научил Рувима цепляться крючком за проезжающие машины, а потом лихо мчаться за ними по улице. Главное, надо было правильно выбрать место и ехать несколько правее машины, чтобы не оказаться под её колёсами в случае падения.

Дядя Лёва и тётя Таня хотели встречать Новый Год вместе с семьёй старшего Лёвиного брата Вени, который недавно вернулся из командировки. Но накануне праздника его беременная жена почувствовала себя плохо, и визит пришлось отложить. Рувиму разрешили перед встречей Нового Года погулять по праздничному городу. Город был ярко освещён. На площадях были установлены новогодние ёлки. Одна из них стояла во дворе школы. Её украшали сами ученики под руководством пионервожатой и учителя физики. Играла весёлая музыка.

Лампочки на ёлке то загорались, то гасли. Вокруг толпились дети. Все хотели посмотреть, как стоящая под ёлкой фигура Деда Мороза поднимала и опускала руку с посохом, а Снегурочка качала головой. Ничего подобного Рувим в Лодзи не видел.

Встречали Новый Год втроём-Рувим, тётя Тоня и дядя Лёва. Долго не засиживались. Тётю Тоню очень беспокоило отсутствие писем от Алексея. Ведь после его отъезда она не получила ни одного письма.

1 января встали попозже, чем в обычный выходной день. После завтрака Лёва попросил Рувима сходить к его соседу и сослуживцу Науму и напомнить, что они договаривались походить на лыжах. Рувим уже был знаком с Наумом и его семьёй, тем более, что его дочь была ровесницей Рувима и училась в Борькиной школе.

Наум был человеком крайностей. Его увлечением было поднятие тяжестей. Его небольшая комната была заполнена гирями, гантелями, всевозможными грузами. На помосте стояла небольшая штанга с набором “блинов”. Подобная коллекция была у него и на работе. Всё свободное время Наум посвящал упражнениям с “железом”, формируя и накачивая различные мышцы тела. Однако, этому увлечению мешали два обстоятельства. Во-первых, у Наума была язва желудка. Когда он слишком усердно занимался своими упражнениями, у него обострялась болезнь и даже случалось кровотечение. Тогда он приостанавливал свои занятия и начинал столь же усердно лечиться. В своё время он сделал соковыжималку. С её помощью он ежедневно приготавливал и принимал стакан капустного сока, который ему неплохо помогал. В течение месяца ему удавалось восстановить здоровье, после чего он возобновлял свои упражнения. И так до следующего обострения болезни.

Кроме того, вечерами после работы он занимался в вечернем техникуме. Такая интенсивная нагрузка - семья, работа, учёба, спорт - привели к сильнейшему нервному истощению. Он перестал спать по ночам. Фельдшер на заводском здравпункте, к которому он обратился за помощью, прописал ему лошадиную дозу сильного успокаивающего средства, которое он принимал со свойственным ему педантизмом. Однако, лекарство ему помогало слабо, и он продолжал бодрствовать по ночам. Его жена приходила к Лёве советоваться, чем ему помочь. Он и порекомендовал предпринять лыжную прогулку на свежем воздухе.

Когда Рувим пришёл в дом к Науму, его жена в смущении сказала, что Наум спит. Оказывается, перед празднованием Нового Года он принял очередную порцию своего лекарства и отправился с семьёй в гости. Там он изрядно выпил. Алкоголь образовал с лекарством “гремучую смесь”, от которой он полностью “отключился”. Жена с дочерью с трудом доставили его домой, раздели и уложили в кровать. Услышав голоса в комнате, Наум позвал жену и передал, что он обязательно пойдёт на прогулку и будет готов через час. Когда Лёва явился к нему в назначенное время, он застал Наума полуодетым и спящим на диване с носком в руках.

С тех пор проблем со сном у него больше не было.

С началом каникул Рувим вообще целыми днями проводил с Борькиной компанией. Самыми близкими его друзьями были Павел Зайцев и Илья Лукин. Борька рассказал Рувиму, что у Ильи отец уже три года находится в ссылке, и мать одна растит двоих детей. Семье приходится трудно, но Илья никогда не жалуется. Он старается помогать матери, возится с младшим братом и при этом умудряется хорошо учиться. У Пашки Зайцева, по словам Борьки, был искусственный глаз, из-

за чего его в классе дразнили и называли косым Зайцем. Если прибавить, что мать его разошлась с его отцом, и Пашке приходится жить с отчимом, понятно, почему он был зол на весь Мир и отдыхал душой только в обществе Борьки и Ильи.

Рувиму особенно нравился Илья. Это был спокойный доброжелательный мальчик. Он очень много читал и был фантазёром и восторженным романтиком. Он мечтал стать то геологом, то археологом. Его постоянно влекла куда-то “Муза дальних странствий”. Уже на второй день каникул он предложил поехать на лыжах за город. В нескольких километрах от города были высокие холмы, где ребята соорудили трамплин. Предложение было дружно принято, и весёлая компания, быстро собравшись, отправилась в поход. Шли гуськом. Илья шёл впереди, прокладывая лыжню. Замыкал колонну Рувим, задача которого заключалась в том, чтобы сильно не отстать от остальных. Прошли несколько километров и въехали в редкий ельник, где росли маленькие ёлочки. Вдруг идущий перед Рувимом Пашка, как заправский вратарь, сделал мощный бросок в сторону. Из-под ёлочки, находящейся в метре от него, выскочил белый заяц и поскакал прочь, прижав к спине уши с чёрными пятнышками на концах. Оторопевшие ребята провожали его изумлёнными глазами, потом, уставившись на Пашку, который не мог встать, запутавшись в собственных лыжах, принялись дружно хохотать. Ситуация была действительно курьёзной - один Заяц пытался поймать голыми руками другого зайца. Смеялись долго, с удовольствием.

-Ты что, спятил? - втолковывал Пашке Илья, - Даже, если бы ты его схватил, он бы мог своими задними лапами тебя просто искалечить!

Пашка смущённо оправдывался, говоря, что он и сам не знает, как это произошло.

Происшествие подняло настроение и дало пищу для разговоров на всю оставшуюся дорогу. А вскоре вся компания выехала на холмистое место. Уже издали был виден высокий холм, на который поднимались ватаги ребяташек, чтобы потом с гиканьем и смехом мчаться вниз, взлетая над трамплином. Наиболее умелые пролетали с десятков метров. Илья, Борис, а за ними и Пашка с Рувимом взобрались на холм и помчались вниз. Рувим видел, как они, удачно приземлившись, лихо разворачивались, чтобы повторить прыжок. Деваться было некуда, и Рувим тоже помчался вниз. У самого трамплина он струсил и попытался свернуть в сторону. Но было уже поздно. Прыжок состоялся, но Рувима понесло боком и куда-то в сторону от лыжни. При приземлении лыжи воткнулись в сугроб, а Рувима вырвало из мягких креплений. Пролетев по инерции ещё несколько метров, он ударился головой обо что-то твёрдое и потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел ребят, которые собрались вокруг него и смотрели с испугом и удивлением. Оказалось, что он ударился о пенёк, запорошенный снегом. О дальнейшем катании не могло быть и речи. Повернули домой. Рувим плёлся сзади. Его тошнило, кружилась голова, сознание то исчезало, то появлялось, и он изо всех сил старался не упасть, механически переставляя ноги. Кое-как добрались домой. Весь вечер Рувим не находил себе места. Но к утру полегчало. И когда компания пришла его навестить, он уже был готов к новым подвигам.

Илья предложил повторить вылазку за город, но его никто не поддержал. Борька уговорил всех идти к нему домой. Он жил в большом добротном доме, который его отец, видный торговый работник, приобрёл пять лет назад у вдовы богатого нэпмана. Дверь им открывала Борькина мать, спокойная, приятная женщина,

говорящая с сильным белорусским акцентом. Она поставила перед ребятами вазочки с конфетами и печеньем, и тихонько удалилась в свою комнату. Ребята быстро расправились с угощением. Рувим тем временем с интересом разглядывал Борькину комнату. Все стены были увешены фотографиями каких-то военных. В центре висел большой портрет могучего лётчика во весь рост на фоне самолёта. Его грубоватое мужественное лицо привлекало какой-то особой мужской неброской красотой. Он был одет в меховую куртку, унты, большие белые краги и перепоясан ремнями парашюта. Всё его тело дышало силой и скрытой энергией, а взгляд был устремлён вдаль.

-Кто это? - спросил Рувим.

Ребята были просто поражены его полным невежеством.

-Ты что? Не знаешь Валерия Чкалова? Да его любой первоклассник знает!

Все принялись наперебой рассказывать о подвигах Чкалова, о его храбрости и необычайном мастерстве.

-Он сумел пролететь на истребителе под мостом, - кричал Борька, - он вместе с Байдуковым и Беляковым совершил беспосадочный перелёт в Америку на самолёте АНТ-25. Они пробыли в воздухе 63 часа. У них кровь шла из ушей, но они не сдались. Весь мир их знает, а ты не знаешь!

Рувим смущённо разводил руками.

-Год назад Чкалов погиб при испытаниях нового истребителя, - добавил Илья.

-Его погубили враги. Говорят, что в разбитом самолёте нашли спички! - уверял Борька.

-Какие спички? Чувь какую-то несёшь! Самолёт новый, были какие-то неполадки в двигателе, - возразил Илья.

-А почему арестовали конструктора Поликарпова? Без причины не арестовывают! Илья промолчал. Он хорошо знал, что арестовывают и без причины.

-Слушай, Рувим! Ты за лётчиков или за моряков? - спросил Борька.

-Как это, за лётчиков или за моряков?

-Ну, кем бы ты хотел быть - моряком или лётчиком?

-Да, я ещё над этим не думал!

-У нас пол - класса - лётчики, а вторая половина - моряки. Мы воюем на переменах между собой. Я за лётчиков. Идём к нам.

Рувим подумал и согласился.

Потом Борька решил угостить ребят вареньем. Он притащил литровую банку варенья, закрытую белой бумагой, на которой было написано "Вишня".

-Это моё любимое варенье. Я могу один съесть целую банку! - уверял Борька.

-Да, ты и половины не съешь, - усомнился Пашка.

-Я не съем? Да, я съем всю банку без хлеба и воды! Спорим на что хочешь.

Борька был отчаянный спорщик. Он мог спорить по любому поводу и с кем угодно.

-Угомонись, Борька! Зачем тебе это надо? Тебе будет плохо! - пытался урезонить его Илья.

Но остановить Борьку было уже невозможно. Он схватил глубокую тарелку и вывернул в неё содержимое банки. Потом принялся с аппетитом поедать варенье большой ложкой. Однако, энтузиазма его хватило не надолго. Очень быстро темп еды резко упал, лицо его сначала побагровело, потом резко побледнело. Он бросил ложку и выбежал из комнаты. Когда он вернулся, он имел такой жалкий вид, что

никто не стал ему напоминать о проигранном пари, и все постарались поскорее ретироваться. Но выбравшись на улицу, они долго хохотали, сожалея, что так и не смогли отведать варенья.

На следующий день Рувим забежал к Борьке, чтобы узнать, как он себя чувствует после неудачного пари. Борька чувствовал себя хорошо. Он деловито приколачивал к стене очередной портрет. Но стоило ему ударить молотком по гвоздю, как тот провалился в стенку по самую шляпку. Борька вытащил его из отверстия и передвинул портрет чуть повыше. При ударе молотка в стене образовалась трещина и откололся большой кусок штукатурки. Через образовавшееся отверстие ребята увидели какую-то полость в стене. У Борьки лихорадочно заблестели глаза, и он принялся отбивать штукатурку. Вскоре открылась небольшая ниша, в которой стоял солдатский котелок, закрытый крышкой.

-Клад! - ахнул Борька.

Когда он открыл крышку, оказалось, что котелок забит серебряными полтинниками, на которых был изображён могучий кузнец. Борька объяснил Рувиму, что такие монеты выпускались в Советском Союзе в двадцатых годах. Мальчики пересчитали монеты. Их было ровно пятьдесят штук. Борька хотел подарить Рувиму один полтинник, но тот отказался.

-Зачем он мне нужен? Что я с ним буду делать?

Борька сложил опять монеты в котелок и поставил его на старое место. Потом он завесил дыру в стене репродукцией картины Васнецова "Три богатыря", извлечённой из журнала "Огонёк".

-Ты никому не говори! Я родителям тоже не скажу, а то отец обязательно отберёт.

Рувим заверил, что будет молчать, как рыба. Своё обещание он сдержал. А Борька обменял значительную часть монет на подержанный велосипед и большую морскую раковину. Если раковину прижать к уху, можно было услышать шум, напоминающий шум прибоя. Борька этой раковинкой очень гордился и давал всем слушать.

Надо признать, что общение Рувима с Борькой и его друзьями не прошло для Рувима даром. Они не смеялись над его дикими выражениями, а терпеливо поправляли его, подсказывая, как надо говорить. Только Борька удивлялся наиболее заковыристым фразам.

-Ну, ты даёшь! - восклицал он в этих случаях.

Наибольшую помощь Рувиму оказывал Илья, который был прирождённым педагогом. Он помогал Рувиму выполнять задания по русскому и белорусскому языкам, которые учителя задали Рувиму на каникулы. В результате общих стараний Рувим существенно пополнил свой лексикон, в том числе и рядом далеко не парламентских выражений, которые вскоре ему весьмагодились.

Всё хорошее, к сожалению, кончается очень быстро. Рувим не успел оглянуться, как каникулы окончились, и пришлось идти в школу.

Школа располагалась в четырёхэтажном здании. Старшие классы учились на четвёртом этаже, пятые-седьмые-на третьем, младшие классы-на первых этажах. В пристройке находился небольшой спортивный зал.

Классная руководительница Нина Григорьевна представила его классу и попросила всех любить его и жаловать. Пашка Зайцев, сидевший рядом с Борькой, пересел к Илье, уступив своё место Рувиму. Рувим был удивлён, увидев, что в

классе нет девочек. Борька объяснил, что горОНО проводит эксперимент, и у них в школе в седьмом и девятом классах существует раздельное обучение.

Первый урок Рувим провёл, как в тумане. Он с трудом дождался звонка на перерыв. Когда учительница вышла из класса, ребята окружили парту Рувима. Посыпались вопросы. Рувим старался отвечать на них предельно коротко, чтобы не показывать своё плохое знание языка. Выручал Борька, дополнявший его ответы. В целом, ребята были настроены благожелательно. И только двое из них остались сидеть на своих местах, обмениваясь потихоньку язвительными репликами. Один из них, в очках с толстыми линзами, был, повидимому, сильно близорук. Читая, он иногда сдвигал очки на лоб и подносил текст почти вплотную к глазам. Тогда становились видны его сильно выпуклые бледно-серые глаза. На нём были одеты дорогие вещи, но носил он их подчёркнуто небрежно. Держался он уверенно, даже, как показалось Рувиму, высокомерно. Рувим уже знал от Борьки, что его звали Лёнька Лаврентьев и что он был сыном начальника отделом обкома партии. Его сосед Юрка Красин тоже был сыном крупного чиновника из облисполкома. Чувствовалось, что он так же, как и Лёнька, привык быть в центре внимания.

Начался урок математики. Заболевшего учителя заменял преподаватель физики и математики в старших классах Борис Яковлевич. Он ребятам сразу понравился. В отличие от большинства учителей, он ко всем ученикам обращался “на Вы”. Говорил негромко, спокойно, мог во время пошутить, давал примеры и задачи на бытовые темы. Он раздал всем листочки с заданием, а потом стал вызывать учеников по очереди к доске с просьбой объяснить, как он решал или собирался решать задачу. Всем остальным предлагалось прокомментировать решение или предложить свой вариант. Сначала робко, потом всё активней ребята стали высказывать своё мнение. Постепенно возникла непринуждённая атмосфера какого-то общего процесса, в который невольно вовлекался даже самый закоренелый лодырь. Дав всем выговориться, Борис Яковлевич подвёл итоги, пояснив, как наиболее рационально следует решать эту задачу, как в принципе возможно, а как нельзя.

Таким образом было разобрано несколько задач, и в их решении фактически участвовал почти весь класс. Чтобы дать всем отдохнуть, Борис Яковлевич стал рассказывать о том, что математики прошлого оставили ряд нерешённых увлекательных задач, над решением которых и по сей день бьются лучшие умы человечества. В качестве примера он привёл теорему Ферма и ряд теоретических положений, сформулированных Эваристом Галуа в ночь перед трагической дуэлью. За решение этих задач положена крупная международная премия. И учитель призвал всех не упускать свои шансы.

В конце урока он указал разделы учебника, которые следует выучить самостоятельно к следующему уроку, пообещав разобрать их совместно с учениками.

Урок пролетел незаметно. После звонка никто не срывался с места. Все были очарованы преподавателем.

-Да, вот это мужик! Жалко, что он к нам ненадолго, - выразил общее мнение Борька.

Всю перемену, разбившись на группы, ученики обсуждали прошедший урок. В классе было непривычно тихо и спокойно. Зато на большой перемене упущенное было навёрстано сполна. Состоялось долго откладываемое сражение “лётчиков” и

“моряков”. Класс дружно выбежал на школьный двор и разделился на две команды – “лётчиков” и “моряков”. Рувим присоединился к команде “лётчиков”. Сражались снежками. Накануне прошёл снег, стоял небольшой мороз, и поэтому снежки лепились очень хорошо. Долгое время шла равная борьба. Постепенно “моряки” стали теснить “лётчиков” к дверям школы. Особенно активным был высокий Бенья Гольдман, наступавший во главе “моряков”. Во время одной из его атак Рувим попал Бене снежкой в лицо. Удар получился весьма чувствительным. Ответить обидчику Бенья не успел. Прозвенел звонок, и пришлось возвращаться в класс неотмщённым. Когда бежали по лестнице, Рувим услышал, как Лёнька Лаврентьев подсмеивался над Беней:

-Ну, что, уделал тебя коротышка?

Этого было достаточно, чтобы Бенья окончательно “завёлся”. Он подошёл к Рувиму и предложил “поговорить” после уроков. Деваться было некуда. Мальчишеский “кодекс чести” обязывал принять вызов. После уроков весь класс собрался во дворе за сараями. Зрители образовали круг, в центре которого, сбросив пальто, стояли друг против друга дуэлянты. Зрелище было достаточно комичным. Долговязый Бенья возвышался над Рувимом на целую голову. Он заранее предвкушал победу. Бенья был известный боец, и в результатах поединка никто не сомневался. Даже сторонники Рувима.

-Врежь ему Бенья!

-Не трухай, малый! - раздавалось со всех сторон.

А Рувим и не боялся. Он тоже был опытным бойцом, закалённым в многочисленных боях на Жидовской улице. Кроме того, он не чувствовал никакой вины перед Беней и не видел причин для драки.

Крики раззадорили Бенью. Он размахнулся и нанёс мощный удар. Но Рувим присел, и кулак пронёсся над его головой. Вынырнув из-под руки Бени, Рувим ткнул ему кулаком в нос. Брызнула кровь. Драка была остановлена, так как по неписанным правилам положено было драться до первой крови.

Ожидаемого зрелища не получилось. Лаврентьев, Красин и их друзья ушли разочарованными. А Рувим этим успехом завоевал признание в классе и отбил желание у некоторых проверять его на прочность. С Беней же они вскоре подружились.

После этой славной победы коллектив класса признал Рувима своим полноправным членом, и для него наступили школьные будни.

Рувим много занимался, старательно делал уроки, посещал дополнительные занятия, встречался с ребятами, которых он не стеснялся, старался побольше говорить, читал, порой не столько понимая, сколько догадываясь, о чём идёт речь, и впитывал все эти знания и впечатления, как губка впитывает воду. Благодаря этому он очень быстро прогрессировал, что отмечали как учителя, так и ученики. Он сумел разобраться и в классной иерархии. Большое влияние на жизнь коллектива оказывал Лёнька Лаврентьев. Он был, безусловно, незаурядным человеком. Благодаря матери, преподавателю словесности, он писал абсолютно грамотно и хорошо знал русскую и классическую литературу. Он много читал, хорошо знал российскую и мировую историю, увлекался философией и ненавидел математику и все остальные точные науки. Благодаря своей эрудиции, определённому организаторскому таланту и высокому положению отца он был признанным

лидером у значительной части класса. Он постоянно интриговал и, оставаясь сам в тени, организовывал травлю непокорных соучеников или какую-нибудь шумную озорную выходку.

Самым близким его другом был Юрка Красин. Он не имел таких ярких талантов, как у Лёньки. Его главным увлечением была техника. У его отца была служебная машина, и водители позволяли ему её водить и принимать участие в ремонтах и обслуживании, что Лёнька считал плебейским занятием. Юрка прекрасно чертил и помогал Лёньке делать чертежи и ремонтировал ему велосипед, а тот вылавливал ошибки в его контрольных работах по русскому и белорусскому языкам.

Лаврентьевы и Красины дружили семьями, что также способствовало дружбе Лёньки и Юрки. Но больше всего их сближала общая принадлежность к элите.

Наиболее послушными и преданными их сторонниками были Гришка Шмелькин и Генка Мухин. Гришкин отец был работником аппарата обкома партии и непосредственно подчинялся Лаврентьеву-старшему. Возможно, это было одной из причин подобострастного отношения Гришки к Лёньке. Стоило Лёньке дать команду, как Гришка тут же принимался выделывать всевозможные трюки. Его коронным номером было подражание обезьянам. Он прыгал по партам, ухал, махал руками, как обезьяна, за что он получил прозвище “Мартышка”. Его друг по прозвищу “Муха” был просто бесхитростным озорником, готовым поддержать любую проделку своего друга. Примерно треть класса не попала под влияние Лёньки. Это были наиболее активные и разносторонние ребята, которые тянулись к учёбе, занимались спортом, организовывали шахматные и шашечные турниры и вечера с девочками из параллельного класса. Они также с удовольствием озорничали, но без дикостей, которые отличали выходки Мартышки и Мухи. Сюда входила компания Борьки, испанец Хосе Гомес, родители которого погибли во время гражданской войны в Испании, сын чернокожего эмигранта из Америки Том Джексон, талантливый скрипач Люсик Крейнин. Рувиму было с ними интересно, и он без раздумий примкнул к этим ребятам. А вскоре присоединился к ним и подружившийся с Рувимом Бенья Гольдман.

Оставшаяся часть класса состояла из ребят, которые не хотели учиться и с трудом дотягивали до завершения “семилетки”, чтобы после окончания седьмого класса поступать в техникумы или ремесленные училища. Их, как правило, мало интересовали классные мероприятия. Илья Лукин называл их “Болотом”.

Эти три группы ребят сосуществовали, лишь изредка вступая в конфликты.

Среди учителей наибольшей любовью учеников пользовалась преподавательница русского языка и литературы Нина Григорьевна. Миловидная женщина средних лет, она обладала большим педагогическим талантом и неистощимым чувством юмора. Самых необузданных озорников она умела поставить на место остроумной меткой репликой, выставлявшей их на посмеище перед всем классом. Она хлётко парировала едкие замечания Лёньки Лаврентьева, и он вынужден был смеяться над собой с остальными учениками. Она старалась не только научить учеников своему предмету, но и помочь им научиться самостоятельно мыслить и правильно выражать свои мысли. Она прекрасно читала наизусть стихи и прозу и при этом так организовывала свой урок, что вовлекала в работу почти всех учеников. Она сумела заразить многих своих учеников любовью к чтению. Занимаясь с Рувимом на дополнительных занятиях, она ставила ему произношение и объясняла правила

грамматики. Умело подбирая нужные стихи для заучивания и увлекательные произведения русской и мировой классики, она развивала его речь и мышление, и привила ему вкус к чтению. Именно благодаря её таланту и настойчивости Рувим очень быстро прогрессировал.

Но бывали неудачи и у неё. Самым нерадивым учеником в классе был Адольф, Адик Сорос. Отец Адика был старьевщиком, а мать сидела дома и обслуживала свою многочисленную, непрерывно увеличивающуюся семью. У Адика было одиннадцать братьев и сестёр, вечно голодных и грязных. Он был старшим из них. Из-за хронического недоедания или по другим причинам у него на теле то там, то сям постоянно появлялись фурункулы. Особенно он страдал от многочисленных волдырей, периодически появлявшихся у него под мышкой и образующих то, что в народе называют “Сучьим выменем”. Возможно, плохое самочувствие и постоянная заторможенность служили причиной того, что он был хроническим неудачником. Все эти качества крайне не соответствовали его звучному и грозному имени Адольф, которое уже наводило ужас в Европе. Поэтому, когда Лёнька Лаврентьев, перефразировав его фамилию, назвал его “Цоресом”, что по-еврейски означает “Несчастье”, эта кличка приклеилась к нему намертво. Цоресом его называли не только соученики, но и многие учителя. Он не обижался и охотно откликался на свою кличку. Дважды оставшись на второй год в разных классах, он был старше всех остальных учеников в классе. Учиться он совершенно не хотел и уже, наверное, не мог, и ходил в школу, только уступая просьбам матери. Рувим видел эту маленькую женщину, расплывшуюся от многочисленных родов, когда она приходила в школу и умоляла не отчислять нерадивого сына из школы до конца года. Учителя жалели бедную женщину и всеми силами старались помочь Цоресу окончить седьмой класс. Однако, он уверовал, что его не отчислят, и совершенно не готовил уроки. Нина Григорьевна регулярно вызывала его к доске, стараясь хоть таким образом заставить его что-нибудь делать.

-Сорос! - очередной раз допрашивала она Адика, - Вы можете мне хоть что-нибудь рассказать наизусть? В присутствии всего класса обещаю, если вы мне что-нибудь расскажете, я ставлю Вам “тройку” и больше до конца четверти не побеспокою.

-Хорошо, Нина Григорьевна. Я сейчас расскажу былинку..э-э-э ... про Муромца, - и Адик с надеждой посмотрел на Пашку Зайцева, с которым он ходил обычно в школу.

-Ах ты, волчья сыть! - начал Пашка.

-Ах ты, волчья сыть! - повторил Адик и сделал энергичный жест рукой.

Нина Григорьевна быстро подошла и встала возле Пашки. Продолжать суфлировать в такой ситуации Пашка не осмеливался.

-Дай травяной мешок! - подсказал Лёнька Лаврентьев.

-Дай травяной мешок! - послушно повторил Цорес, протягивая руки с мольбой.

-Аль идти не хочешь, аль везти не можешь? - вдруг радостно вспомнил он.

Последние слова его уже никто не слышал из-за взрыва хохота. Нина Григорьевна тоже смеялась до слёз.

-Ну, что ж, придётся ставить тебе “тройку”. Никуда не денешься, Обещание надо выполнять.

Довольный Цорес показал Лёньке кулак и с видом героя отправился на своё место. Уже не в первый раз он становился объектом Лёнькиных розыгрышей и относился

к ним крайне хладнокровно. Почёсывая большим пальцем правой руки уже изрядно выросшие усы, он с удовольствием предвкушал, как он пойдёт вечером в женское общежитие строительного училища, в которое он собирался поступать по завершению учебного года.

-Слушай, Пашка, а чего вы смеялись? - спросил он у Пашки, когда они шли домой.

-Потому, - ответил Пашка, - Что надо было сказать :” Ах ты, волчья сыть, травяной мешок”. Это так Илья Муромец ругал свою лошадь. А ты что понёс?

Большинство учеников класса, мягко говоря, недолюбливало уроки белорусского языка. Белорусская грамматика зачастую вступала в противоречие с грамматикой русской, что вызывало путаницу в умах не самых прилежных учеников. Поэтому контрольные работы по белорусскому языку приносили в журнал большое количество невысоких оценок и воспринимались классной общественностью как стихийное бедствие. Преподавательница белорусского языка и литературы Елизавета Ивановна преданно служила своему предмету и не шла ни на какие компромиссы с пострадавшими. За частое употребление выражения “Калі ласка” она получила прозвище “Каляска”. Это была ещё молодая женщина с большими, грустными, какими-то погасшими глазами. Она много курила, отчего у неё были желтоватые пальцы и нездоровый цвет лица. Она любила свой предмет и хорошо читала стихи белорусских поэтов. Особенно ей удавалась поэзия Янки Купалы.

-Звярніце увагу, - говорила она, - як творчасць Купалы адпавядае творчасці Някрасава. Вось, напрыклад, “Курган” Купалы:

“Паміж пустак-балот беларускай зямлі,
На узбярэжжы ракі шумнаецнай....”

А вось “Парадный подъезд” Некрасова:

“Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопьем недугом....”

Вы бачыце, які аднолькавы рытм?

Лёнька “ня бачыу” и вступил в дискуссию, которая продолжалась пол-урока к огромному удовольствию остального класса. Однако, учительница не видела подвоха и могла говорить на эту тему без конца, приводя всё новые примеры. Рувим не пытался вслед за ней проследивать эти параллели, но и те, и другие стихи ему нравились. Впрочем, как и многие прозаические произведения, такие, как “Дрыгва” Коласа и рассказы Бядули. Белорусский язык, вообще, давался Рувиму легче, чем русский, так как он был ближе к польскому. Но с грамматикой, как русской, так и белорусской у него были серьёзные нелады, и он пополнял число неудачников, имевших неудовлетворительные оценки по диктантам. Даже Лёнька Лаврентьев получал за белорусские диктанты посредственные оценки. Он считал, что этот язык является деревенским жаргоном русского языка, и учил его только по необходимости.

Хорошо знали белорусский язык только несколько человек в классе. В том числе Васька Луцевич, уверявший, что он родной племянник Ивана Доминиковича Луцевича, то есть Янки Купалы. Лёнька Лаврентьев это категорически отрицал, ссылаясь на то, что в деревне “Вязынка”, откуда Васька родом, каждый второй житель носит фамилию Луцевич.

После очередной контрольной по белорусскому языку класс пребывал в унынии. На перерыве Генка Мухин достал из кармана спичечный коробок, в котором что-то шевелилось и шуршало, и сказал, что пойдёт пугать девок. Приоткрыв коробок, он показал, что в нём сидят два больших рыжих таракана. Но Лёнька сказал, что у него есть лучшая идея. Они долго потихоньку обсуждали с Мухой эту идею, радостно хихикая.

На следующий день Муха пришёл в класс с таинственным видом и долго шептался с Лёнькой, Мартышкой и некоторыми из Лёнькиных сторонников. Они возились с каким-то свёртком. Явно готовилась очередная проделка. Когда начался урок белорусского языка, Муха с Мартышкой заняли своё место на первой парте перед столом учительницы, куда она их пересаживала на время своего урока, чтобы держать их под контролем. Елизавета Ивановна открыла классный журнал, где были проставлены печальные результаты прошедшей контрольной, и раздала тетради для работы над ошибками. В это время Мухин передал назад свёрток. Учительница, заметив это, устремилась за ним.

-Зараз перадайце гэта сюды! - приказала она.

Но свёрток передавался от одной парты к другой. Наконец, учительница сумела настичь свёрток у задней парты. Развернув его, она увидела, что это-калоша, вывернутая наизнанку. Сидевший на соседней парте Цорес узнал свою калошу и стал громко требовать, чтобы ему её немедленно вернули. Во время этой сумятицы Муха достал из коробка таракана, к которому была привязана проволоочная коляска. Ко дну коляски был прикреплён томпон из промокательной бумаги. Муха вымазал таракана и томпон в чернила и пустил на журнал через коридор, образованный двумя линейками, которые держал Мартышка. Таракан побежал вдоль колонки с отметками по контрольной работе, оставляя за собой жирный чернильный след. Добежав до конца стола, таракан свалился на пол и резво юркнул в щель под дверью. Когда, наведя порядок в классе, Елизавета Ивановна вернулась на своё место, Муха с Мартышкой сидели за своей партой с самым невинным видом и сосредоточенно изучали свои тетради с контрольной работой. Класс замер. Все ожидали скандала, криков, слёз. Рувим видел, что у Елизаветы Ивановны лицо залилось краской, в глазах блеснули слёзы, но она сумела себя сдержать и вдруг...засмеялась.

-Але ж, даражэнькія, вы вельмі памыліліся. Усе адзнакі ёсць у маім асабістым сшытку. Вучні, якія атрымалі дрэнныя адзнакі павінны сёння прыйсці на дадатковыя заняткі . А зараз паслухаем Мухіна.

Втечение урока Каляска вызвала к доске всех организаторов весёлой шутки, которые были ей давно известны, и безжалостно их наказала. Они все были ей давно известны. А Муха получил ещё изрядную трёпку от Цореса и долго ещё пыхтел, приводя калошу в первоначальное состояние. В этом деле он не имел себе равных во всей школе.

Вечером Рувиму пришлось придти в школу на дополнительные занятия по белорусскому языку. В класной комнате было темно. Свет в неё попадал из освещённого коридора. Муха, стоя на стуле, поставленном на стол учителя, отвинчивал электрическую лампочку и что-то подкладывал под её цоколь. Потом, ввернув её на место он привязал к шнуру белую нитку и спрыгнул со стула на пол. Лампочки загорелись, и Рувим увидел теперь, что шнуры с лампочками были

связаны белой ниткой, конец которой был протянут к задней парте. Если не знать о существовании нитки, то при довольно тусклом освещении рассмотреть её было весьма сложно.

Вошла учительница, и урок начался. В течение пятнадцати-двадцати минут шёл разбор допущенных ошибок. Затем учительница достала книгу и приготовилась диктовать. В этот момент лампочки вдруг начали бешено скакать под потолком, а затем медленно погасли. Потрясённая учительница открыла дверь в коридор, где благополучно продолжал гореть свет. Все стали уверять её, что по какой-то таинственной причине лампочки враз перегорели. У Елизаветы Ивановны хватило выдержки, чтобы не сорваться и на этот раз. Она пообещала перенести занятия на следующую неделю.

Когда учительница ушла, завершение занятий было встречено ликующими криками. Нитка и лежащие под цоколем прокладки были удалены. Непонятливому Рувиму Цорес объяснил, что под цоколь подкладывается мокрая промокашка. Пока она сохраняет влагу, она проводит электричество, и лампочка горит. Но при прохождении тока выделяется тепло, от которого промокашка высыхает и перестаёт быть проводником, и свет гаснет. На это уходит минут 15-20. Сидящий на задней парте опытный озорник этот момент предчувствует заранее и начинает дёргать за нитку. Лампочки прыгают и затем медленно гаснут, что очень усиливает производимое впечатление.

-Физику учить надо, - назидательно добавил мудрый Цорес.

Крайне довольные собой, Муха, Мартышка и Цорес побежали домой. Рувим тоже побрёл домой, не зная, как ему реагировать на такие проделки.

Было два урока, на которые Рувим ходил, как на праздник. Ему очень нравились уроки истории. Преподаватель истории Николай Иванович пользовался всеобщей любовью. Он был серьёзным учёным, активно работавшим с историческими документами и принимавшим участие в археологических раскопках. На уроках он умел так увлекательно о них рассказывать, что слушатели чувствовали себя полноценными участниками его поисков. Во время каникул он организовывал походы по историческим местам. С Рувимом он занимался индивидуально, чтобы помочь ему в короткое время догнать своих одноклассников. С этой целью он приносил Рувиму интересные исторические произведения из собственной библиотеки. Рувим читал их с захлёбом.

Как и большинство учеников класса, Рувим с удовольствием ходил на уроки физкультуры. Иван Николаевич Качкин, учитель физкультуры, превращал эти уроки в увлекательные соревнования. Обычно формировались две команды, которые соревновались в многоборье. А учитель, как бы невзначай, обучал их выполнять входящие в это многоборье упражнения. Делалось это всё легко, с необходимыми шутками, которыми учитель подбадривал неудачников. Поэтому уроки проходили весело, как говорится, на одном дыхании. Только Лёнька Лаврентьев уклонялся от уроков физкультуры. Здесь он уступал многим, а быть на вторых ролях он не желал. И поэтому он сумел взять у знакомого врача освобождение.

Однажды Иван Николаевич предложил ребятам сыграть в Александра Невского. Участники игры разбиваются на две команды. Половина каждой команды изображала лошадей, а вторая - всадников. "Всадники", сидя на спинах у "лошадей", пытались стащить "всадников" противоположной команды со спин их "лошадей".

Игра всем понравилась. Маленький Рувим взобрался на спину рослого Бени. Получилась очень удачная пара. Рувим, несмотря на маленький рост, имел сильные руки, и был хорошо скоординирован. Они с Беней выработали эффективную тактику действий. Рувим тряс противника из стороны в сторону и толкал от себя. Затем Бенья делал шаг назад, а Рувим неожиданно дёргал противника на себя и в сторону. Этот приём неизменно приносил успех. В конце урока Иван Николаевич, наблюдавший за игрой, подозвал Рувима и предложил ему поступить в секцию бокса, которая работала в помещении школы под руководством Ивана Николаевича. Он пригласил также Борьку и Илью. Ребята с удовольствием согласились. Придя на занятия секции, ребята узнали, что она входит в состав детской спортивной школы, а Иван Николаевич является чемпионом области в полутяжёлом весе и входит в сборную Республики.

Староста группы записал новичков в журнал и указал их место в строю. К приходу тренера вся группа - и опытные спортсмены, и новички - выстроились в шеренгу по росту. Староста проверил по списку присутствующих, отметил результаты проверки в журнале и доложил о них тренеру. Тренер поздоровался с группой, а она ему дружно ответила. Иван Николаевич уделял большое внимание всем ритуалам, считая, что это сплачивает группу и сразу создаёт рабочую атмосферу. Поэтому с первого же занятия Рувим почувствовал себя членом дружного коллектива и старался не пропускать тренировки.

Казалось, что теперь жизнь Рувима была заполнена до отказа. После школы он делал уроки, ходил на дополнительные задания, читал книги, которые ему щедро подсовывали учителя, посещал тренировки. Не оставалось времени даже для того, чтобы побегать с друзьями по улицам. Но после перенесенных испытаний Рувиму было всё нипочём. Такая насыщенная жизнь ему нравилась, она его опьяняла, и он был готов уплотнить её ещё больше, если бы подвернулось какое-нибудь новое увлекательное занятие. И такая возможность ему вскоре представилась.

ДЯДЯ ВЕНЯ.

Во второй половине января Рувим, наконец, познакомился с семьёй старшего брата дяди Лёвы - дяди Вени. О нём в семье дяди Лёвы говорили с большим уважением. Тётя Тоня рассказала Рувиму, что братья родились в многодетной семье в Луполово, районе города Могилёва. Их отец был первоклассным каменщиком и потомственным печником. Секреты этого мастерства передавались в семье из поколения в поколение. Отец неплохо зарабатывал, но, поскольку он был единственным кормильцем, семья жила достаточно скромно. Старшему сыну пришлось рано приобщиться к труду. Он с малых лет помогал отцу и успел освоить основные приёмы его ремесла. Однако, империалистическая и гражданская войны, послевоенная разруха и эпидемии разных болезней катком прокатились по их семье. В живых остались только братья - Венья и Лёва Ольховские. Энергичный и толковый Венья работал и учился на рабфаке. Он заменил Лёве умерших родителей. Братья дружили, вместе ходили к девушкам, порой дрались с их поклонниками и не унывали. Тётя Тоня ласково называла их "Луполовскими босяками". Вскоре подросший Лёва освоил престижную рабочую специальность электрика, удачно устроился на работу, женился и зажил с женой в её доме. Его всё устраивало в этой

жизни, он был счастлив и ни к чему другому не стремился. А Веня, освободившись от забот о младшем брате, окончил рабфак и поступил в ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, где в то время преподавали выдающиеся специалисты старой дореволюционной школы. Большой практический опыт и сноровка, полученные Веней в юношеские годы, и природные способности выдвинули его в число лучших студентов института. Вместе с другими малоимущими студентами он частенько ходил на подработку в Ленинградский морской порт, где они ночами разгружали вагоны. Это давало возможность как-то питаться и одеваться. Закалённый организм позволил ему выдержать такую нагрузку и благополучно завершить учёбу. С дипломом инженера-строителя и специалиста по мостам и тоннелям он был направлен в Западную Сибирь, участвовал в осуществлении многих строек в Сибири и на Урале. Находясь в отпуске на родине, женился и поселился с семьёй в Челябинске. Пока он непрерывно ездил в командировки по разным объектам его жена Хена растила дочку. В 1936 году Веня обнаружил, что на стройке, где он был главным инженером, орудует группа расхитителей, действующих совместно или под покровительством высокопоставленных чиновников. Будучи человеком принципиальным, Веня, несмотря на предупреждения, обратился в прокуратуру. Но дело замяли. А через год сфабриковали дело уже против него, припомнив его неосторожные критические замечания относительно проектов строительства ряда стратегических объектов Сибири и Дальнего Востока. В итоге он был арестован и осуждён. Ему повезло. Он не попал на лесоповал, а был назначен бригадиром строительной бригады Зеков, и работал на строительстве оборонного объекта в Комсомольске-на-Амуре. Жена с дочерью остались в Челябинске фактически без средств к существованию. Друзья, которые прежде часто посещали их гостеприимный дом, поспешили прекратить с ней всякие отношения. Общаться с семьёй “врага народа” было смертельно опасно. На помощь Хене пришёл муж её самой младшей сестры Лили Самуил. Этот крупный учёный, хирург-уролог, рискуя карьерой, приехал в Челябинск и забрал Хену с дочерью к себе в Минск. В течение более полутора лет они жили у Лили в небольшой двухкомнатной квартире, которую она с мужем снимала в частном доме.

Самуил был вечно занят. Он преподавал в мединституте, оперировал в клинике, сидел в библиотеке, где писал докторскую диссертацию, и домой приходил только поздно вечером. Лиля училась в мединституте и тоже была очень занята. Хена сидела дома с дочерью Аллой и маленьким племянником Валериком. Ей помогала нянька. Кроме того, часть дня дети проводили с преподавательницей немецкого языка “тантой Ритой”. Помимо немецкого языка она преподавала маленькой группе элитных детей чтение и письмо на русском языке и выводила их на прогулку в парки города. Обедали дети и учительница в семьях учеников, чередуясь, по одной неделе в каждой семье.

Хена и Лиля очень жалели Аллу, считая, что ей уготована сиротская доля, и раскормили её сверх всякой меры.

-Они раскормили её до безобразия! Ты это увидишь, - заверяла Рувима возмущённая тётя Тоня.

Когда в один из выходных дней Самуил смог провести время с семьёй, он пришёл в ужас и строго - настрого запретил ежедневно кормить девочку шоколадом. Но было уже поздно. Алла привыкла к сладкому, и у Хены нехватало духа ей отказывать.

В начале 1939 года Самуил удачно прооперировал дочь зам. Наркома внутренних дел Республики. Перед операцией чиновник наобещал ему золотые горы. Поэтому Самуил осмелился воспользоваться сложившейся ситуацией и ходатайствовал за шурина. Чиновник осторожно навёл справки и выяснил, что недруги, упрятавшие Веню за решётку, уверовав в свою безнаказанность, окончательно обнаглели и потеряли бдительность. В итоге они все были арестованы и пребывали в местах отдалённых. В свою очередь, Веня был на хорошем счету, как умелый и добросовестный работник и примерный заключённый. Кроме того, в Наркомате происходили серьёзные изменения, и ходатаю удалось без труда добиться пересмотра дела и досрочного освобождения. Веня был направлен на работу в Могилёв, и там быстро укрепил своё положение. Он опять успешно работал, а к концу 1939 года ему была предоставлена хорошая квартира в новом доме, где он счастливо зажил со своей семьёй.

Получив такую интересную информацию, Рувим шёл в гости, переполненный любопытством. Однако, дядя Веня был меньше всего похож на “Луполовского босняка”. Это был высокий, стройный мужчина лет 35-36. Удлиненное лицо, высокий лоб с небольшими залысинами, крупный нос с горбинкой, умные насмешливые глаза создавали то, что порой называют “аристократической внешностью”. Несмотря на его весёлость и доброжелательность в обращении с собеседником, чувствовались уверенность в себе и привычка руководить людьми. Он встретил Рувима так, как если бы они были знакомы много лет и расстались только вчера. Чем-то неуловимым он напоминал Рувиму Ференца Экели, и Рувим сразу же почувствовал к нему расположение. Его жена Хена была под стать мужу. Небольшого роста, с русыми волосами, с ясными голубыми глазами, эта молодая женщина могла бы считаться красивой, если бы её внешность не портила беременность.

Хозяева радушно пригласили гостей в квартиру, где их с нетерпением ждала пухленькая девочка лет девяти. У неё были огромные голубые глаза с большими ресницами, светлые, как у матери, волосы, стянутые в две тугие косички, украшенные белыми бантиками. На ней было розовое платье под цвет абажура, белые носочки и светлые туфельки. Она тут же потащила Рувима в свою комнату и стала показывать ему свои многочисленные игрушки и жаловаться на соседскую Катю, которая называет её “бочкой с салом”. Рувим заверил её, что она не такая уже толстая, чем покорила её окончательно.

Обед был отменен: селёdochка с луком, красный борщ, беляши, компот из вишни. Мужчины выпили немного водочки. Беляши были фирменным блюдом Хены Марковны, и они буквально потрясли Рувима.

После обеда женщины уединились в детской комнате, мужчины остались в гостиной, а Алла повела Рувима осматривать квартиру. Наибольшее впечатление на Рувима произвела ванная. Ванна занимала большую часть комнаты. Душ и краны сверкали никелем. Рядом была закреплена раковина, над которой висели большое зеркало и полочки, где стояли стаканы с зубными щётками, коробочки с зубным порошком, лежали разноцветные и пахучие куски мыла. Вода нагревалась в колонке, отапливаемой дровами, аккуратно сложенными рядом с колонкой. Ничего подобного Рувим в жизни не видел. В Могилёве он ходил в городскую баню, где были постоянные очереди, вечные пропажи вещей, жетоны на верёвочках, которые было

легко потерять, грязные шайки и скользкие лавки. Несколько дней назад Рувим с Борькой, Пашкой и его младшим братом мылись в бане. Пухлый Пашкин брат, похожий на розового поросёночка, привлёк внимание какого-то мужчины, который всё время крутился возле них, заговаривал с мальчиком, предлагая потереть ему спину, угостить лимонадом, погулять с ним после бани. Мывшийся рядом с ними другой мужчина обругал навязчивого человека и посоветовал мальчишкам держаться от него подальше, после чего тот поспешил ретироваться.

-Чтобы тебя здесь больше не видели, пидор несчастный! - крикнул мужчина ему вслед.

-Что такое, "пидор"? - спросил Рувим, входя в гостиную.

-Лучше тебе это пока не знать, - ухмыльнулся в ответ дядя Веня.

Мужчины заговорили о политике. Алла принесла в комнату свои игры, и они с Рувимом стали играть в них, сидя на полу. Начали с игры в "Цирк". Нужно было бросать кубик, а потом передвигать фишки в соответствие с числом выпавших очков. В зависимости от поля, на которое попадала фишка, она могла резко передвинуться на несколько позиций вперёд, либо, наоборот, назад, либо остаться на данной позиции. Игра была интересной, и Рувим играл с увлечением, но краем уха прислушивался к разговору мужчин. Говорили о войне с белофиннами. Конечно, Рувим знал, что идёт война. В городе повсюду висели плакаты типа "Ударим безжалостно по врагу!", "Сотрём белофиннов с лица земли!" На предприятиях и даже в школах проходили митинги. Начались перебои с хлебом. Но война шла где-то далеко, и Рувим как-то не воспринимал её, как что-то, касающееся его непосредственно.

-Слушай, Веня! Ты учёный человек. Скажи, что там происходит? Почему мы с ними ещё возимся? Там всю их армию можно шапкой накрыть, а конца войны и не видно. Мы очень беспокоимся за Лёшу. Хотя бы у него было всё в порядке, - спросил Лёва у брата.

Услышав имя Алексея Соколова, Рувим сразу насторожился и стал внимательно слушать.

-Вот видишь, начальство тоже так думало, как и ты, и не подготовилось, как следует, к войне. На фронт послали людей, не одетых, как надо, а морозы -40 градусов. Люди замерзают. Танки застревают в глубоком снегу, дороги перекрыты завалами и минными полями. Отсутствует взаимосвязь между отдельными родами войск. А финны, наоборот, используют хорошо вооружённые мобильные отряды лыжников, прекрасно знающих местность. Очень эффективно действуют снайперы "Кукушки". Поэтому у нас очень большие потери. У меня есть информация, - и Веня покосился на приёмник фирмы "Телефункен", стоящий на тумбочке, - Что начальник генштаба Шапошников возражал против такого плана ведения войны. Но сейчас назначен новый командующий -Тимошенко. Он мужик крутой. Я думаю, он наведёт порядок.

Только сейчас Рувим осознал, какой опасности подвергается такой дорогой для него человек, как Алексей Соколов. С этого дня он стал внимательно следить за событиями. К сожалению, из официальной информации нельзя было ничего понять, а Лёва и сам ничего толком не знал.

-А у нас сегодня были перевыборы звеньёвого, - вдруг вмешалась в разговор Аллочка, - Вместо меня выбрали Катьку, задаваку потивную.

-Почему? - удивился Веня, - Ведь ты была хорошей звеньевой.

-Пионервожатая спросила у нас, кого мы больше любим, маму или товарища Сталина?

-Ну, и что ты ответила?

-Я сказала, что маму. А Катька хитрая сказала, что товарища Сталина. Тогда вожатая сказала, что Катька - настоящая пионерка, и все должны на неё ровняться. И тогда все её выбрали.

Взрослые переглянулись и многозначительно промолчали.

В начале февраля у Рувима был День Рождения. В выходной день к нему пришли его ближайшие друзья: Борька, Илья, Пашка. Они надарили ему кучу подарков. Борька подарил фонарик, который можно было вешать на ремешке на грудь, а Пашка и Илья, как сговорившись, подарили Рувиму по книжке Аркадия Гайдара.

Тётя Тоня устроила славное угощение. А вечером Рувима уже поздравляли взрослые. Дядя Лёва и тётя Тоня подарили ему новый костюм, а дядя Веня, пришедший попозже с Аллочкой, вручил Рувиму пакет. Развернув пакет, Рувим ахнул. Там лежали настоящий фотоаппарат в футляре и книжка. Открыв футляр, Рувим увидел новенький сверкающий фотоаппарат с таинственной надписью "ФЭД". Книга называлась "Педагогическая поэма". Довольный произведенным эффектом, дядя Веня сказал, что, когда Рувим прочтёт эту книгу, он узнает, почему фотоаппарат носит своё название. Он посоветовал также поступить в фотокружок Дворца Пионеров. Там Рувиму будет легче научиться правильно фотографировать. А пока можно будет сделать первые снимки, потому что аппарат заряжен. Но только при хорошем освещении.

Гости разошлись. Рувим, переполненный впечатлениями, лежал в своей комнате и никак не мог заснуть. Третий месяц, как он живёт при полном благополучии у добрых отзывчивых людей, которые относятся к нему, как к члену своей семьи. Как будто не было ужасных сентябрьских дней в Лодзи, страшных скитаний по дорогам Польши и Львовщины, не было Стаса и убийц бедного Мордехая. Что стало с его родителями, сёстрами, родными и друзьями? Он ничего о них не узнал за прошедшие месяцы. Каждую ночь они ему снились, что-то рассказывали о себе, о чём-то просили. Его охватила страшная тоска, но он постарался сдержать себя и не закричать во весь голос. Заснул он только под утро на влажной от слёз подушке.

СТРАШНАЯ ВЕСТЬ.

Уже на следующий день Борька также стал владельцем фотоаппарата. По его просьбе отец приобрёл ему точно такой же, как у Рувима, и они вместе побежали записываться в фотокружок Дворца Пионеров, которым руководил Сергей Павлович Катук. Занятия проводились раз в неделю. И Рувим был теперь загружен до предела.

Сергей Павлович объяснил новичкам, что фотографировать - это не только нажимать на рычаги и кнопки. Надо многое знать и уметь. Ребятам пришлось изрядно попытаться, чтобы догнать других кружковцев. Но скоро Рувим с Борькой научились сами заряжать кассеты, выбирать плёнку, устанавливать экспозицию. Хуже обстояло дело с формированием кадра. Нехватало художественного вкуса.

Ребята переживали, а Сергей Павлович их успокаивал, уверяя, что умение со временем обязательно придёт. Много времени приходилось уделять занятиям в лаборатории кружка, где были собраны все необходимые приспособления и материалы для обработки плёнки и печатанья фотографий. Усердные занятия не пропали даром - умение приходило, хоть медленно, но верно.

В первых числах марта Рувим пришёл домой с тренировки поздно вечером. Тётя Тоня и дядя Лёва сидели у стола бледные, осунувшиеся, молча уставившись на лежащую на столе газету. Там большими буквами был набран заголовок: “Подвиг старшего лейтенанта Соколова”. Рувим схватил газету. В статье говорилось, что наш земляк Алексей Соколов участвовал в боях с белофиннами в течение трёх месяцев. Его сапёрное подразделение успешно делало проходы в минных полях, взрывало ДОТы и надолбы. Лейтенант впервые применил для доставки взрывчатки специально оборудованные сани, которые получили его имя и широкое распространение. За это он был повышен в звании. 28 февраля его подразделение подготовило проходы в минных полях и обозначило их установленными опознавательными знаками. Однако сильная метель и ветер затрудняли видимость и мешали водителям танков находить дорогу в минных полях. Тогда Соколов снял маскхалат, чтобы быть лучше видимым в тёмной шинели и пошёл впереди головного танка, указывая дорогу. Благодаря этому, танки преодолели минное поле и прорвали оборону противника. А старший лейтенант Соколов был убит финским снайпером. Родина высоко оценила подвиг героя. Он был посмертно награждён орденом “Красного Знамени”.

Рувима охватил ужас. Буквы статьи расплывались перед глазами. В груди возник и подкатился к горлу ком.

-Как же так? Этого не может быть! - чуть выдохнул Рувим.

Он бросился на шею тёти Тони и зарыдал вместе с нею. Дядя Лёва что-то говорил дрожащим голосом, но они его не слышали. Вскоре пришёл дядя Веня. Он всегда умел находить нужные слова. И на этот раз он сумел разрушить атмосферу отчаяния и безысходности, и снять оцепенение, охватившее всех в доме. Горе не исчезло, но оно приняло иные, более спокойные формы.

Тоня достала семейный альбом, где было много фотографий Алексея. Разглядывая фотографии, взрослые вспоминали обстоятельства, при которых были сделаны эти снимки. Рувим обратил внимание на большую фотографию, где Алексей был запечатлён вскоре после окончания школы. На ней светловолосый белозубый парень весело улыбался на пороге большой жизни. Рувим решил, что именно с этой фотографии следует сделать портрет Алексея. С согласия тёти Тони он забрал фотографию.

Взрослые почтили память Алексея традиционными для Белоруссии рюмками водки. Потом Тоню и Рувима отправили спать, а мужчины продолжили тихую беседу.

Рувим никак не мог заснуть. Он опять почувствовал себя осиротевшим и несчастным.

В школе уже тоже все знали о произошедшем. Рувима пригласили в учительскую, где учителя выразили ему своё соболезнование и сообщили, что через несколько дней в школе будет митинг, посвящённый памяти героя. После уроков Рувим побежал во Дворец Пионеров и разыскал Сергея Павловича. Тот внимательно

рассмотрел фотографию Алексея и сказал, что его долг лично сделать художественный портрет. На следующий день всё было готово. Портрет, выполненный в двух экземплярах, превзошёл все ожидания. На нём Алексей был, как живой. Портреты удачно дополняли красивые паспарту. Рувим повесил один из портретов в своей комнате, а второй передал в школе пионервожатой, ответственной за проведение митинга. На короткое время Рувим стал самым знаменитым учеником в школе, особенно после того, как имя Алексея Соколова было присвоено пионерской дружине школы, которую он окончил. Но Рувима эта неожиданная слава совершенно не трогала. А вскоре в школе состоялся митинг по поводу победоносного завершения войны с финнами. Директор сделал сообщение о том, что принята капитуляция Финляндии и подписан договор, по которому к СССР переходил Карельский перешеек с Выборгом и ряд других важных в стратегическом отношении территорий. Подчеркнув заслуги советских военачальников и красноармейцев, воздав должное коммунистической партии и мудрому вождю товарищу Сталину, директор отметил вклад в достигнутую победу выпускника школы Алексея Соколова. Последующие выступления в целом повторяли речь директора. Все считали своим долгом выразить сочувствие тётке Тоне и заверить её, что она может рассчитывать на участие и помощь. Вечером зашёл Веня и сообщил, что ему звонил военком и просил Тоню зайти к нему и получить орден Алексея. Взрослые опять выпили. Веня сказал Лёве, что закончившаяся война, несмотря на военную победу, говорит скорее не о силе, а о слабости страны. Потери с нашей стороны составляют по зарубежным данным 200 тысяч человек, против 25 тысяч убитых финнов. Необходимо срочно провести перестройку в армии, иначе будет плохо.

Тем временем жизнь в классе шла своим чередом. Больной учитель математики должен был выйти на работу только в следующем месяце. Борис Яковлевич не мог его дальше заменять, и вместо него уроки проводил учитель математики из пятых и шестых классов. В недавнем прошлом он был командиром Красной Армии, участником боёв на Халкин-Голе. После тяжёлой контузии он был демобилизован и трудоустроен в школу. Матвей Савельевич прекрасно знал математику, но не имел совершенно никакого педагогического опыта. Озорные дети его раздражали. Если в классе шумели или были невнимательны, он стучал кулаком по столу. При этом, его большие часы-луковица, которые он ложил в начале урока на стол, подпрыгивали при каждом ударе и сдвигались к краю стола. Он их ловил, водворял на место, а через некоторое время принимался стучать опять. После деликатного и остроумного Бориса Яковлевича его непрофессиональное поведение сразу бросалось в глаза и восстановило против него многих учеников класса.

На первом же занятии Матвей Савельевич обнаружил, что ученики плохо, по его мнению, владеют устным счётом и решил исправить положение. Он задал выучить к следующему уроку таблицу умножения до 25. Рувим старательно “пыхтел” два вечера, но запомнить всю таблицу не сумел. Весь класс также не был готов к уроку. Староста от имени класса попросил отсрочки. Учитель, скрепя сердце, согласился отложить проверку до следующего урока. К нему класс готовился со всей серьёзностью. Было заготовлено множество индивидуальных шпаргалок и десяток плакатов с таблицей умножения, которыми завесили весь класс. Возмущённый учитель велел снять все плакаты, но это не помогло, так как плакаты возникали

под каждой партой, а ловкий Мухин даже умудрился прицепить плакат учителю на спину. Оскорблённый учитель побежал звать директора школы, потеряв по дороге одну из калош. Мартышка тут же прибил её гвоздём к полу. Директор был опытным педагогом. Он уговорил учителя не придавать случившемуся чрезмерного значения и не обращать внимания на озорников. Тем более, что уже на следующей неделе должен был выйти на работу старый учитель. Потом они пришли в класс и директор устроил классу разнос, пообещав прогнать всех разгильдяев из школы. На этом конфликт, казалось, был исчерпан. Директор вернулся в свой кабинет, учитель собрал свои вещи, сунул ногу в калошу и чуть не упал. С трудом оторвав калошу от пола, разъярённый и красный, он выскочил из класса. Рувиму стало стыдно за издевательство над раненным заслуженным человеком. Он сорвался с места, подскочил к Мартышке и вlepил ему пощёчину. Рувима поддержала половина класса. Борька, Илья, Бeня, Пашка и десяток других наиболее активных учеников были готовы встать на его защиту. Лёнька Лаврентьев, Юрка Красин и их сторонники были вынуждены признать, что соотношение сил в классе изменилось, и не в их пользу. Лёнька быстро сориентировался и, как ни в чём не бывало, пошутил: -Мы всё-таки поставили на место этого солдафона. Привык у себя в армии полковых лошадей дрессировать. Больше к нам не сунется. “Болото” весело поддержало эту шутку. А прозвеневший звонок окончательно снял напряжение. Дальнейшего развития конфликт не получил.

ПРАЗДНИКИ.

Незаметно подкрался очередной праздник. Школа отмечала семидесятилетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Старшие классы отмечали это событие вечером. Представитель райкома комсомола сделал доклад о жизни великого вождя, завуч рассказала о достижениях школы за истекший год и отметила повышение успеваемости. Потом был концерт художественной самодеятельности. Школьный хор исполнил несколько песен о Ленине и Родине. Том Джексон прочёл стихи о том, “...Что он русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин”. Хосе Гомесу пришлось рассказать “Гренаду” Светлова. Рувиму разрешили выбрать стихи по своему усмотрению. Он остановился на стихотворении Константина Симонова “Генерал” о Матэ Залка, которое ему напоминало о дорогом для него Ференце Экели, доме, друзьях. Поэтому его выступление получилось очень эмоциональным и произвело впечатление на слушателей. Читалось ещё много стихов и отрывков из рассказов о Ленине. Завершало вечер открытое заседание комитета комсомола школы, на котором принимали новых членов. Неожиданно для всех среди рекомендованных к приёму активистов и отличников оказался Лёнька Лаврентьев, который никогда таковым не был. Его принимали одним из последних.

Для приёма требовались рекомендации двух комсомольцев или одного члена партии. Рекомендацию Лёньке дал отец Юрки Красина, известный в городе чиновник. Члены комитета комсомола хорошо знали, что собой представляет Лёнька. Поэтому ему сразу же задали вопрос, почему он решил поступать в комсомол.

-Чтобы внести свой вклад в науку! - неожиданно выпалил Лёнька.

-А что, вклад в науку можно вносить только в комсомоле? - закричал с места Илья.

Но представитель райкома посчитал Лёнькин ответ удовлетворительным. И далее всё пошло, как по маслу. Лёнька уверенно отвечал на вопросы по уставу и истории комсомола, и был принят с положительной оценкой. На одного комсомольца в школе стало больше. А потом состоялись танцы, но восьмиклассники на них допущены не были.

А вскоре Рувим впервые в жизни принял участие в Первомайской демонстрации. Он проснулся рано и выглянул в окно. День обещал быть ясным и тёплым. Завтрак был уже готов. Все дружно позавтракали, и взрослые ушли в свои организации. Участие в праздничной демонстрации считалось делом ответственным, и опаздывать не стоило. Рувим одел новый костюм, свежую рубашку и тоже отправился в школу. На улицах было многолюдно. С разных сторон звучала музыка. В школьном дворе группами стояли ученики и учителя. Все девочки были одеты в нарядные платья и украшены яркими бантами. В руках у них были ветки молодой берёзки, заранее заготовленные завхозом школы, и разноцветные надувные шары. Молоденькие листочки издавали особый горьковатый запах. Казалось, что в школьном дворе выросла берёзовая роща. Мальчики тоже выглядели нарядными. Даже Цорес пришёл хоть и в старой, но чистой рубашке и выглаженных брюках. Играл школьный оркестр, и девочки танцевали. Мальчики не решались составить им компанию. Ребята помладше бегали и норовили выхватить у девочек шары, а те смеялись и отбивались от них ветками. Семиклассники и восьмиклассники играли в увлекательную игру, когда один из игроков, стоя спиной к остальным участникам игры, должен был угадать, кто из них ударил его по руке. Удачные удары сопровождались криками и смехом. Старшеклассники группировались отдельно, чинно беседуя и обмениваясь приветствиями и шутками, и с интересом поглядывая в сторону танцующих девочек. Стоящие неподалёку учителя их поддразнивали и советовали не теряться. Наконец, не выдержав насмешек, десятиклассники стали постепенно подходить и “разбивать” пары танцующих девочек. Вскоре школьный двор был заполнен танцующими парами. Учителя подбадривали их и грозили вызвать к доске всех нетанцующих. Вскоре появилась пионервожатая и стала раздавать мальчикам портреты и транспоранты. Рувиму достался портрет вождя в тонком пенсне. Его мрачное лицо Рувиму не понравилось, и он обменял его на портрет усатого маршала Будённого. Рувим недавно прочитал книгу о его детстве, и маршал был ему симпатичен.

-Что, не понравился тебе товарищ Берия? - услышал он сзади ехидный голос Лёньки Лаврентьева.

-А тебе какое дело? Вечно суёшь свой нос, куда не надо! - отпарировал Рувим.

Когда Лёнька отошёл, стоящий рядом с ним Илья сказал ему тихонько:

-Будь с ним осторожен. От этого гада можно ждать любых пакостей.

Учитель физкультуры младших классов Борис Ефимович Зоммерфельд объявил построение. Щеголевато одетый, сверкая золотыми зубами и испуская ароматы духов, он бегал по школьному двору, отдавая громкие команды и победоносно поглядывая на молодых учительниц, уверенный в своей неотразимости.

Борис Ефимович частенько заменял Ивана Николаевича, когда тот уезжал на соревнования. При этом он не докучал ученикам, предоставляя им возможность

поиграть на уроке в мяч или другие игры. Поэтому ученики относились к нему доброжелательно.

Наконец школьная колонна была сформирована и тронулась. Когда она поравнялась с каким-то районным начальником, наблюдавшим за прохождением колонн его района, Борис Ефимович засуетился, забежал вдоль колонны и, косясь на начальство глазами, скомандовал:

-Подтянись! Твёрже шаг! Равнение направо!

Польщённое начальство довольно заулыбалось и помахало колонне рукой. Печатая шаг, старшеклассники начали скандировать в такт шагам традиционную для школы речёвку:

-Зоммерфельд! Зоммерград! Зоммердождь! Зоммерснег!

А Борис Ефимович радостно смеялся.

Колонны района шли ни шатко, ни валко. Демонстранты то с хохотом бежали, то плелись черепашьими шагами, то останавливались и долго стояли. А потом и вовсе застряли.

Шеренга, где стоял Рувим с друзьями, остановилась неподалёку от тележки с мороженым. Борька мгновенно сориентировался.

-Бежим скорее, угощаю!

Но пока они, размахивая портретами на длинных палках, добежали до тележки, там уже выстроилась длинная очередь.

-Слушай, Борька, откуда у тебя деньги? - спросил Илья.

-Да я вчера продал Лаврентьеву пару полтинников. Вот на пять порций и наберётся.

-Ты что? Это же серебро! Они стоят раз в двадцать больше.

-Плевать! - беспечно ответил Борька, - У меня есть ещё.

Рувим с интересом наблюдал, как продавец ловко доставал ложкой из дымящегося бачка жёлтую массу мороженого, заталкивал её в трубку, сверху закрывал круглой вафелькой, потом выдавливал из трубки спрессованную большую круглую таблетку, закрывал её второй вафлей и отдавал покупателю. Это было настоящее волшебство.

Наконец, очередь дошла и до них. Борька взял себе две порции, а Рувиму, Илье и Пашке - по одной. Потом они медленно пошли вдоль колонны, наслаждаясь мороженым. Так они дошли до здания общежития транспортников. Вдруг из здания раздался громкий стук и крики:

-Открывай! Открывай, сука!

Из дверей здания выскочил огромного роста мужчина в железнодорожной форме и подбежал к одному из окон.

-Ну, будет цирк! - сказал подошедший к ребятам всезнающий Цорес, - Это Васька Ксенович. Он работает помощником машиниста, и постоянно в разъездах. А жена пьёт и гуляет. Сейчас к ней милиционер ходит. Васька её страшно ревнует. Видно в честь праздника он уже "поддал". Он им даст прикурить.

-Открывай, сука! - продолжал кричать Васька, стоя под своим окном.

-Чего орёшь? - закричали ему из соседнего окна, - Её может и дома нет!

-Дома она, сука! Ключ в дверях изнутри торчит. Я его вытолкнуть никак не мог. Ничего, я до них сейчас доберусь!

Он кулаком разбил стекло в нижней части окна и, обрезая руки, ухватился за раму, подтянулся и встал на подоконник. Потом он руками и ногами выбил оставшееся стекло и ввалился в комнату. Оттуда раздался женский истошный крик, потом слышались тяжёлые удары, и через окно на мостовую вылетел полуодетый мужчина с разбитым лицом, а за ним на подоконнике возник Васька, грозно размахивая отобранном револьвером. На шум с разных сторон подбегали милиционеры. Они стащили Ваську с окна. Сначала он не оказывал сопротивления, но, когда к нему подбежал пострадавший и попытался ударить его ногой, он опять разъярился, разбросал державших его милиционеров и с рёвом помчался догонять своего убегающего обидчика. Стоящие вокруг демонстранты с восторгом реагировали на подвиги новоявленного Самсона. Чем окончилась эта увлекательная история, ребята не выяснили, так как колонна наконец двинулась, и им пришлось срочно пристраиваться к своей шеренге.

Вскоре они вышли на завершающий участок пути и шли уже до самых трибун без остановки. Зоммерфельд забегал вокруг колонны, ровняя шеренги и устанавливая между ними необходимые интервалы. Потом он занял своё место впереди колонны, преданно пожирая глазами руководителей города и области, стоявших на трибунах. Дикторы выкрикивали по микрофону здравицы, а демонстранты кричали в ответ "Ура!" Вместе со всеми кричал и Рувим.

Пройдя трибуны, колонна рассыпалась, и ребята побежали назад в школу сдавать портреты и транспоранты. За их потерю грозили серьёзные неприятности.

Настроение было у всех праздничное, хотя все изрядно устали.

Дома Рувима ждал праздничный обед. Тётя Тоня была, как всегда, на высоте.

Наступили тёплые весенние дни. Учиться никто уже не хотел. Всё вокруг цвело и зеленело. Через раскрытые окна в класс врвался запах цветущих под окном цветов.

На большой перемене Рувим с Борькой вышли из класса и прогуливались по коридору, разговаривая на различные темы. Но тут Рувим подумал, что не худо было бы повторить стихотворение, и вернулся в класс. А там Муха с Мартышкой развлекались, перебрасываясь портфелем Цореса, а сам Цорес метался между ними, стараясь его перехватить. Ему это почти уже удалось, но Мартышка в последний момент увернулся и бросил портфель стоящему у окна Мухе. Однако, бросок из неудобного получился слишком сильным и неточным. Портфель пролетел высоко над Мухой и вылетел в окно. Разъярённый Цорес выхватил из парты портфель Мартышки и тоже выбросил его в окно. Присутствующие в классе соученики приветствовали этот подвиг одобрительными криками. Под эти крики Цорес с Мартышкой продолжили выяснять отношения. Однако, звонок и появление Нины Григорьевны вынудили бойцов занять свои места за партами. Внезапно дверь класса с шумом распахнулась, и появился директор школы, сжимающий в руках оба злополучных портфеля. От возмущения он долго не мог выговорить ни слова. Наконец, ему удалось прохрипеть:

-Исключаю из школы!

Никто не мог понять, в чём дело. Постепенно директор обрёл дар речи, и выяснилось, что выброшенные портфели упали с третьего этажа на спину престарелого завхоза, который возился на клумбе под окнами класса. Сейчас старик

с сильными ушибами лежит в медпункте, а школьная медсестра оказывает ему первую помощь.

Лёнька сориентировался первым и сочинил историю о том, что портфели лежали на подоконнике и выпали после случайного толчка. Класс дружно поддержал эту версию. Директору ничего не оставалось, как дать себя уговорить. Нина Григорьевна скептически ухмыльнулась, но выяснять истину тоже не стала.

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО.

А май бушевал. Всё вокруг цвело. Ветерок носил по улицам лепестки опавших цветов. В садах наперебой распевали соловьи. Ночью невозможно было спать из-за дурманящего запаха сирени, кусты которой росли у Рувима под окном. Ученики приносили в школу множество букетов сирени, образуя из них забор, который мешал учителям обнаружить шпаргалетчиков. Находились суеверные ученики, которые выискивали в букете цветки с пятью лепестками. Существовало твёрдое убеждение, что, если съесть такой цветок, положительная оценка гарантируется.

Семиклассники готовились к выпускным экзаменам. На уроках шло интенсивное повторение пройденного материала. Все волновались и готовились. И только Рувим не волновался и не готовился. Его перевели в следующий класс без экзаменов, и он мог расслабиться.

Дома постоянно шли разговоры о грядущем прибавлении в семье Вени. Как-то вечером он забежал к брату и сказал, что завтра он должен ехать в служебную командировку в Минск на несколько дней. Он захватит с собой Аллу и оставит её у Лили, младшей сестры Хены, пока в доме всё не уладится. Он попросил Тоню присмотреть за Хеной в его отсутствие и предложил Рувиму составить ему компанию. Пока Веня будет заниматься делами Рувим сможет ознакомиться со столицей Республики. Конечно, Рувим с радостью согласился, а тётя Тоня обещала уладить проблемы со школой.

Через день они были уже в Минске. Лиля с мужем арендовали двухкомнатную квартиру в частном доме недалеко от вокзала. Она располагалась прямо напротив щёточной фабрики. Когда Веня с ребятами подошёл к дому, перед ними открылась идиллическая картина. У ворот фабрики стояла двуколка, запряженная лошадьми, а маленький мальчик лет пяти в светлом костюмчике и панамке старательно кормил лошадей сеном, которое он вытягивал из кузова двуколки. Нянька, цветущая рослая девушка, не обращала на это внимание, увлечённо беседуя с молодым возницей. Мальчик увидел подошедших и радостно бросился к ним навстречу. Рувим догадался, что это - Валерик, сын Лили.

-Катя, а где Лиля? - спросил Веня у девушки.

-Хозяйка дома. Сидит, зубрит. А Валик не слушается. Не могу его от лошадей отогнать.

Они вошли в дом, прошли через длинный тёмный коридор с плитой, который служил также и кухней, и оказались в гостиной.

Рувим с любопытством осмотрел комнату. Ему нетерпелось посмотреть, как живёт известный доктор. Ему бросился в глаза буфет ручной работы из красного дерева, очень похожий на тот, который стоял в комнате несчастного Мордехая во Львове. Веня перехватил его взгляд и сказал, что этот буфет сработал отец Лили, столяр-

краснодеревщик Марк. И как специалист добавил, что в квартире установлена очень удачная печь-голандка. Она хорошо держит тепло и обогревает всю квартиру. И показал Рувиму сверкающую белым кафелем печь, которая почти сливалась со стенами комнаты. В комнате также стояли два чёрных кожаных дивана, обеденный стол под модным розовым абажуром и письменный стол у окна, рядом с которым на стене висела чёрная тарелка репродуктора. Над диваном, стоящим напротив входной двери, висел большой портрет маленького Валерика. На нём мальчик со светлыми локонами и огромными глазами обнимал деревянную лошадку.

Осмотр был прерван появлением хозяйки дома, которая вышла в комнату из спальни. Валерик и Алла с радостью бросились к ней навстречу. Поцеловав детей и поздоровавшись с Веней, Лиля подошла к Рувиму.

-Так вот ты какой! Ну, здравствуй! Проходи. Милости прсим, - сказала она приветливо, протягивая Рувиму свою изящную руку, - Веня, раздевайся, сейчас придёт Самуил, будем ужинать.

-Нет, Лилька, я поеду устраиваться в гостиницу, а детей я оставляю тебе. Подойду завтра вечером. Тогда обо всём поговорим. Скажи Самуилу, что я очень хочу его видеть.

Веня ушёл, а Лиля стала спрашивать Аллу о самочувствии её матери. Рувим получил возможность хорошо рассмотреть Лилу. Это была невысокая, хорошо сложенная молодая женщина с яркими, большими, как у сына, карими глазами и тёмными гладкими волосами, расчёсанными “на пробор”. Она была красива особой мягкой женственной красотой. Но больше всего Рувима поразила её удивительно заразительный жизнерадостный смех. Когда она начинала смеяться, всем вокруг тоже становилось весело и радостно.

-Рувим, ты будешь ночевать у бабушки. Здесь недалеко. Валюша! Иди познакомь Рувима с бабушкой и дедушкой. И Аллу захвати с собой. Они будут рады её снова увидеть. А мы с Катюшей пока приготовим ужин.

Валерик с готовностью протянул Алле руку и повёл её и Рувима на улицу. Идти было действительно, недалеко. Алла едва успела сообщить Рувиму, что бабушка Фаня-мать Самуила, а дедушка Марк - отец Лили и Хены, и что они - муж и жена. Рувим даже не успел удивиться этому феномену, как они оказались на месте. Бабушка и дедушка жили в собственном деревянном доме с высоким крыльцом. У двери лежала огромная немецкая овчарка. Валерик и Алла взбежали по лестнице и принялись обнимать собаку. А та радостно повизгивала, крутила хвостом и лизала им лица. Рувим нерешительно задержался у лестницы.

-Рувим, не бойся! Это - Султан. Он тебя не тронет! - закричал Валерик, сидя верхом на собаке.

Рувим осторожно поднялся по лестнице и беспрепятственно вошёл в дом. Дети, обгоняя его, ворвались в квартиру. Бабушка Фаня встретила Рувима радушно, познакомила со своим младшим сыном Мишкой. Это был парнишка на несколько лет старше Рувима. Они быстро нашли общий язык. Мишка обещал завтра вечером показать Рувиму город. Мишка работал слесарем на заводе и был свободен только вечерами. Потом выяснилось, что Мишка коллекционирует марки и монеты, и здесь у них оказалось множество общих интересов. Бабушка, тем временем, возилась с малышами.

Вскоре в комнату вошёл высокий молодой мужчина в очках с волнистыми тёмнорусыми волосами и небольшими усиками. Малыши с радостным криком бросились к нему на шею. Он поцеловал мать, хлопнул рукой по ладони брата и подошёл к Рувиму.

-Ну, здравствуй, герой! Наслышан о твоих подвигах. Рад с тобой познакомиться. Меня зовут Самуил Моисеевич. Как там Лёва, Тоня? Ты ещё Минск не видел? Ничего. Мишка тебе его покажет. Пойдём ужинать, а то всё остынет.

Ужин прошёл в узком семейном кругу. Малыши быстро поужинали и ушли играть в спальню, а Катя - на кухню, мыть посуду. Лиля и Самуил остались за столом и приготовились слушать рассказ Рувима о его злоключениях. Вдруг в комнату вбежала Алла с криком:

-Мышка! Мышка!

-Спокойно! - крикнул Самуил, - Мы ей сейчас покажем! Рувим, вооружайся!

Самуил схватил щётку на длинной ручке, а Рувим - кочергу, стоящую у печки, а Валерик вооружился деревянной саблей. Могучий отряд с весёлыми криками ворвался в спальню. Ошалевшая мышь металась между нападавшими, ища спасение. Наконец ей удалось прорвать оцепление в самом слабом месте. Под ногами у Валерика она проскочила через щель в неплотно закрытой двери и выбежала в гостиную. Увидев страшного зверя, Лиля с громким криком взлетела сначала на стул, а оттуда - на письменный стол. Алла также принялась с удовольствием кричать и тоже залезла на стул. Прибежавшая на шум Катя, не понимая, что происходит, посчитала нужным поддержать криком хозяйку. Совершенно запуганная этим криком мышь юркнула под буфет, но крик продолжался. Самуил с хохотом снял жену со стола и обещал навести в доме порядок. Рувим поделился с ними Львовским опытом. А так как Лиля заверила, что не останется дома ни минуты, пришлось тут же приступить к его реализации. В спальне без труда удалось обнаружить дырку, которую тут же заполнили битым стеклом и забили деревянной пробкой. Катя принесла от младшей сестры Самуила кошку Мурку, и покой в доме был восстановлен. Рувим со спокойной душой пошёл ночевать к бабушке Фане. Мужчины, которым нужно было рано вставать, уже спали. Пока бабушка стелила Рувиму постель, он рассматривал книги, стоящие на книжной полке. Многие из них были на иностранных языках. Бабушка, заметив его взгляд, сказала, что это она почитывает их, чтобы не забыть немецкий и французский языки, которые она хорошо знала в юности.

На следующий день Алла повела Рувима в кинотеатр смотреть фильм про Буратино. Когда они вернулись, дома никого не было, и они пошли к бабушке. Их встретил дедушка Марк. Он рано освободился с работы и чинил ограду. Это был небольшого роста крепкий старик с усами и небольшой бородкой, чем-то напоминавший портреты Ленина. Он радушно приветствовал Рувима, обнял Аллу и прошёл с ними в дом.

-Марк, сходи с Рувимом на привокзальный скверик. Там Катя с Валиком что-то задерживаются. Да, захвати Султана. Пусть прогуляется. Он мне всю квартиру затоптал.

Марк подмигнул Рувиму, одел поводок на Султана, и они вышли из дома.

-Идём, пивка попьем! - сказал Марк Рувиму.

-Я не пью!

-Ну и зря. Пиво-напиток вкусный и полезный. Даже Владимир Ильич Ленин пиво любил.

Они подошли к пивному ларьку на углу улицы, и Марк, крикая от удовольствия, выпил кружку пенящегося пива. Затем они свернули на улицу Мясникова и направились к вокзалу. Там в привокзальном скверике построили детский городок с качелями, песочницами, домиками. Сюда в последнее время приводили Валерика и его соседку Ирочку Катя и Ирочкина нянька Вера.

Марк и Рувим вошли в скверик и скоро увидели Катю и Веру. Они весело беседовали с двумя молодыми солдатами. Детей нигде не было видно.

-А где дети? - спросил Марк.

Девушки дружно уставились на песочницу, но там никого не было. В песочнице валялось два ведёрка, лопаточка, совочек и белая панамка Валерика.

Девушки засуетились, забегали, принялись звать детей, но безуспешно.

-Тихо, вы, курицы глупые, - прикрикнул на них Марк, - Султан, ищи Валерика, ищи дорогой.

И он дал собаке понюхать панамку. Султан постоял, понюхал землю возле песочницы и побежал по дорожке. За ним последовали Марк, Рувим и обе плачущие в три ручья девушки. Собака свернула под Западный мост, побежала по Московской улице и перебежала на противоположную сторону. Дальше она останавливалась, крутилась на месте и бежала опять. Наконец она вывела всех к Суражскому рынку. У входа в толпе зевак стоял пожилой цыган, у которого на плече сидела мартышка. Цыган продавал "петушков" на палочке, сделанных из патоки, и за дополнительную плату мартышка доставала из коробки билетки со "счастьем". Счастливые обладатели билетиков читали их и со смехом отходили, уступая место следующим соискателям счастья. В центре этой толпы стояли, держась за руки, Валерик с Ирочкой, сосали "петушков" и хохотали со всеми вместе. Девушки ринулись к ним, плача и причитая. После короткого расследования Марк выяснил, что дети увидели обезьянку и пошли за ней, а добрый дядя угостил их конфетами.

Довольные счастливом решением проблемы, все повернули домой. По дороге девушки упрашивали Марка и Рувима не рассказывать никому о происшествии. Они эту просьбу выполнили.

Запланированный на вечер званый ужин в честь могилёвских гостей, увы, не состоялся. Когда Марк с Рувимом привели детей домой, их уже с нетерпением ждал дядя Веня. Он сказал, что состояние здоровья Хены требует его немедленного возвращения домой. Он договорился, что возвращающееся в Могилёв на служебной машине областное начальство их подберёт. Рувим едва успел перекусить, как пришлось прощаться. Его поместили на заднее сидение "Эмки", и они отправились в путь. Сытная еда и мерное покачивание сделали своё дело. Рувим проснулся уже около своего дома.

Они вернулись вовремя. Веня отвёз жену в больницу, а через день она родила мальчика. В тот же вечер Лёва, захватив Рувима, пошёл поздравить брата.

Оказалось, что они не были первыми. Рувим с удивлением обнаружил за столом у Вени своих учителей- Елизавету Ивановну и историка Николая Васильевича. Недоумение было настолько явственно написано на лице у Рувима, что Веня засмеялся и сказал:

-Что, брат, не ожидал? Это мои старые друзья. Проходи, не стесняйся.

Разговор возобновился. Взрослые выпили за новорожденного, потом за здоровье его матери.

-Как вы намерены его назвать? - спросил Николай Васильевич.

-Да вот никак не можем решить. Может ты подскажешь, Рувим?

-Назовите его Алексеем, - робко посоветовал Рувим.

Предложение всем понравилось.

-А мне нравится. Завтра предложу Хене, - заявил Веня, - Я думаю, она не станет возражать.

Дружно выпили по поводу обретенного имени.

-Слушай, Лиза! - сказал вдруг Николай Васильевич, - Спой что-нибудь для души. Веня, у тебя где-то была гитара?

Получив гитару, Елизавета Ивановна пожурела Веню за безобразное отношение к инструменту, настроила гитару и запела красивым низким голосом:

-Зорка Венера узышла над зямлёю....

Потом последовали русские романсы “Ехали на тройке с бубенцами...”, “Живёт моя отрада в высоком терему...”. Пела Елизавета Ивановна вдохновенно, а все взрослые ей тихонько подпевали. Рувим уже не в первый раз замечал, как сильно воздействует хорошая музыка и на исполнителей, и на слушателей. Елизавета Ивановна преобразилась буквально на его глазах. Исчезли куда-то глубокие складки у рта, глаза загорелись мягким огнём. Казалось, что она вслушивается во что-то такое, что происходит в глубине её души. Исчезло скорбное выражение лица, оно разгладилось и смягчилось. Рувим внезапно обнаружил, что перед ним сидит ещё очень молодая, красивая женщина. И у слушателей лица тоже просветлели, как бы очистились от какого-то налёта, появилось умиротворение. Рувим тоже переполнился чувством восторга.

Когда Елизавета Ивановна кончила петь, на какое-то время в комнате воцарилась тишина. Потом все загалдели, заплодировали и стали просить, чтобы она спела ещё.

-Нет! - сказала Елизавета Ивановна, - Это слишком грустно. Давайте лучше вместе споём что-нибудь повеселее.

-Лиза, подыграй-ка нам. Споём наши студенческие, - сказал Веня.

Елена Ивановна заиграла быструю мелодию, и все запели: “В гареме нежится султан...”, потом “Монах стучится в двери рая...”. Песни были задорные, весёлые, и Веня с Николаем Васильевичем старались изо всех сил. Рувиму пояснили, что это песни немецких студентов, буршей. Они перекочевали и в Россию, а теперь их с удовольствием поют и советские студенты.

Накричавшись в волю, взрослые вдруг спохватились, что пора и честь знать. Выпив “на посошок”, они разошлись по домам.

Возвращаясь домой, Рувим поделился своими размышлениями о чудесном преображении Елизаветы Ивановны. Дядя Лёва, для которого “посошок” оказался несколько великоват, по причине чего ему был нужен благодарный слушатель, рассказал Рувиму её нелёгкую историю. Елизавета Ивановна, а тогда просто Лиза, училась в Минском университете на втором курсе. Её земляк Николай Васильевич, Коля, который заканчивал учёбу на историческом факультете, познакомил её со своим товарищем Антоном. Лиза и Антон полюбили друг друга и поженились. Они получили работу в Могилёве. Всё шло хорошо. Но Антон увлёкся проблемой

становления Белорусской нации. Его выводы пришли в противоречие с официальной трактовкой этого вопроса. В 37 году его арестовали и обвинили в белорусском национализме и шпионаже в пользу панской Польши. В тюрьме он умер. А Лиза в это время была на седьмом месяце беременности. В результате страшного стресса она потеряла ребёнка. После этого она долго болела и до сих пор полностью не оправилась. А Николай, который её всегда любил и так из-за неё не женился, её опекает и надеется. Дальнейшие подробности Рувим не выяснил, так как они пришли домой, и нужно было помочь Лёве раздеться и забраться в кровать, чтобы не разбудить Тоню.

Через несколько дней забирали роженицу с ребёнком из больницы. Веня весь светился от счастья. Он демонстрировал конверт, из которого, как галченок из гнезда, выглядывал новорождённый мальчик. Он крутил головой, таращил синие глаза, морщил лобик и чмокал губами. Сам Веня, Тоня и Лёва были уверены, что мальчик похож на мать. Но он вдруг так удовлетворённо зачмокал, сделав довольную гримасу, что на короткое мгновение превратился в маленькую копию своего деда, когда он смакует пиво, только без усов и бороды. Рувим даже засмеялся, когда обнаружил это совпадение. Веня на это резонно заметил, что такое вполне возможно, так как Хена очень похожа на своего отца.

Для Тони наступили напряжённые дни. После работы она бежала к Хене и приходила домой очень поздно вечером. Лёва обычно заходил за ней с работы. Рувим оказался полностью свободен. По просьбе одноклассников он дежурил у дверей параллельного класса и записывал у сдавших экзамен условия задач, которые были у них в билете. Потом лучшие математики класса, среди которых был и Рувим, решали эти задачи, а остальные ученики использовали эти решения при подготовке шпаргалок. В дни экзаменов Рувим “болел” за друзей под дверью класса.

Всё в жизни, имеющее своё начало, имеет и свой конец. Экзамены тоже оказались позади. Друзья Рувима все оказались на высоте и благополучно перешли в следующий класс. Не оказалось и второгодников. Даже Цорес, который благополучно списал у Ильи Лукина все письменные работы, с грехом пополам окончил школу и вскоре подал заявление в техническое училище строителей.

СТАЙКИ.

Наступили каникулы. Борька и Пашка, матери которых были из одной деревни, предложили Рувиму поехать с ними на родину предков. Лёва и Тоня не возражали, и Рувим с радостью согласился. Их отвёз Борькин отец на служебном автомобиле, снабдив их при этом различными крупами и мясными консервами.

Деревня Стайки, где оказались ребята, находилась в Быховском районе Могилёвской области неподалёку от реки Друть. Деревня была довольно большой, вытянутой вдоль дороги на 2.5-3 километра. Сразу за огородами начинался лес. Все жители деревни были объединены в колхоз “Красная Новь”. С первого дня существования этого хозяйства дела его не заладились. Почему-то не везло с руководителями. Первым председателем колхоза был рабочий -металлист из Могилёва. Человек честный и бескорыстный, он совершенно не разбирался в сельском хозяйстве. Его быстро заменили на учителя из соседней деревни, который

был начисто лишён каких бы то ни было организаторских способностей. Потом пошла череда случайных людей, которые окончательно разорили колхоз, так и не успевший стать на ноги. Наконец, отчаявшиеся колхозники выбрали вопреки воле районного начальства своего крестьянина Акима Акимовича Борисевича. Это был мужик лет 35. Энергичный, цепкий, умелый. Когда он принял хозяйство, то оно фактически уже не функционировало. Полтора десятка голодных коров давали молока меньше, чем хорошая коза. Он продал их на мясо и на полученные деньги купил четырёх племенных коров и быка-производителя. Затем он мобилизовал детей и стариков и организовал сбор ягод и грибов, которых в этих местах было великое множество. Переработка даров леса была доверена деду Василию-деревенскому умельцу. С помощью Борькиного отца продукция деда была реализована в Могилёве и Минске. На полученные деньги были приобретены несколько семей пчёл и оборудованы улья, размещённые около поля, где засеяли гречиху. Борисевич стал также покупать у крестьян яблоки и сливы, которые свозились к тому же деду, и уже в виде варенья и соков отправлялись на рынок. Борисевич учёл, что поля колхоза сильно засорены камнями, и активно занялся льноводством, которое оказалось делом трудоёмким, но прибыльным. Все полученные деньги вкладывались председателем в приобретение племенного скота. Усилия Борисевича постепенно приносили плоды. В хозяйстве появились живые деньги. Народ приободрился. Люди стали с охотой выходить на работу. За пять лет Аким Акимович сумел превратить колхоз в эффективное хозяйство, одно из лучших в районе. Сюда зачастило всевозможное начальство. Представительские функции Борисевич переложил на плечи парторга, а тот привлёк себе на помощь родственницу-молодую разбитную вдову. Для начальства устраивались застолья, охота, рыбалка. К 1940 году была построена баня. Там ежедневно после работы мылись доярки. Для остального населения баню топили 2 раза в неделю - день для мужчин и день для женщин. В дни приезда начальства баня переходила на его обслуживание. После принятия оздоровительных процедур начальству подавалась двойная уха и самогонка, произведенная по местному рецепту из мёда. Начальство ценило гостеприимство руководства колхоза и в обиду его не давало, прощая председателю многие его непонятные поступки. А таковых у него было великое множество. Так, непонятно для чего, он увлёкся вопросами электрификации. Он ездил в Горки-Могилёвские в сельскохозяйственную академию и в минский политехнический институт, и наставил с десятков ветряных генераторов, объединив их в единую энергосистему. В итоге в домах появилось электрическое освещение, а на ферме стоял электронасос, подававший воду в водонапорную башню. Около правления площадка освещалась электрическими лампочками, а на столбе висел чёрный репродуктор, из которого по выходным разносилась по деревне музыка и последние известия из Минска.

Пашка с братом жили у бабушки с бабушкой, а Борька с Рувимом поселились у Борькиной тётки. Спали на сеновале, постелив домотканые подстилки. Пьянящий запах сена кружил голову и вызывал у Рувима чувство тихой грусти. Ещё и года не прошло, как он покинул свой дом и брёл к границе, ночуя в стогах сена. Что происходит дома, что стало с его родными и друзьями, как вообще складывается жизнь в Польше, он не знал. Поступавшие сведения были слишком противоречивы.

Сон на сеновале заряжал бодростью на целый день. Рувим просыпался рано, когда Борька ещё спал, и выбирался на опушку леса, где бегал и делал зарядку. Иван Николаевич приучил своих подопечных в секции бокса делать ежедневную зарядку и мыться холодной водой, и Рувим уже не мог без этого обходиться. Это не прошло незамеченным для жителей деревни. Стали появляться группы зрителей, которые с любопытством наблюдали за телодвижениями Рувима. Со всех сторон ему давались советы, как лучше использовать растрачиваемую даром энергию. По деревне пронёсся слух, что приехали артисты. Поэтому с каждым днём число зрителей увеличивалось. Наконец зрелище почтил своим вниманием сам Борисевич. Он задумчиво полюбовался невиданным зрелищем и пообещал Рувиму найти ему достойную работу. Устав от такого внимания, Рувим перенёс свои упражнения в глубь леса, где он высмотрел во время пробежек уютную полянку.

Вскоре после приезда, позавтракав “яешней” и запив её молоком, Борька с Рувимом и Борькиными двоюродными братьями отправились на Лесное озеро. По дороге к ним присоединился Пашка. Озеро находилось на расстоянии нескольких километров от деревни. Это было вытянутое в длину метров на 800 изогнутое озеро с шириной метров 150-200. Один берег его был высоким и обрывистым, второй – пологим. Озеро было проточным. В него впадал большой ручей, на месте впадения которого стояла заброшенная полуразрушенная мельница. К ней примыкала небольшая поляна, усыпанная земляникой. Далее начинался лес, богатый черникой. Ребята сделали на краю поляны шалаш из веток, где можно было спрятаться от дождя и жаркого солнца. Большой пенёк они использовали в качестве стола. Борькины братья сплели из ивовых прутьев большую коническую корзину и с её помощью ловили рыбу. Борька с Пашкой им помогали, а Рувим предпочитал ловить рыбу удочкой. К середине дня они обычно успевали наловить рыбы в количестве, достаточном для приготовления обеда. Они пекли рыбу и картошку в золе костра. А десерт был тут же рядом.

Для Рувима лесные ягоды были в диковинку. На первых порах он никак не мог наесться и съедал их в огромном количестве. При этом он постоянно чередовал землянику и чернику. Руки и рот, и даже его лицо были постоянно раскрашены ягодным соком. Но постепенно его энтузиазм снизился, и он ограничивался ленивым пощипыванием наиболее аппетитных ягод.

В первые дни они собирали ягоды для дома. Но вскоре тётке некуда было их девать, и она дала “отбой”. Однако, такая счастливая безмятежная жизнь длилась не долго. Аким Акимович посчитал, что такие великовозрастные ребята, как борькины братья, в летнее время должны работать, как и прочие колхозники. Да и городским парням не грех приобщиться к труду. Сначала их направили на заготовку ягод. Ранним утром они присоединились к деревенским девочкам, которых дед Василий вывозил на телеге в ягодные места. В данных обстоятельствах сбор ягод превращался из развлечения в однообразную, нудную, тяжёлую работу. Деревенская молодёжь собирала ягоды легко и быстро. Рувим сильно от них отставал. Но самолюбие не позволяло ему признать себя неумелым неудачником. Поэтому, когда все уже отдыхали, валяясь в тенёчке, он продолжал упорно выполнять установленную норму. Рубашка на его спине пропиталась потом, и на него начали пикировать всякие кусающиеся мухи, названия которых он не знал, и

знать не хотел. Наконец, весь искусанный и уставший до изнеможения, он присоединился к остальной компании, и они возвратились домой.

Вечером Борька с Пашкой уговорили Рувима сходить “на пяточок”, где после работы собиралась деревенская молодёжь. Самое поразительное, что девчата, почти целый день передвигавшиеся на корточках, как ни в чём не бывало, весело собирались на освещённом “пяточке” возле правления в то время, как Рувим еле переставлял ноги. Они болтали, смеялись, призывно поглядывая на парней. А те, сидя на брёвнах вдоль забора, позвякивали бутылками о стаканы, вдохновлялись с помощью известной жидкости, лузгали семечки и в свою очередь поглядывали на девушек. Появился гармонист, который занял место на ступенях крыльца правления и заиграл на небольшой гармонии – “Хромке”. Ему помогал товарищ, отбивая ритм бубном. Две наиболее решительные девушки вышли на середину площадки и принялись лихо отплясывать “польку-трясуху”, кружась то в одну, то в другую сторону, притоптывая босыми пятками и весело взвизгивая. Постепенно к ним присоединились и остальные девушки. Парни, выждав положенное время, подходили вразвалку к танцующим и “разбивали” пары. Гармонист играл свой бесконечный танец, положив голову на “хромку”. Молодёжь танцевала, а Борька с Рувимом, раскрыв рты, наблюдали за лихим танцем. После нескольких часов такого веселья гармонист отправился подкреплять свои силы, а парни с девушками, разбившись на пары, стали потихоньку разбредаться по деревне. Самые стойкие поджидали гармониста, а дождавшись, пошли с ним по деревне, распевая под гармонию озорные частушки. Всё это повторялось каждый вечер.

За несколько дней такой работы Рувим приспособился, приобрёл некоторые навыки и уже не так сильно уставал. Однако, неугомонный Борисевич приготовил новое испытание. Постоянно увеличивающееся стадо коров нуждалось в кормах, и Борисевич старался заготовить их за лето, как можно больше. Он отправил уже сложившуюся компанию под руководством нескольких стариков обкашивать “неудобья” – склоны оврагов, берега ручьёв, лесные поляны, все места, где настоящим косцам негде было развернуться. А таких в хозяйстве было довольно много.

Накануне выхода на работу Борькин брат Степан показал Рувиму, как надо обращаться с косой, и целый вечер его тренировал. Когда коса перестала втыкаться в землю, Степан посчитал, что Рувим готов “к труду и к бою”.

Утром ребят подняли в 4 часа. На завтрак были поданы остатки вчерашнего обеда: щи, которые в деревне называли “капустой”, варенную картошку, зашкваренную салом, с солёными огурцами. Все ели с отменным аппетитом. Рувиму, не привыкшему есть так рано и так много, еда не лезла в глотку. Он “поклевал” немного картошку, а от щей и вовсе отказался. Об этом ему пришлось вскоре сильно пожалеть. Уже через несколько часов у него начали дрожать ноги, руки налились свинцом, и он почувствовал, что махать косой он больше не в состоянии. Увидев это, сердобольные старики заменили косу на грабли, и он присоединился к девчатам, сгребавшим скошенную траву. Урок пошёл впрок. В последующие дни он старался наесться утром поплотнее, хоть это было для него нелёгким делом. Теперь он мог выдерживать нагрузку и дотягивать вместе с остальными до конца работы.

Прошло около недели. Начались дожди, положившие конец этой трудной и неблагоприятной работе. Ребята получили передышку. Они решили совершить

вылазку за грибами, которых после дождей выросло великое множество. Степан знал места, куда крестьяне обычно не доходят. Они находятся возле армейского полигона в километрах 10-12 от их деревни. Поехали вчетвером на двух велосипедах. Рувим ехал с Борькой на его велосипеде, а Пашка -со Степаном на велосипеде, отдолженном у приятеля.

Доехали сравнительно быстро. Сигналом к тому, что они уже на месте, послужил радостный крик Пашки, который, сидя за спиной у Степана, первым увидел красавца. Большой крепенький боровик стоял на пригорке у самой дорожки. Ребята соскочили с велосипедов и принялись осматривать места по соседству. Но большого улова не получилось. Нашли несколько небольших боровичков и пару маховичков. Пришлось ехать дальше. Вскоре они решили остановиться на небольшой поляне, сложили велосипеды и вещи у подножья большой сосны, которая могла бы служить ориентиром, и двинулись в сторону рощи, где молодые сосны соседствовали с берёзками. Борька с Рувимом почти одновременно вышли на полянку, усыпанную рыженькими лисичками. Их охватил охотничий азарт. И они стали резать грибы наперегонки. Вскоре Рувиму удалось полностью закрыть дно большого лукошка -“кошыка”, когда подняв голову, он вдруг увидел большой гриб под серой шляпкой. Борька сказал, что это подберёзовик. Прочесав рощу, они нашли ещё несколько подберёзовиков и заполнили лисичками добрую четверть “кошыка”. Вскоре к ним присоединились Пашка со Степаном, которые преуспели даже больше, чем они. Какое-то время они шли дальше, не имея особых результатов. Но затем они вошли в молодой ельник и сразу же наткнулись на россыпи молоденьких маслят. Покружив по ельнику и изрядно наполнив свои лукошки, они упёрлись в высокий забор. Степан сказал, что это и есть полигон, и поблизости должна быть дыра, через которую можно пробраться на территорию полигона. И действительно, они вскоре обнаружили место, где можно было пролезть сквозь ограду. Преодалев ограду и пройдя через ельник, они вышли на опушку, откуда открывался вид на территорию полигона. Она была изрыта окопами и траншеями. Отдельные ячейки были соединены ходами сообщения. На некотором расстоянии от них были видны танковые башни, вкопанные в землю, и ещё какие-то сооружения. В стороне перед земляным валом стояли деревянные щиты, на которых были установлены мишени, изображавшие силуэты людей до пояса. Никого вокруг не было. Заговорили о том, что после стрельб в траншеях порой остаются неиспользованные патроны. Борька тут же захотел это проверить. Чтобы не рисковать, решили оставить все грибы под присмотром одного человека, так как в случае опасности убежать с тяжёлыми лукошками будет трудно. Жребий выпал на Рувима. Он видел, как ребята осторожно выбрались из зарослей, перебежали согнувшись через открытое место и юркнули в траншею. Пока они бежали по траншеям, Рувим с тревогой оглядывал окрестности, готовый в любой момент подать сигнал опасности. Но было тихо. Наконец, ребята появились снова. Борька с гордостью размахивал над головой большим патроном с разноцветными полосами. Он сказал, что это-трассирующий патрон от крупнокалиберного пулемёта. Если его начинку бросить в костёр, то она горит цветными огнями, как “бенгальский огонь”. Крайне довольные собой, ребята подхватили свои лукошки и двинулись к ограде. По дороге они вышли к ельнику, где росли большие разлапистые ели. Раздвигая палками еловые лапки, ребята обнаружили десятки молоденьких красавцев-

боровичков. Забыв обо всём на свете, ребята принялись их усердно резать. Внезапно раздался пронзительный свист и за спиной у них что-то оглушительно грохнуло. На территории полигона начали раздаваться взрывы. Ребята, подхватив свои “кошыки”, в панике побежали прочь. Они бежали, куда глаза глядят, лишь бы уйти побыстрее из зоны обстрела.

Добежав до ограды, ребята перелезли через неё и побежали подальше от полигона. Наконец, почувствовав себя в безопасности, они остановились и попадали на землю. Только сейчас они осознали, как им повезло, что они вовремя покинули опасное место.

Солнце стояло уже высоко. Пора было бы и перекусить, но все вещи и продукты остались возле велосипедов, и их предстояло ещё найти. Это оказалось нелёгкой задачей. Несколько часов ребята кружили по лесу. На попадавшиеся по дороге грибы уже никто не смотрел. Наконец, им удалось выбраться на знакомую поляну. Обессиленные и злые, они кое-как перекусили и отправились домой, куда они добрались только поздно вечером. Здесь им пришлось ещё изрядно попыхтеть, обрабатывая грибы.

Это приключение отбило у них всякое желание впредь заниматься “тихой охотой”. А тут и дожди прекратились, и наступила горячая пора - в прямом и переносном смысле этого слова. Полным ходом шла уборка зерновых, на которой было занято всё взрослое население деревни. Как на грех, сильным ветром повредило крышу зернохранилища. Борисевич, чтобы не отвлекать мужиков от уборки, послал приезжих волонтеров, то есть Борьку, Рувима и Пашку помогать двум старикам срочно готовить зернохранилище к приёму зерна. Работа была не тяжёлой: поднести, подать, приколотить. Старики работали неспеша, и ребятам не надо было особенно усердствовать. Но ремонт быстро окончился. И как раз вовремя. В колхоз из машино-тракторной станции прибыла молотилка. Это чудо отечественной техники представляло собой громоздкое сооружение, грохочущее на ходу всеми своими сочленениями. Его с натугой подтащили к громадной скирде и стали готовить к работе. Борисевич хотел максимально использовать с таким трудом полученную технику. Поэтому бригада, к которой были “приписаны” Степан и Борька “со товарищи”, должна была завершить свои работы за одни сутки и передать молотилку в другую бригаду. Объём работы был огромен, и предстояло работать с полной отдачей. Борька с Рувимом и Степан с Пашкой напросились на один из самых ответственных участков работ. Они должны были подавать вилами снопы двум опытным старикам, сидевшим на верхней площадке молотилки, а те развязывали снопы и запускали их через отверстие в рабочий орган молотилки. Две девушки с низкоповязанными платками должны были встряхивать мешки, в которые ссыпалось зерно и перевязывать их бечёвками, а здоровый мужик оттягивал их в сторону и вместе с возницей грузил в телегу. Несколько человек разбирало скирду и подбрасывало снопы к молотилке. Образовался живой конвейер, который должен был работать без остановок до тех пор, пока не будет смолот последний сноп. Чтобы не мешать друг другу, ребята решили работать вахтовым методом. Сначала Борька с Рувимом подавали снопы, а Степан с Пашкой отдыхали, потом уже работала вторая пара, а первая отдыхала, забравшись в тень. Очень скоро Рувим понял, что здесь-не курорт. Площадка, куда подавались снопы, размещалась довольно высоко, и маленькому Рувиму приходилось буквально

вытягиваться кверху, используя всю длину вил. Однако, постепенно он приноровился и стал бросать снопы в конце движения, что несколько уменьшило нагрузку. К тому же он попал в общий ритм работы живого конвейера, стал его составной частью и уже не чувствовал такую усталость, как в начале работы. Так, наверное, случается с солдатами, идущими в колонне, когда вдруг зазвучит походная песня и все невольно начинают идти в ногу. Усталость куда-то исчезает, и идти становится гораздо легче.

Утро было уже в полном разгаре, и солнце стало серьёзно припекать. Одежда пропиталась потом. Откуда ни возьмись налетели слепни или какие-то другие “кусачие” мухи, которые принялись безжалостно атаковать всех работающих. От них удавалось отбиваться только во время отдыха, когда руки были свободны, и можно было колотить злобных насекомых веткой. Во время работы приходилось терпеть многочисленные и крайне болезненные укусы, проклиная кровопийц последними словами.

Конвейер работал без остановок и перекуров. Даже на обед, который привезли в поле, уходили по очереди. А время шло. Проклятая скирда уменьшалась в размерах как-то очень медленно, зато силы убывали значительно быстрее. Всё тело у Рувима налилось свинцовой тяжестью. Вставать после каждого нового перерыва становилось всё тяжелее и тяжелее. Вода в бидоне, несмотря на то, что его поставили в тень, нагрелась и не утоляла жажду. В горле першило. Потное тело горело от укусов поганых мух и страшно чесалось. Ноги не гнулись, поясница буквально раскалывалась на части. Это состояние ещё более усугубилось к вечеру, когда стих лёгкий ветерок, который хоть как-то освежал тело и отгонял пыль, вырывавшуюся из жерла молотилки. Зной заменила вязкая духота, от которой начинало звенеть в ушах.

-Ишь, как парит, зараза! - прохрипел Борька, обливая голову водой из кружки. - Нам только грозы сейчас нехватает!

Старики на своей площадке тоже стали проявлять признаки беспокойства, тревожно поглядывая на горизонт.

-Будзе навалі́ца! Трэ́ба паспяша́цца, хлопчыкі! Хутчэй, хутчэй варушы́цца! А вы, хлопцы, пакуль дапамагайце дзеукам падносіць снапы, - крикнул дед Василий Борьке и Рувиму.

Пришлось вставать и идти подбрасывать снопы. Конвейер заработал быстрее. Рувим перестал сознавать, что он делает. Он двигался чисто автоматически. Бросал снопы Степану и Пашке, потом вместе с Борькой становился на их место и подавал снопы наверх, потом опять шёл бросать снопы. И когда казалось, что сил уже нет никаких, и он вот - вот рухнет, вдруг открылось “второе дыхание”, и он окончательно превратился в исправно действующее звено “живого конвейера”, который работал быстро и без сбоев. Люди носились около молотилки, делая свою работу и с тревогой поглядывая на небо, по которому медленно ползла чёрная свинцовая туча, а на горизонте мелькали молнии.

Дружная работа дала свои плоды. Проклятая скирда, наконец, растаяла, уступив такому напору. И когда подбирались последние снопы, налетел сильный порыв ветра, подхвативший и потащивший за собой пучки соломы. За ним последовали ещё порывы ветра, закружившие солому в гигантском круговороте. Блеснула молния, и над головой грохнуло так, что казалось будто небо раскололось

на части. Старики с удивительной резвостью “скатились” со своей площадки и бросились накрывать брезентом мешки с зерном, лежащие на телегах. Ветер рвал брезент у них из рук, и Рувим с Борькой стали помогать им, приседая при каждом раскате грома. Наконец им удалось справиться с непослушным брезентом, и очень вовремя. С неба обрушились потоки воды, и люди с визгом и смехом ринулись прятаться от них под телеги. А так как места под телегами было мало, приходилось бегать под дождём от телеги к телеге, пока все наконец не пристроились.

А гроза продолжалась. Стало совсем темно. Молнии полосовали небо одна за другой, на мгновение освещая поле. За ними с некоторой задержкой следовали раскаты грома, сопровождаемые испуганным визгом девчат и женщин. Рувиму тоже было жутко, но он старался этого не показывать. Вскоре под телегу, где сидел Рувим, стала затекать вода. Её встретили криком и крепким “матом”. Однако податься было некуда, и пришлось пережить грозу, сидя на корточках. Постепенно гроза сдвинулась в сторону. Молнии и раскаты грома становились всё реже и слабее. Вскоре громыхало уже далеко за деревней. Дождь ещё продолжался, но он, как тёплый душ, вызывал скорее положительные эмоции. Рувим так же, как и другие участники работы, взгромоздился на телегу и поехал в деревню. Девки завели лихую песню, но Рувим не прислушивался. Дождь барабанил по плечам и спине, заливал глаза, а Рувим подрёмывал, сидя на мешках с зерном, закрытых брезентом, свесив ноги из телеги наружу. Дома они с Борькой и Степаном сбросили мокрую одежду, и отказавшись от еды, с трудом добрались до сеновала и повалились на свои подстилки, вдыхая пьянящий запах сухого сена. Рувиму всю ночь снилось, что он лежит в канаве, стараясь укрыться от несущихся на него со всех сторон бомб и снарядов. Взрывы приближались к нему всё ближе и ближе, вокруг падали осколки и комья земли. Он в ужасе проснулся. Через маленькое окошко под крышей были видны яркие вспышки молний. Громыхал гром. Дождь монотонно барабанил по крыше сеновала. Но внутри было тепло и сухо. Сообразив, что гроза продолжается, но ему ничего не грозит, Рувим успокоился и крепко заснул.

Утром они проснулись поздно. Стояла прекрасная солнечная погода. Тётка успела постирать их одежду и она сохла на солнышке. Ребята быстро позавтракали дежурной “яешней”, которая ждала их на сковороде в печи, запили, как всегда, молоком и отправились побыстрее на Лесное озеро подальше от настырного Борисевича. Там они купались, загорали и наслаждались бездельем после столь бурного участия в “битве за урожай”. На следующий день они опять пошли на озеро, но уже в середине дня Степан сказал, что хотел бы повидать свою подружку из другой деревни, и попросил ребят составить ему компанию, так как одному туда лучше не идти - местные парни наверняка побьют, а так, может, и обойдётся.

Деревня Янушковичи, куда отправились ребята, находилась неподалёку от воинской части и полигона, где они собирали грибы. Осторожно, всё время поглядывая по сторонам, ребята пробирались “задами” к дому Степановой подружки Кати. Девушка оказалась дома. Она им обрадовалась, но тут же предупредила, что местные хлопцы задумали недоброе. Мотрина Дашка влюбилась в одного красноармейца и бежит к нему в часть. Вечером они возвращаются в деревню. Вот хлопцы и хотят их тогда подкараулить, да поучить. Нечего, говорят, чужим наших девок хороводить. Да ещё чёрным. Дашкин дружок с Кавказа. Одним словом-Кацо.

Всю эту информацию Катька обрушивала на слушателей, прихорашиваясь перед зеркалом, висевшим на стене хаты. Потом они осторожно выбрались из дома и пошли гулять на берег небольшой чистой речки. Пока Стёпка с Катей гуляли вдоль берега, держась за руки и о чём-то беседуя, остальные ребята сидели на заросшем кустами берегу речки и кидали камни в воду, стараясь попасть в проплывавшие мимо листья, ветки и другие предметы.

Время шло. Начало смеркаться, и надо было подумать о возвращении домой, а Стёпка с Катей, как на грех, куда-то запропали. С того места, где сидели ребята, хорошо просматривалась окраина села и ведущая к нему дорога. Неожиданно на дороге появились силуэты двух красноармейцев и девушки. Один из красноармейцев и девушка подошли к дому, стоящему у самой дороги, и стали прощаться. Второй остался ожидать своего товарища неподалёку. Внезапно со стороны села появилась группа парней, окруживших красноармейца и девушку. Тот успел что-то крикнуть своему товарищу, который рванулся с места и кинулся бежать прочь от деревни. За ним устремились в погоню двое парней. Убегавший и его преследователи вскоре скрылись за поворотом дороги. Остальные парни набросились на оставшегося красноармейца. Он успел снять с себя солдатский ремень с тяжёлой пряжкой и, прижавшись спиной к плетню, довольно ловко отбивался от наседавших на него со всех сторон противников. Они бестолково бросались на него, мешая друг другу, что позволяло ему какое-то время выдерживать их натиск. До случайных зрителей доносились крики, ругань и стоны.

Наконец, один из парней выдернул из плетня кол, что и предопределило исход схватки. Красноармеец с разбитой головой упал на землю, а победители сгрудились вокруг него, пиная лежащего ногами. Однако, торжество победителей продолжалось не долго. На дороге показались двое бегущих к деревне парней, а за ними с воинственными криками мчалась толпа красноармейцев, размахивая снятыми с гимнастёрок ремнями. Местные парни вынуждены были бросить свою жертву и держать оборону. Началась страшная коллективная драка. В ход пошли колы, камни, ремни с пряжками, тяжёлые солдатские сапоги. Какое-то время, казалось, силы сражающихся были равны. Все участники драки были в крови. Несколько человек, получив серьёзные травмы, корчились на земле. Но постепенно более дружные и лучше подготовленные красноармейцы стали брать верх. Они погнали своих противников к центру села. Рувим с Борькой и Пашкой, как зачарованные, пошли за ними, боясь упустить развязку. А она могла приобрести трагический характер. Парни забрались в большой сарай и заперлись изнутри. Нападавшие пытались взломать ворота сарая. Но те были сработаны добротно и не поддавались. Кто-то из нападавших предложил поджечь сарай. Предложение понравилось, и началась подготовка к его осуществлению. Услышав о страшном решении, собравшиеся вокруг бабы и девки подняли громкий крик и плач, и принялись умолять красноармейцев не делать этого. Всё решилось, когда виновница происшествия Даша стала упрашивать товарища её пострадавшего друга увести разбушевавшихся красноармейцев. Тот согласился, и красноармейцы нехотя пошли прочь, унося сильно травмированного Дашиного дружка, так и не пришедшего ещё в сознание. Рувим “со товарищи” также поспешили покинуть место битвы, чтобы не пострадать под горячую руку, когда осаждённые выберутся на свободу. Благо, Степан с Катей уже появились, а идти домой, да ещё в темноте, предстояло долго.

Событие наделало много шума. В деревне только о нём и говорили. Рассказывали, что Тигран Беридзе, друг Даши, с тяжёлыми повреждениями лежит в госпитале. Да и всем остальным участникам побоища понадобились услуги медиков. Делом заинтересовались милиция и прокуратура. Из Быхова прислали следователя. Он опрашивает участников драки и свидетелей. К счастью, никто из свидетелей не вспомнил про Рувима и его спутников, и их следователь не беспокоил. Так как раздувать это дело, да ещё во время уборки, не хотело ни армейское, ни сельское начальство, дело удалось замять. Борисевич встречался со следователем, ездил в быховский райком партии и районную прокуратуру, и сумел всех убедить в том, что это обычная драка из-за девушек, что ещё часто случается в деревнях. Правда, злые языки утверждали, что тут не последнюю роль сыграл некий кабанчик, которого досрочно закололи на колхозной свиноферме. Как бы то ни было, но дело закрыли, и “битва за урожай” продолжалась своим чередом.

Пока Борисевич ездил по начальству никто мальчиков не трогал, и они наслаждались покоем. Но вскоре Борисевич вернулся и тут же наткнулся на Степана, и незамедлительно отправил его возить зерно. Дабы не искушать судьбу Борька и Рувим решили захватить Пашку и “слинять” подальше от председателя. Когда они подошли к пашкиному дому, они услышали пронзительные крики и застали Пашку, с интересом наблюдавшего за событиями, разворачивающимися на соседнем дворе. Пашка ещё раньше рассказывал им, что соседи не ладят друг с другом и дерутся по любому поводу и даже без всякого повода. А тут была явная и серьёзная причина для конфликта. Здоровенный боров тётки Насты выбрался каким-то образом из своего заточения, разворотил половину собственного огорода и, подкопавшись под забором, проник к соседям и учинил там полный беспредел. Тётка Ганка, “воздев руки горе,” “лямантавала” противным пронзительным голосом:

-Пабачце, добрыя людзі! Дык, што гэта робіцца? Дык, як мы цяпер жыць будзем? Усё зганьбілі! Ай, бяда! Ай, гора!

На её крики из пристройки выскочил, протирая заспанные глаза, полуодетый дядька Рыгор, муж Ганны. В его всколоченных волосах и бороде торчали травинки. Видимо, он отсыпался на сеновале после очередной попойки. Сориентировавшись в обстановке, он заскочил в хату и через минуту выскочил обратно с двустволкой в руках. Теперь к визгливому голосу тётки Ганки присоединился низкий голос тётки Насты, в результате чего получился дружный дуэт, разносившийся на половину деревни.

-Ганка, зачыні за мной дзверы, каб ён ня збег. Ну, усё, я зараз урою гада! - прокричал Рыгор.

Подобравшись к кабану, дядька Рыгор дважды выстрелил ему в голову. Кабан ткнулся рылом в землю. Торжествующий победитель подошёл к кабану и ударил его ногой. Неожиданно кабан ожил. Ружьё полетело в одну сторону, дядька Рыгор - в другую. Издавая страшный рёв, кабан ринулся на обидчика. Несколько метров Рыгор преодолел на четвереньках. Однако, ему удалось встать на ноги, и он, спотыкаясь, побежал по грядкам к калитке.

-Дзверы! Ганка, курва, адчыні дзверы! - кричал он.

Перепуганная тётка Ганка открыла калитку, и Рыгор через двор выбежал на улицу. Окровавленный кабан на заплетающихся ногах, падая и вставая, последовал за ним.

На улице силы оставили его. Он упал, подёргался и затих. В это время на улицу выскочил его хозяин и обрушился на Рыгора. Они сцепились и покатались по земле, осыпая друг друга тяжёлыми ударами. Их жёны бегали вокруг них, издавая громкие крики. Наученные горьким опытом, мальчишки решили скрыться с места происшествия, чтобы не стать участниками очередного разбирательства.

Последующие дни были для Рувима и его друзей спокойными и счастливыми. То ли Борисевич забыл про них, то ли не хотел портить им последние дни пребывания в деревне, но их никто больше не трогал, и они каждое утро убегали на весь день на Лесное озеро и наслаждались покоем. В один из таких дней, накупавшись и нажарившись на солнце, Рувим выбрался на край поляны, возле которой стояли высокие ели. Вокруг самой большой из них была разбросана шелуха от шишек. Явно, здесь лакомились белки. И здесь же росла самая высокая и ароматная трава. Рувим выбрал место почище и растянулся в этой траве, вдыхая её пьянящий аромат. Он смотрел в небо и следил, как над ним медленно проплывают редкие облака причудливой формы. Неожиданно, прямо над собой на расстоянии нескольких метров он увидел любопытную мордочку. На ветке сидела рыжая белочка и с интересом смотрела на лежащего Рувима, как будто спрашивая:

-А что ты здесь делаешь, добрый человек?

Рувим застыл. Белка спустилась по стволу ниже, потом подобралась почти вплотную к Рувиму, села столбиком и застрекотала. Рувим старался не шевелиться, чтобы не спугнуть симпатичного зверька. Неожиданно, сверху соскользнула ещё одна белка, и они помчались, догоняя друг друга, вокруг лежащего Рувима. В это время, очень не к стати, раздались голоса, и подошли Борька с Пашкой. Белки взлетели на дерево. Одна из них взобралась на вершину ели, а вторая устроилась на ветке над головами ребят. Борька схватил большую тяжёлую шишку и метнул её в белку. Удар пришёлся в ветку прямо под сидящей на ней белкой. Белка рухнула на землю рядом с Рувимом. Он был в отчаянии. Только что этот весёлый жизнерадостный зверёк бегал и прыгал вокруг него, а сейчас он превратился в неподвижный комочек рыжей шерсти. Рувиму хотелось плакать. Зачем, зачем они отняли жизнь у зверька, который не сделал им ничего плохого? Борька тоже почувствовал себя неуютно. Они с Пашкой молча топтались возле белки и смущённо разводили руками. Неожиданно белка зашевелилась, потом вскочила на ноги и взлетела на дерево. Все враз засмеялись, заговорили, перебивая друг друга, а Рувим был просто счастлив.

Через несколько дней приехал Борькин отец и забрал ребят в Могилёв. В багажнике машины он увозил и хороший кусок свиной туши. Ребята подозревали, что этот кусок принадлежал тому самому кабану-нарушителю спокойствия.

“НАС ТРИ СЕСТРЫ”.

Когда Рувим вошёл в дом, тётя Тоня и дядя Лёва встретили его восторженными возгласами. Действительно, трудно было узнать Рувима в этом чернокожем крепыше.

-Ты вернулся очень к стати, - сказал Лёва, - Приехала Лиля с Валериком. Привезла Аллу. Завтра из Ташкента приедет Ханна, старшая сестра Хены. У Хены День Рождения 25-го, а у Ханны - на два дня позже. Вот они и решили отпраздновать

общий День Рождения и за одно отметить рождение Лёши. Кто знает, когда удастся собраться вместе ещё раз?

Обрадованный Рувим побежал к дяде Вене, где остановились Лиля с Валериком. Он успел с ними подружиться во время поездки в Минск, да, и Аллу с Лёшиком хотелось повидать.

Лилия была крайне озабочена - Валерик вторые сутки не имел желудка и сильно капризничал. Он требовал, чтобы ему предоставили его родной минский горшок.

-Хочу в Минск на свой горшочек!-кричал он.

В комнате был выстроен десяток горшков всех цветов и размеров, собранных со всего дома. Увидев Рувима, Валерик радостно заулыбался.

-Знаешь что? - сказал Рувим с таинственным видом.- Я тебе расскажу про настоящий волшебный горшочек. Только ты никому про него не говори.

Усадив заинтересовавшегося малыша на первый попавшийся горшок, Рувим стал рассказывать ему про добрую девочку и старушку - волшебницу, подарившую девочке волшебный горшочек, который сам варил вкусную манную кашу. Малыш внимательно слушал, и не только слушал, что вскоре стало ясно всем в доме.

-Ну, Рувим! Да, ты просто волшебник! - восхитилась Лилия.

В это время в комнату вбежала Алла и бросилась на шею Рувима. Потом она с жаром начала рассказывать ему, как она с Лилей, Самуилом и Валериком ездили в освобождённые Друскеники. Там такие купальни с водопадами расположены друг за другом каскадами, парк с вольерами, где они с Валериком кормили оленей. Дядя Самуил делал доклад о международном положении с эстрады на берегу Нёмана, и ему все аплодировали. А потом они возвращались домой через Вильнюс и жили в гостинице возле Остра Браны. Там им подавали такое вкусное яблочное желе, что закачаешься! А ещё тётя Лилия купила там очень красивый коньячный набор из розового стекла - графинчик и шесть рюмочек.

-Чудо! Ты такого никогда не видел!

Алла трещала, а Рувим думал о своём:

-Кто знает, может быть его друг Монька бродит по улицам Вильнюса, и если бы поехать туда, можно было бы вдруг встретиться с ним на улице. Возле Остра Браны, - вдруг вспомнил он рассказ Аллы.

Ханна прибыла на следующий день. Уже три года она жила на положении "соломенной вдовы". Её муж, Лазарь Поляк, коротал время в "солнечном Магадане". Когда Самуил попытался хлопотать за него, ему было сразу сказано, что об этом не может быть и речи. Лазарь родился и вырос в Варшаве. С юных лет участвовал в революционном движении. Начинал в Бунде, потом примкнул к социал - демократам. Участвовал в гражданской войне. Командовал бронепоездом в армии Тухачевского во время Польской компании. В Туркестане воевал против басмачей. Был награждён почётным оружием и именными часами. В перерыве между военными действиями женился на Ханне. Потом возглавил крупнейшее в Средней Азии автомобильное хозяйство и осел с семьёй в Ташкенте. Был делегатом семнадцатого партийного съезда. Не скрывал своих симпатий ко Льву Борисовичу Троцкому. Всего этого с избытком хватало, чтобы оказаться там, где он сейчас находился. Счастье, что сразу не расстреляли, а ограничились десятилетним сроком. Расставаясь, Лазарь успел шепнуть жене, чтобы она немедленно с ним развелась.

Печальная участь семей “врагов народа” уже была хорошо известна. Оформив развод, Ханна получила возможность устроиться на работу в хлопкозаготовительную контору и на скромную зарплату мелкого чиновника существовать вместе с сыном. Сейчас, когда сын, подающий надежды юный гимнаст, готовился к республиканским соревнованиям на спортивных сборах, Ханна получила возможность приехать на родину, чтобы встретиться с сёстрами, которых она уже давно не видела.

Они сидели за столом, молодые, красивые, похожие друг на друга и одновременно разные. Ханна была одета в яркое узбекское платье. В ожидании мужчин, которые пошли вместе с Тоней в соседний магазин за дополнительной выпивкой, сёстры болтали между собой. Лиля рассказала, что Оля, их четвёртая сестра, как догадался Рувим, не смогла приехать из-за затянувшегося ремонта квартиры. Потом они стали обсуждать какие-то свои дела и, оглянувшись на Рувима, перешли на непонятный, незнакомый Рувиму язык. Вошедшие в квартиру Венья с Лёвой, услышав их беседу, начали над ними подшучивать. Оказалось, что они бойко болтали на выдуманном ими ещё в детстве искусственном наречии, которое получалось прибавлением к каждому слогу слова частиц “Фи”, “Фа”, “Фо”. Этот нехитрый приём позволял свободно говорить в присутствии посторонних о самых сокровенных вещах. Но для близких людей это уже давно стало секретом “Полишенеля”.

Насмевшись вволю, а сёстры умели смеяться на редкость весело и заразительно, они принялись дружно накрывать на стол, и делали это быстро, ловко и умело. Очень быстро стол был накрыт, и присутствующие заняли свои места за столом. Выпили за именинниц, за новорожденного, за счастье в доме. И скоро за столом установилась атмосфера искреннего веселья. Все говорили разом, хохотали, женщины болтали о нарядах, тосты чередовались с анекдотами. Дети отправились играть в свою комнату, а взрослые начали петь. Оказалось, что все сёстры были очень музыкальны и обладали отменными голосами. Ханна спела свою “фирменную” песню про цветочницу Анюту. Лиля зажигательно исполнила куплеты из оперетты Кальмана “Сильва”. Когда она, сверкая карими глазами, пела:

—... Частица чёрта в нас заключена подчас...! - Ханна выскочила на середину комнаты, исполняя “Кан-кан”. Потом Ханна станцевала узбекский танец, по-особому раскачивая бёдрами, животом и грудью. Хена с маленьким Лёшей на руках не могла активно участвовать в этом действе и вынуждена была только тихонько подпевать сёстрам. Этот пробел неожиданно для всех и, наверное, для самого себя восполнил её муж, запевший о том, что “...если б милые девицы так могли б летать, как птицы, и садились б на сучках, я желал бы быть сучёчком, чтобы миленьким девочкам на моих сидеть ветвях...”.

Все встретили этот пассаж громкими аплодисментами.

-Давайте, споем мамину любимую,-предложила Хена.

-На берегу сидит девица..., - начала Лиля.

-Она шелком платочек шьёт..., - подхватили остальные.

Грустная напевная песня рассказывала о красавице, которую обманом заманили на чужой корабль, увозивший её в чужую неизвестную страну.

-Нас три сестры. Одна за графом, другая герцога жена. Я всех их краше, всех их моложе, простой морячкой быть должна, - звенел голос Лили.

Остальные сёстры подхватили куплет, где всё кончалось хорошо. Красавица стала не морячкой, а королевой.

-Да, ну вас! Нагнали тоски, - сказал Лёва, - Я вам лучше анекдот расскажу. И рассказал про обманутого мужа и хитроумную жену, принимающую любовников в его отсутствие.

-Зато вы - ангелы! - возмутилась Хена. - Был в нашем доме один порядочный мужик, да и тот бросил жену с ребёнком.

-А что произошло? - живо заинтересовались остальные женщины.

-Да, был у нас тут один орёл, - подключился к разговору Веня. - Мой сотрудник. Жил с женой и ребёнком, таким как Алла, этажом выше. Такой был примерный семьянин, такой домосед. Вечно что-то дома мастерил, любил кулинарить. Остальным мужикам в доме из-за него житья не стало. Всё время нам жёны в нос тыкали: "Берите пример с Лёньки Толстика. Вот это муж!" Ирка, его жена, ходила важная, как королева. И вдруг, месяц назад этот семьянин, этот образцовый муж оставил семью и уехал в Бобруйск. Без шума, без скандала. Что, чего, никто не знает. Все бабы в доме Ирку жалеют, а Лёньку разорвать готовы. Вот уж, поистине, в тихом болоте все черти водятся.

Закончив речь, Веня предложил тост за милых женщин, "...любивших нас, хотя бы час". Все громко поддержали тост. Мужчины встали, держа бокалы перед собой на уровне плеча, как положено гусарам. Однако, выпить не успели. На лестнице раздался сильный шум, слышались громкие крики. Все выскочили на лестницу. Там дрались двое мужчин. Они осыпали друг друга тяжёлыми ударами и бранью. Молодая красивая женщина пыталась их разнять, но безуспешно. Под горячую руку и ей изрядно досталось. На шум из всех квартир стали выглядывать люди.

-Заберите детей! - крикнул Веня.

Они с Лёвой ринулись к дерущимся. К ним присоединилось ещё несколько мужчин. Рувим увёл Аллу и Валерика в дом. Постепенно шум затих. Лиля побежала оказывать помощь пострадавшей женщине. Вскоре Лиля и мужчины вернулись. Лёва хохотал, а Веня с возмущением рассказал женщинам о том, что произошло. Оказывается, два любовника Ирки Толстик встретились у её двери. Кто-то из них, повидимому, нарушил график. Ну, и подрались. Один из них оказался соседом Толстиков по лестничной площадке. Это Игорь Николаевский. Его жена сейчас с дочерью на даче, вот он и решил воспользоваться случаем. Лёнька Толстик, наверное, узнал про "гули" жены и не захотел с этим мириться. А его ещё все осуждали.

-Вот, стерва! - добавил он с возмущением.

После случившегося продолжать застолье уже не хотелось, и Лёва, Тоня и Рувим отправились домой. Всю дорогу взрослые обсуждали происшествие.

-Нет, бабы не ценят хороших мужей. Обязательно загуляют! Вот бы пришёл муж пьяный домой, да дал бы с порога в морду, тогда бы они его ценили, - изрёк в заключение Лёва.

-Много ты понимаешь! А вы, мужики, цените преданных жён? То-то, - парировала Тоня.

Роковая встреча на лестничной площадке кончилась печально для всех её участников. Жена Игоря Николаевского, вернувшись с дачи и узнав от соседей о

происшествии, выгнала мужа и подала на развод. Ира Толстик, получив развод от Лёни, вышла замуж за второго героя - любовника. Он оказался пьяницей и частенько поколачивал новую жену. Невольное пророчество Лёвы сбылось. Соседи перестали с ней здороваться. От такой жизни Ира за короткое время постарела и подурнела. Ну, а её бывший муж Лёня вскоре женился на молоденькой красивой женщине. Веня уверял, что он тоже изменился. Во всяком случае, кулинарить дома он перестал и живёт счастливо. В дальнейшем, эти события имели неожиданное продолжение. Друзья пригласили Веню и Хену на День Рождения. Торжество должно было состояться вечером. И чтобы не портить праздник себе и хозяевам, решили детей оставить дома, тем более, что Аллочка уверяла, что ей уже почти десять лет и она человек взрослый, на которого можно вполне положиться. Этот несокрушимый аргумент был, безусловно, принят родителями во внимание, но, тем не менее, они заручились обещанием Рувима, что после тренировки он посидит с детьми до их возвращения.

В этот день Лёшика долго выгуливали на улице, не давая ему спать, и к вечеру он с трудом поужинал и, буквально, рухнул в постель. Хена, убедившись, что ребёнок спит “без задних ног”, успокоилась и принялась дотошно инструктировать дочь, как она должна себя вести во всех случаях жизни, и в первую очередь никому, кроме Рувима, дверь не открывать. Он вот-вот должен прийти. Родители, наконец, ушли, и Аллочка с наслаждением углубилась в изучение свежего журнала для женщин с новейшими модами, перерисовывая в тетрадку наиболее интересные детали и заранее предвкушая, как она “утрёт нос” этим задавакам-подружкам из её класса. Однако, вскоре у неё возникло тревожное ощущение, что в доме происходит нечто необычное, не дающее ей сосредоточиться на этом увлекательном занятии. Постепенно она осознала, что это запах гари. Она с недоумением посмотрела на печь, но тут же вспомнила, что на улице тепло, и печь уже давно не топилась. Проверила ванную, кухню, но ничего подозрительного не обнаружила. Тем временем запах усиливался, и комната постепенно заполнилась неизвестно откуда поступавшим дымом. Стало трудно дышать.

-Пожар! - догадалась Аллочка и заметалась по квартире, собирая свои самые любимые вещи. Затолкав их в хозяйственную сумку, она бросилась к двери и, уже открыв её, вдруг вспомнила про спящего Лёшика. Оставив сумку у порога, Аллочка побежала в спальню и, завернув ничего не понимающего Лёшика в одеяльце, потащила его к выходу. Недовольный тем, что его не вовремя разбудили, ребёнок заплакал и стал вырываться из рук Аллочки. Одеяльце развернулось и путалось у девочки в ногах, мешая ей бежать. Она попыталась подобрать по дороге свою сумку, но утащить её и сопротивляющегося ребёнка девочке было не под силу. Какое-то время она колебалась, не зная, что предпринять. Ей было отчаянно жалко своих вещей. В это время на лестнице раздался громкий топот многих ног, и Аллочка, бросив сумку, выбежала с братом на лестницу. Навстречу ей бежали пожарные и терялись в дыму, заполнившему верхний этаж. На улице возле дома толпились люди, стояла пожарная машина, и несколько пожарных уже карабкались по лестнице, таща за собой длинный шланг. Аллочка узнала соседей по лестничной клетке, держащих в руках узелки с вещами и присоединилась к ним. Лёшик перестал вырываться и, прижавшись к сестре, дрожа и всхлипывая, с испугом наблюдал за непонятной ему суетой окружающих людей. Появился запыхавшийся

Рувим. Увидев Аллочку с Лёшиком целыми и невредимыми, он с радостью бросился к ним.

-Где ты был? - запричитала Аллочка, - Мне было так страшно. Все вещи остались в доме, а дверь я не закрыла. Мама меня заругает. Рувимчик, дорогой, заberi мою сумку и запри двери.

-Ты с ума сошла! Какие сейчас вещи, какая сумка? Дом горит, ты что, не видишь?

Тем не менее, Рувим попытался зайти в подъезд, но был остановлен дежурившим у двери милиционером. Пришлось вернуться назад, и забрав у Аллочки Лёшика, он стал наблюдать за разворачивающимися событиями. К этому времени пожарные выбили окна в горящей квартире. Двое из них проникли внутрь, а оставшиеся на лестнице заливали огонь водой из брандспойтов.

Совместные энергичные усилия пожарных внутри и снаружи здания дали, наконец, свои плоды. Пожар пошёл на убыль, а затем и полностью прекратился. Через разбитые окна сгоревшей квартиры продолжал выходить на улицу дым, но было видно, как пожарные суетились в комнатах, устраняя последние очаги огня.

-Чья это квартира?- спросил Рувим у Аллочки.

-Тёти Иры Толстик, - ответила она.

В это время толпа зашумела, и Рувим увидел, что из подъезда двое пожарных вынесли носилки с телом человека, покрытым брезентом. Один из несущих споткнулся, и из-под брезента выскользнуло и повисло то, что было ранее рукой человека, вызвав дружный крик ужаса у толпящихся зрителей. Рука наполовину обгорела и напоминала чёрную страшную головешку. К носилкам подошёл какой-то милицейский начальник и откинул брезент с головы пострадавшего.

-Вот и отмучалась, наконец, баба. Убрал-таки кровопийцу Боженька! - проговорила стоящая рядом соседка.

Рувим тоже узнал его. Это был новый нерадивый муж Ирины Толстик. Он то и был, повидимому, виновником пожара. Это предположение в дальнейшем подтвердилось. В отсутствие Иры муж изрядно выпил и заснул в постели с горящей папиросой. Сухая постель загорелась, и пьяница умер, так и не проснувшись. К счастью, пожарная часть располагалась неподалёку от дома, и пожарные оказались на месте происшествия в считанные минуты, что позволило погасить пожар в его начальной стадии. Сгорела только одна квартира. Соседние квартиры пострадали больше от действия пожарных. Квартира Вени находилась этажом ниже и несколько в стороне. В ней только одна стена была испорчена водой. Проведя инспекцию этой квартиры, пожарные разрешили Рувиму запереть её, после чего он отвёл испуганных и измученных детей к себе домой, где и передал их на попечение сердобольной тёти Тони. Строительная организация, в которой работали жители пострадавшего дома, устранила последствия пожара за один месяц.

ОСЕННИЕ МЕТАМОРФОЗЫ.

Сёстры разъехались по домам, а у Рувима начались трудовые будни, благо, каникулы уже кончились. Пришлось идти в школу. Ханна подарила Рувиму тюбетейку, расшитую золотым орнаментом. Она очень нравилась Рувиму. Он в ней очень напоминал настоящего узбекчонка, тем более, что за лето он загорел до черноты. На лице сверкали только глаза и зубы. Да вот теперь и золотой узор добавился. Тюбетейка произвела в классе настоящий фурор. Борька предлагал взамен её массу полезных вещей, но Рувим был непреклонен, заявив, что подарки не обмениваются и не продаются.

За лето в классе произошли большие изменения. Добавилось несколько новых учебных предметов. На уроки физики, химии, труда и начальной военной подготовки нужно было переходить из класной комнаты в специально оборудованные кабинеты. Физику и математику преподавал уже знакомый ребятам Борис Яковлевич. Химию вела новая учительница Полина Бенициановна. Эту маленькую, полную пожилую женщину сразу же окрестили кличкой “Колба” за сходство с этой важной принадлежностью химической лаборатории.

Труд и военную подготовку вёл недавно демобилизованный майор. Лёнька Лаврентьев узнал, что в боевых условиях ему довелось даже покомандовать полком, чем Пафнутий Егорович несказанно гордился. Зная это, некоторые ученики, чтобы польстить, называли его на уроках командиром полка. Учитель расплывался в довольной улыбке. Тогда его лицо всё начинало сверкать золотом, которого у него было изобилие-золотые зубы, золотая оправа очков и огненно рыжая шевелюра. В эту минуту он становился наредкость покладистым и добрым, чем пользовались многие хитрецы, удирая с его уроков в расположенный неподалёку кинотеатр. А Рувим ходил на его уроки с удовольствием. Ему нравилось делать на уроках труда разные поделки, а на уроках военной подготовки знакомиться с устройством винтовки.

Историк Николай Иванович преподавал теперь историю СССР. Из старых учителей кроме него остались Нина Григорьевна, Елизавета Ивановна и Иван Николаевич. Но в преподавании их предметов тоже произошли заметные изменения. Теперь на уроках словесности кроме диктантов приходилось писать также и сочинения, в которых требовалось проводить анализ событий или характеров героев. Даже на уроках физкультуры теперь большая часть времени отводилась занятиям по гимнастике и разучиванию упражнений из комплекса ГТО (Готов к труду и обороне).

Состав учеников в классе также сильно изменился. После окончания седьмого класса из школы ушло много прежних учеников. Из “болота” в восьмом классе никого не осталось. Администрация школы с согласия райОНО объединило остатки прежних классов в один, завершив тем самым эксперимент с раздельным обучением. Добавилось также несколько человек из других школ. Однако, костяк класса всё же сохранился, хоть многих ребят было трудно узнать. Почти все, кроме, наверное, одного Рувима, изрядно выросли. Особенно преуспел Мухин. Он, Мартышка и Рувим были раньше примерно одного роста. Теперь Муха возвышался над Рувимом на пол-головы. Мартышка вырос меньше, но тоже перерос Рувима на несколько сантиметров. Рувим же раздался в плечах, налился силой, но практически не вырос и прочно занял последнее место в шеренге мальчиков-одноклассников. Почти у всех мальчиков началась ломка голоса, и они заговорили странными противными

голосами. Многие щеголяли заметными усами, а у некоторых растительность проступала и на подбородке. Про девочек и говорить не приходится. Все они вдруг превратились из гадких утят в прекрасных лебедей и это хорошо осознавали. На переменах теперь никто из восьмиклассников не носился по корридорам, а разбившись на группы, вели степенные разговоры. И только на большой перемене, когда открывался буфет, начавший работать в этом году, все с визгом и криками бросались наперегонки занимать очередь за пончиками с повидлом. Обычно впереди всех оказывался Борька. Он обожал пончики и уже почти проел остатки своего знаменитогоклада.

За прошедшее лето Рувим сделал большой шаг в освоении языков. Попросту, он заговорил на какой-то смеси белорусского и русского языков, дополненной колоритными, а порой и просто непарламентскими выражениями из лексикона жителей деревни Стайки. Педагогам и Илье Лукину пришлось в очередной раз изрядно потрудиться, чтобы избавить Рувима от этих благоприобретений. Однако, учиться ему стало гораздо легче, особенно на уроках, не связанных со словесностью.

Уже через несколько недель после начала учебного года Рувим и его одноклассники столкнулись с новым для себя явлением. Их одноклассник Роберт Лейманс в прошлом году уверял, что его родной дядя был в отряде знаменитых латышских стрелков, и этим несказанно гордился. Он подружился с Рувимом и много ему рассказывал о латышских традициях, о Лачплесисе, который был символом борьбы латышей против немецких завоевателей. И вдруг он заявил, что в действительности он не латыш, а немец. Съездив на родину, он и его семья обнаружили там многочисленных немецких родственников его матери. Обретенные родственники повозили Роберта по всей стране. Родина предков очаровала впечатлительного юношу. Названия мест, которые он посетил, звучали для него, как музыка: Сигулда, Турайдский замок, Даугава, Лиелупэ, Дзинтари, Майори, Буддури, Кемери. Захлёбываясь от восторга, он говорил о богатых магазинах на улице Кришн Барон, о роскошном кинотеатре Спленид Палас, о поразительной чистоте рижских улиц, о спокойно гуляющих на них жирных голубях. Но не одни восторженные впечатления привёз Роберт из Латвии. Он вернулся из поездки другим человеком. С Рувимом отношения у них разладились. Теперь Роберт начал вещать об исторической миссии немецкого народа как в прошлом, так и в настоящее время. По его словам, немцы принесли цивилизацию варварам-прибалтам, построили города, научили людей ремёслам, превратили жителей Прибалтики в настоящих европейцев. Но сейчас, по его мнению, Старая Европа полностью деградировала. Люди обленились, ожирели, потеряли инициативу. За счёт ограбления колоний Европа накопила огромные богатства и живёт по-инерции, проедаая эти богатства. Энергичные народы, типа немцев, задыхаются, лишённые жизненного пространства. Этот порочный порядок навязали миру всякие Рокфеллеры, Ротшильды, Вандербильдты. Пришла пора этот порядок сломать и заменить новым. И это должны сделать Германия под руководством национал-социалистической партии совместно с Советским Союзом. Первые шаги уже сделаны. Немцы проснулись и осознали свою великую историческую миссию. И результаты не замедлили сказаться. Присоединена Австрия, возвращены исконные германские земли в Судетах, Данцигский корридор, за две недели разгромлена Польша, победоносные германские войска заняли Данию, Норвегию, Бельгию,

Голандию. Чего стоит теперь хваленная “Линия Мажино”? Немцы гуляют по Парижу, Франция покорена, а чванливые британцы дрожат от страха на своих островах. Впереди ещё более значимые события.

Сначала его разговоры никто всерьёз не воспринимал. Над ним посмеивались и называли его “Флюгером”. Однако, оказалось, что в школе у Роберта нашлось много единомышленников и сочувствующих. Лёнька Лаврентьев в свою очередь пустился в исторический экскурс и поведал, что немцы, как и другие народы нордической расы, являются потомками древних ариев. Потомками древних арийских народов роксоланов являются и восточные славяне. Поэтому у древних славян и древних германцев всегда было много общего. Не случайно древнеславянский “Коловорот” очень похож на свастику, которая стала символом фашистов.

Постепенно вокруг Роберта сформировался своеобразный кружок, члены которого на перерывах и после уроков держались вместе, обменивались новостями, рассказывали еврейские анекдоты и всячески выражали неприязненное отношение к евреям.

Однажды, зайдя с Борькой в мужской туалет, Рувим услышал, как курившие там ребята из компании Роберта потешались над Цоресом. Было известно, что его отец говорил с сильным еврейским акцентом, и один из друзей Роберта воспроизводил в лицах якобы имевшую место сцену ссоры отца с сыном, цитируя известный анекдот:

-Аделе! На кому ты тупаешь? На свой родный папа, который тебя кушает и пьёт?

Присутствующие громко хохотали, а Адик только криво улыбался, но не возмущался и продолжал оставаться среди курильщиков. Борька с трудом удержал пришедшего в ярость Рувима от вмешательства. Раздавшийся звонок положил конец этой безобразной сцене. Рувиму это напомнило предвоенную обстановку в родной Лодзи и, в частности, компанию Вилли Кайзербрехта.

Правда, особых агрессивных действий ребята из окружения Роберта не предпринимали, а степень их активности напрямую зависела от тона газетных статей, радиопередач и, повидимому, от разговоров, которые велись в семьях высокопоставленных родителей некоторых членов кружка. Тем более, что внешне сохранялась полная благопристойность. Все эти ребята принимали участие в общественной жизни школы, в нужных ситуациях произносили нужные слова, а на уроках истории и литературы отвечали так, как от них требовали учителя. Возникшее движение пока имело ограниченный характер, большинство держалось от него в стороне и школьная жизнь шла своим чередом.

Прошло уже более двух недель, как в школе открыли буфет, но на пончики с повидлом попрежнему сохранялся устойчивый спрос, и Борька попрежнему был самым ненасытным и азартным их поглотителем. Он постоянно с кем-нибудь заключал пари относительно количества пончиков, которое он сможет за раз съесть, и неизменно выигрывал. Постепенно он “поднял планку” до пятнадцати штук, обязавшись не запивать их чаем или водой, и при этом поставил на кон патрон, найденный на полигоне. Вызов был принят не менее азартным спорщиком Люсином Крейниным. Этот школьный вундеркинд, талантливый скрипач, выступавший на

концертах в Минске, Киеве и Ленинграде, привыкший быть в центре внимания, не мог смириться с тем, что кто-то может быть также в чём-то знаменит.

Вокруг спорщиков собралась большая толпа. Даже буфетчица проявила интерес к исходу состязания и выбрала для него самые пышные пончики. Борьке было за что бороться. В случае выигрыша он приобретал редкую для школьника “самописку”-немецкую авторучку с позолоченным пером и немеркнущую славу лучшего едока школы. В случае поражения он терял трассирующий патрон от крупнокалиберного пулемёта и становился посмешищем всей школы. Его друзья пытались его отговорить, но тщетно. Борька был непоколебим.

Состязания начались. Борька легко управился сначала с пятью, потом с ещё пятью пончиками. Ел он с аппетитом, приговаривая, что доведёт рекорд до двадцати штук. Люсик занервничал. Перспектива лишиться дорогой ручки его совсем не радовала. Однако, уже на двенадцатом пончике Борька сник. Ещё два пончика он буквально воткнул в себя из последних сил. А на последний, пятнадцатый, их уже не хватило. Он надкусил, пожевал его и...сдался. Под смех и улюлюканье окружающих он передал патрон победителю и дрожащими руками схватил стакан чая, который подал ему Рувим. Целый месяц после этого Борька не ходил в буфет и, вообще, старался на перерывах не выходить из класса. А Люсик очень гордился победой. Он опять оказался на высоте.

Долгое время Люсик не знал, как ему распорядиться завоёванным призом. Он таскал его в школу и показывал всем желающим, сопровождая это рассказами о своей славной победе. Когда показывать стало уже некому, он установил его на почётное место в доме и демонстрировал уже домашним и гостям дома. Однако, всё это ему постепенно надоело, и он решил проверить, действительно ли порох патрона горит красивыми разноцветными огнями, как его в этом убеждали. Сначала он попытался извлечь порох дома, но не сумел. Тогда он притащил патрон на урок труда в мастерскую. Воспользовавшись тем, что учитель был занят, принимая у учеников выполненную работу, и не обращал на него внимания, он зажал пулю в тиски и стал сбивать молотком гильзу, придерживая её левой рукой, чтобы не просыпать порох. Рувим, сдав свою работу, отходил от стола учителя, когда раздался взрыв. Он увидел Люсика Крейнина с белым, как мел, лицом, огромными от боли и ужаса глазами, размахивающего окровавленной рукой. Перепуганный учитель выскочил из-за стола и бросился к Люсику на помощь. Теряющего сознание Люсика отвели в медпункт школы, где ему была оказана первая помощь, а оттуда его доставили в больницу. Там была проведена срочная операция. Люсик лишился кончиков всех пяти пальцев на левой руке. Несмотря на высокое мастерство хирурга, который сформировал ему аккуратные кончики пальцев, карьера профессионального музыканта-скрипача теперь для Люсика была потеряна навсегда.

После этого случая в школу зачастили многочисленные комиссии из разных ведомств. Против учителя было возбуждено уголовное дело. Опрашивали пострадавшего и всех учеников, стараясь установить, откуда в класс попал патрон. Очень быстро выяснилось, что патрон Люсику передал Борька. Скрывать это было бессмысленно, так как пол-школы видело знаменитое пари. Борька же заявил, что нашёл патрон случайно, гуляя в лесу. Пашка и Рувим это подтвердили. Борькиному отцу пришлось пустить в ход все свои связи и немало денег, чтобы замять дело.

Благодаря его стараниям, всё кончилось без серьёзных последствий для Борьки. А учителя уволили с работы.

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ.

В ясный октябрьский день после многих дней непогоды выглянуло солнце, стало тепло. К середине дня подсохли лужи. Алла с подружками играла после школьных занятий во дворе дома. Они собирали разноцветные листья, падавшие за последние дни. К девочкам подошла молодая хорошо одетая женщина. У неё в руке была сетка, в которой лежали большие красные яблоки, коробка конфет “Мишка косолапый” и ещё какие-то явно вкусные вещи. Всё это заметила любопытная Алла. У неё даже слюнки потекли при виде такой роскоши. Женщина спросила, есть ли в этом доме врачи. Алла ответила, что есть тётя Маня и тётя Соня, мамы играющих рядом девочек. Восемилетняя Рита подтвердила, что её мама - врач, но сейчас она на работе и придёт домой через час. У Лены мама тоже была на работе, но дома была бабушка. Женщина радостным голосом сказала Рите, что она старая подруга её мамы, но они давно не встречались, и ей хочется сделать Ритиной маме сюрприз. Она предложила Рите пойти домой и подождать там маму, а когда мама вернётся, неожиданно выйти ей навстречу. Рите эта идея очень понравилась, и она повела женщину к себе домой. Та прошлась по комнатам, с интересом осмотрелась по сторонам, зачем-то открыла двери шифоньера. Потом она вдруг спохватилась:

-Ты знаешь, - сказала она, - Я тут приготовила подарки твоей маме, но забыла купить пирожные. Если тебе не трудно, сбегай в магазин. Здесь недалеко. Вот возьми деньги и купи на всю сумму. Гулять, так гулять! А я тебя здесь подожду.

Опытная Рита сразу определила, что денег хватит не менее, чем на пять пирожных, и с радостью побежала выполнять поручение. Её подружки попрежнему играли возле дома.

-Алла, пойдём со мной! - позвала Рита. - Помоги выбрать пирожные.

Услышав магические слова “Пирожные”, Алла, ни слова не говоря, побежала за подружкой. Магазин находился за несколько кварталов от их дома. Девочки не спеша и обстоятельно выбирали пирожные и сумели выкроить деньги даже на шесть пирожных разных сортов. Когда они, наконец, вернулись домой, маминой подруги почему-то уже не было. Сетка с продуктами оставалась на кухонном столе. Убедившись, что вкусные вещи никуда не делись, девочки съели по яблоку и принялись играть в куклы в ожидании Ритиной мамы. Она вскоре пришла, уставшая после тяжёлого приёма. Рита стала ей с восторгом рассказывать о забавном происшествии. Мама слушала её сначала невнимательно, но постепенно она насторожилась, побледнела и бросилась осматривать квартиру. Осмотр подтвердил её самые худшие опасения. Шифоньер был пуст, в ящиках комода также валялись одни носовые платки. Пропали все наиболее ценные вещи, деньги и украшения. Мама села на стул и заплакала. Испуганная Алла побежала домой. Там Хена и Тоня возились с Лёшиком. Узнав о происшествии, Тоня, захватив Аллу, зашла к пострадавшей. Бедная женщина, рыдая, рассказала Тоне, что у неё ничего не осталось, и она не знает, как теперь жить.

-Соня, возьми себя в руки! Не пугай Риту. Давайте вспомним всё по порядку. Как выглядела эта женщина, и что пропало?

Девочки наперебой стали рассказывать про незнакомку. Алла запомнила, что у неё были чёрные волосы и зелёные глаза, а в ушах у неё были большие золотые серьги в виде полумесяца.

-Похожа на цыганку, - отметила Тоня.

Потом женщины составили список пропавших вещей.

-Я знаю, где её искать, - сказала Тоня, - Сегодня пятница. День уже кончился. В воскресенье пойдём на “барахолку”.

В воскресенье Тоня с Соней с самого утра отправились на “барахолку”, как в народе называли рынок подержанных вещей. Расчёт Тони оказался верным. Уже после нескольких часов блуждания по рынку Соня увидела свои платья. Женщина, похожая по описанию на посетительницу её дома, стояла в её выходном платье и туфлях и продавала ещё два крепдешинových платья. На руке у неё был Сонин золотой браслет. У Тони хватило выдержки спокойно подойти к аферистке и начать торговаться. При этом она внимательно поглядывала по сторонам, чтобы убедиться, что у той нет поблизости сообщника. Торгуясь с женщиной, Тоня брала у неё платья, разглядывала и передавала их Соне. Потом она неожиданно схватила воровку за руку и закричала:

-Ага! Попалась, воровка! А ну - ка, снимай платье, стерва!

Соня схватила воровку с другой стороны и тоже что-то кричала.

На шум сбежался народ. Раздались угрожающие крики. Аферистка растерялась и не оказывала сопротивления. К тому же она опасалась расправы от разъярённой толпы. Она послушно сняла с себя Сонины вещи и осталась босой в одной “комбинашке”. В её сумке оказалась часть похищенных ценностей и довольно много денег. Она сказала, что остальное она продала накануне. Прихватив спасённое имущество, Тоня и Соня повели воровку в милицию. Однако, выйдя из толпы и пройдя несколько десятков метров, воровка неожиданно выскользнула у них из рук и, рванувшись в сторону, затерялась среди снующих в разные стороны людей. Пока Тоня с Соней растерянно оглядывались по сторонам её и след простыл. Искать её было бесполезно. Женщины вернулись домой и подвели итоги операции. Осмотрев сохранившиеся вещи и ценности, и подсчитав лежащие в сумке деньги, Соня пришла к выводу, что главное удалось сохранить, а деньги, хоть и не полностью, компенсируют похищенное. По этому поводу Соня организовала чаепитие и угощала Тоню и Хену с Аллой оставленными аферисткой конфетами и пирожными. Тоня с Хеной пирожных есть не стали. Зато Рита с Аллой съели по два пирожных - миндальных и заварных, и под шумок - несчётное количество шоколадных конфет. У них получился настоящий праздник.

НЕ ПЕЙ, ИВАНУШКА, КОЗЛЁНОЧКОМ СТАНЕШЬ

Дядя Веня вернулся из Москвы, где он был в служебной командировке, и привёз всем подарки. Но из-за каких-то проблем, связанных с этой поездкой, никак не мог лично вручить их адресатам. Измученный любопытством, Рувим, наконец, решил, что “...если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе” и сам отправился за подарком. Пришёл он явно не вовремя. Веня что-то сердито выговаривал

незнакомому мужчине, а тот смущённо оправдывался. Наконец, Веня пообещал подумать, как им выйти из положения, и мужчина раскланялся и ушёл.

-Я тебе много раз говорила, чтобы ты не связывался с этим забулдыгой, - высказалась Хена, когда двери за гостем закрылись, - Я знала, что он обязательно тебя подставит.

-Не хотелось верить, что Коля уже дошёл до такой стадии алкоголизма. Он всегда был очень толковым и надёжным работником и ни разу не приходил на работу выпившим, - ответил Веня.

-Все видели, что он - алкаш, и только ты по доброте душевной никак не хотел этого замечать!

Перехватив недоуменный взгляд Рувима, молча слушавшего эту перепалку, Веня рассказал о том, что произошло в Москве во время его последней поездки. Он и его сотрудник Николай Коробко участвовали в составе республиканской делегации в крупном совещании, посвящённом состоянию военных объектов на Западном направлении и, в частности, на территории Могилёвской области. Веня привёз предложения по плану ведения работ на 1940 - 1941 годы и объёмам их финансирования из всесоюзного бюджета. После первого дня работы Веня задержался в Наркомате и приехал в гостиницу поздно вечером. К этому времени Николай, который освободился раньше, должен был внести в документы исправления, учитывающие полученные на совещании замечания. В номере Веню ждал неприятный сюрприз. В углу комнаты валялась груда опорожнённых бутылок из-под водки и пива, на столе стояли стаканы и тарелки с остатками еды и питья, а Николай с третьим соседом по номеру Матусовым, также членом белорусской делегации, красные, с блуждающими глазами, громко наперебой рассказывали друг другу анекдоты. Важные документы были в беспорядке разбросаны у Николая на кровати. При появлении Вени собутыльники были вынуждены прервать веселье и принялись убирать номер. Делали это они не очень ловко, так как оба были уже в изрядном подпитии, ответить, что было сделано по подготовке документов, Николай был уже не в состоянии. Отправив обоих спать, Веня был вынужден заняться документами самостоятельно. Это было нелёгкой задачей, так как бумаги были перепутаны, и потребовалось несколько часов, чтобы измученный вконец Веня сумел привести их в порядок смог, наконец лечь отдохнуть. Проснулся Веня от неприятного запаха. Пахло паленым. Пришлось зажечь свет. Матусов сидел на кровати и тоже принюхивался. Николай спал, как убитый. Около его кровати валялась дымящаяся папироса, вокруг которой в ковре расплзалась изрядная чёрная дыра. Залив дыру водой из графина, Веня с Матусовым попытались разбудить Николая, но тот только мычал во сне и отчаянно отбивался.

Пришлось оставить его в покое. Потушив свет, Веня мучительно пытался заснуть и, наконец, ему удалось погрузиться в тяжкую дрему. Однако, не надолго. Он услышал плеск воды и вскочил. Матусов тоже был уже на ногах и зажгёт свет. Николая в комнате не было. плеск доносился из ванной комнаты. Открыв дверь в ванную, Веня и Матусов обнаружили голого Николая, мирно спавшего в переполненной ванне. Вода, продолжавшая поступать в ванну из крана, переливалась на пол. К счастью, ванна стояла в углублении, пол которого был покрыт кафелем, и вода ещё не успела полностью заполнить углубление и растечься по всему номеру. Однако, её

накопилось уже довольно много, и в ней спокойно плавали трусы, майка и полотенце Николая. Проклиная всё на свете, Веня и Матусов забрались в воду, перекрыли краны и стали вытаскивать Николая из холодной воды.

Он отбивался и требовал, чтобы ему не мешали спать. Кое-как удалось извлечь его сонного из ванны и, обтерев своими полотенцами, уложить в кровать. Там он подолжал спать, как ни в чём не бывало, а его соседи по номеру с помощью урн для мусора принялись выгребать воду из углубления и переливать её в ванну. Этой интересной работы им хватило как раз до утра. Приводя ванную в порядок, Веня вспоминал всё, что он знал о Николае Коробко. Сын героя Гражданской войны, долгие годы занимавшего высокие посты в руководстве Республики и умершего несколько лет тому назад, Николай получил хорошее образование и был толковым и исполнительным работником. Он очень нравился Вене своим общительным весёлым характером, нестандартным мышлением и умением быстро сориентироваться в меняющейся обстановке. Вене импонировало также, что он был примерным семьянином, любил двух своих сыновей, которых он приобщил к своему любимому виду спорта - джиу-джитсу. В своей комнате на работе он прикрепил к стене войлочную пластину, по которой он во время перерывов старательно колотил кулаками, ребром ладоней и ногами. Вене говорили, что Николай пьёт, но он считал эти слухи преувеличенными, поскольку Николай приходил на работу всегда трезвым и работал с полной отдачей.

Веня провёл трудный день и вечером устроил Николаю серьёзный разнос. Тот каялся и заверял, что подобное больше никогда не повторится. Последующие несколько дней Николай вёл себя примерно, и когда Вене пришлось срочно выехать в Могилёв, он оставил Николая завершать дела. Однако, вовремя тот не возвратился. Неизвестна была также судьба оставленных на его попечение важных документов. Пропажа этих документов сулила серьёзные неприятности, и Вене пришлось срочно возвращаться в Москву. К счастью, папка с документами, обнаруженная уборщицей в одном из наркоматовских туалетов, попала в знакомый Вене отдел, и была возвращена без лишнего шума. А вслед за ней объявился и виновник происшествия. Теперь Вене предстояло решить его судьбу.

Рувим был поражён услышанным. Ему было искренне жаль способного интересного человека, ломающего свою жизнь неумеренным пьянством. Однако, получив великолепный перочинный нож с несколькими лезвиями, штопором, ножницами и пилочками для ногтей, он забыл обо всём на свете. В последующие несколько дней он только этим ножом и занимался. Но вскоре ему пришлось опять услышать о Николае Коробко. Повсюду в городе только и говорили о нелепом и страшном убийстве, в котором подозревался Николай. Из-за отсутствия достоверной информации слухи обрастали фантастическими ледянящими душу домыслами. Долгое время Рувиму не удавалось увидеть Веню, которого неоднократно допрашивали в связи с делом его сотрудника. Наконец, Веня зашёл навестить брата и рассказал, что стало известно следствию. Оказывается, жена Николая, гостившая с детьми у родственников в деревне, вернувшись домой, обнаружила, что двери в квартиру были не заперты, а в комнатах царил полный "разгром": на полу валялись опрокинутые стулья, сорванные занавески, скатерть, разбитая посуда, разные вещи, пустые бутылки. Возле сдвинутого в сторону стола, неестественно запрокинув разбитую голову, на полу лежал мужчина, в котором она узнала Петра Кандыбина,

друга детства и собутыльника её мужа. Сам Николай лежал неподалёку на диване лицом вниз. Увидев эту страшную картину, женщина и дети с криком выбежали прочь. Прибежавшие на их крик соседи вызвали милицию. Было установлено, что Пётр скончался в результате удара по голове твёрдым предметом, скорее всего бутылкой, обнаруженной возле тела. Перед смертью он был жестоко избит. Всё тело его было покрыто многочисленными кровоподтёками и ссадинами. Николай Коробко был жив, но при этом, “смертельно” пьян. Он спал, и его удалось разбудить с огромным трудом. Когда он сел на диване, стало видно, что рубашка на нём разорвана, лицо и плечи покрыты царапинами и синяками. Он ничего не помнил и повторял только, что они с Петькой хорошо посидели. Николая арестовали, и он является главным подозреваемым в этом деле.

-Неужели Николай мог совершить это жуткое убийство? - спросил потрясённый Рувим.

-Не знаю. Не хочется верить. Но следователь твёрдо убеждён в его виновности. Все факты, увы, подтверждают эту версию. Неожиданно Рувим вспомнил слова Алёнушки из русской сказки, которую он недавно читал Аллочке:

-Не пей, Иванушка, козлёночком станешь.....- и подумал, что можно стать не козлёночком, а страшным зверем.

Через несколько месяцев суд приговорил Николая Коробко к 10 годам колонии строгого режима.

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ.

У Борьки в доме был чердак, сухой и тёплый. Там Борька оборудовал свой “штаб”, как он говорил. А попросту он поставил у чердачного окна старый деревянный стол и несколько табуреток, навесил пару самодельных полок, где хранились его “сокровища”, которые он не хотел показывать домашним и случайным посетителям. Ну, и естественно, стены были завешаны многочисленными изображениями героев-лётчиков. И уж совсем непонятно, почему в компании со знаменитыми лётчицами Мариной Расковой, Полиной Осипенко и Валентиной Гризодубовой оказался портрет актрисы Лидии Смирновой. Ребята частенько собирались у Борьки на чердаке и болтали на разные темы. Однажды, сразу же после возвращения из Стаек Борька с Рувимом и Пашкой сидели у чердачного окна и рассказывали Илье о своих летних приключениях. Из окна хорошо просматривался двор соседнего дома, хозяина которого по фамилии Зиневич все окрестные ребята дружно не любили, называя “Куркулём”. Для этого были весомые основания. Большой двор Зиневича примыкал к той части улицы, где чаще всего играли ребята. Нередко случалось, что мячи залетали к нему во двор, и он никогда их не отдавал. Кроме того, он держал пчёл, которые периодически терроризировали окрестности. И вообще, он был человеком нелюдимым и неприветливым. Ещё недавно он работал в ведомстве Борькиного отца и отвечал за поставки обмундирования в Красную Армию. В конце 1939 года он оказался замешан в нескольких крупных скандалах, связанных с хищением имущества. Сначала на “барахолке” были задержаны спекулянты, продававшие большие партии мыла. Расследование показало, что оно - из армейских складов. Потом

пропал вагон с валенками, предназначавшимися для Ленинградского военного округа, как раз накануне военных действий против белофиннов. Валенки “всплыли” на рынках уральских городов. Следователи подозревали, что всё это - дело рук Зиневича. Но прямых улик не было. Как всегда, пострадали “стрелочники”, а Зиневич был уволен с работы. С тех пор он нигде не работал, вёл хозяйство, продавал мёд на рынке и держал квартиранток, девочек из расположенного неподалёку медицинского училища. Из соседей он ни с кем не общался, возился в своём саду, занимался пчёлами. Из окна Борькиного чердака ребята видели его в брезентовом костюме и маске, “колдующего” над своими ульями. Тогда приходилось закрывать окна и, по возможности, не показываться на улице, чтобы не быть искусанными разъярёнными пчёлами. Последнее время он чем-то болел. У него распухли ноги, ставшие похожими на две тумбы, и он ходил с большим трудом, переваливаясь и опираясь на палку.

Поглядывая на двор Зиневича, Пашка задумчиво сказал, что не худо было бы потрясти Куркуля. Вон сколько валяется на земле всякого добра, и никто его не собирает. Всё равно пропадёт. Борька сразу же отверг такую возможность:

-Ты посмотри, какой забор! И псина здоровая! Нет, это не реально.

Рувим вспомнил и рассказал ребятам со смехом, как они в Лодзи лазили в сад Кайзербрехта, и чем это кончилось. В это время появился Зиневич в сопровождении своего пса. Он нёс какой-то большой свёрток и постоянно озирался по сторонам. Это показалось ребятам подозрительным, и они стали внимательно следить за его действиями. Всё время оглядываясь, Зиневич доковылял до своих ульев и принялся там возиться. Через некоторое время он повернул назад, но уже без свёртка. Ребята пытались понять, что это может значить, но из-за отсутствия всяких познаний в пчеловодстве прийти к какому-либо выводу они не смогли, а вскоре и забыли об этом происшествии. Однако, странные события на этом не кончились.

Квартирантки у Зиневича почему-то не приживались. Уже в середине сентября обе квартирантки ушли от него со скандалом. Рувим с Борькой, возвращаясь со школы, стали свидетелями инцидента, когда девушки со своими нехитрыми пожитками выскочили на улицу из дома Зиневича. Одна из них, вся пунцового цвета, кричала, обращаясь к дому:

-Ах ты, старый козёл! Ишь, чего захотел!

Вторая пыталась её успокоить. Увидев мальчишек, девушки замолчали и пошли прочь.

Вторая пара девушек, поселившихся у Зиневича, тоже не задержалась надолго. Сидя на борькином чердаке, Рувим с Борькой видели, как они уходили со двора, и у ворот их встречал ...их бывший одноклассник Цорес. Дней через десять они встретили Цореса. Поговорили о том, о сём. Борька спросил, что Цорес делал у ворот Зиневича.

-Да, встречал свою маруху. Этот старый хрыч на ногах не стоит, а туда же, пристаёт к молодым девкам. “Озолочу”, говорит! У меня, мол, денег навалом! Но не на таких нарвался. Сейчас там Люська поселилась. Профура-клейма поставить негде. Она ему даст прикурить. Загоняет до смерти!

И довольный собственным красноречием, Цорес пошёл по своим делам.

Время шло. Люська жила у Зиневича. Скандалов больше не было. Рувим с Борькой часто встречали её в компании со здоровым мордатым парнем. Он провожал её домой, но близко к дому не подходил. Однажды вечером в конце ноября, когда Рувим делал в доме уроки, а тётя Тоня возилась на кухне, в дверь постучали, и вошёл участковый милиционер. Он попросил тётю Тоню быть понятой и пройти вместе с ним в дом к соседям. Рувим, сгорая от любопытства, увязался за ними. В доме Куркуля сидела заплаканная Люська и Борькина мать, которая также была приглашена в качестве понятой. На полу лицом вниз лежал сам Куркуль. На голове его зияла большая рана, а рядом с телом по полу растеклась лужа крови. Недалеко от трупа валялось орудие преступления - тяжёлый топор, перепачканный кровью. Вся квартира была буквально перевернута. Кругом валялись выброшенные из комодов вещи, изуродованные образа и картины, вырванные из рам.

Помимо участкового в квартире было ещё двое людей в штатском. Один из них производил осмотр квартиры, второй вёл протокол. Стали осматривать труп. Задрав нижнюю рубашку, обнаружили пояс с кармашками, как в пулемётной ленте. Оттуда на стол вытряхнули разноцветные камешки, засверкавшие в лучах электрической лампочки всеми цветами радуги. Преступник был явно непрофессионалом. Он не решился осмотреть убитого.

-Ах ты, сука! Вот где всё запрятал! - вырвалось неожиданно у потрясённой Люськи.

Люди в штатском оживились и многозначительно посмотрели на участкового. Тот подошёл к Люське и объявил, что она арестована по обвинению в соучастии в убийстве Зиневича.

Вскоре осмотр был окончен. Понятые расписались в протоколе и были отпущены по домам, а следователи занялись допросом Люськи.

На следующий день только и разговоров было о происшествии. Борька, Илья, Пашка и Рувим собрались после уроков у Борьки на чердаке, и Рувим рассказал им подробности вчерашнего происшествия. Ребята с жаром стали выдвигать различные версии. Вспомнили мордатого парня. Илья тут же выдвинул версию об убийстве на почве ревности. Но Рувим напомнил, что убийца в квартире что-то искал. Повидимому, деньги и драгоценности. Значит замешана явная корысть. После долгих споров пришли к компромиссному решению, что имело место и то, и другое. Много споров вызвало поведение Люськи. Была ли она соучастницей преступления? Здесь им прийти к общему мнению не удалось. Потом ребята вдруг вспомнили про оставленный Зиневичем в саду свёрток и про странное его поведение. Решили рассказать об этом участковому. Это деликатное дело поручили Рувиму и Борьке. На следующий день они отправились в отделение милиции и после долгих объяснений были допущены к участковому. Тот их внимательно выслушал. И вскоре вместе с уже знакомыми Рувиму следователями они осматривали выстроившиеся в саду Зиневича улья. Сориентировавшись, ребята указали, где находился в тот день Куркуль. Следователи осторожно осмотрели улья и пришли к выводу, что один из них - фальшивый. После этого они извлекли из него тот самый свёрток, который видели тогда ребята. В свёртке оказались золотые изделия - кольца, серьги, броши, цепочки, кресты, инкрустированные драгоценными камнями. Довольный участковый долго благодарил ребят. Он им рассказал, что Люська быстро "раскололась" и выдала своего сообщника.

Оказывается, узнав от бывших квартиранток о том, что им предлагали большие деньги, она сознательно поселилась у любвеобильного старика. Тот оказался мужиком, хоть куда. Какое-то время она вытягивала из него деньги и выводывала, где он прячет свои ценности. Потом она впустила своего дружка. Он убил старика, забрал деньги и те ценности, которые сумел найти. Их тоже было немало. По неопытности осмотреть труп он не догадался. Только сорвал с шеи золотую цепочку с крестом. Когда он ушёл, Люська вызвала милицию и разыграла сцену безутешного горя. Да, вот, “прокололась”. Теперь они с дружком сидят в КПЗ и валят друг на друга. Я думаю, что им обоим сладко не покажется.

Через несколько дней, когда следствие было закончено и дело было передано в суд, участковый пришёл в школу и официально от имени милиции выразил благодарность Рувиму, Борьке, Илье и Пашке за помощь в раскрытии тяжкого преступления. Ребята были на “седьмом небе” от счастья, и целую неделю были признанными героями школы, которыми восхищались малыши и на которых с завистью поглядывали старшеклассники. Но, увы, слава оказалась недолговечной. Очень скоро жизнь вошла в привычную колею, и о происшествии больше никто не вспоминал. Даже сами его участники.

НОВОГОДНИЕ СЮРПРИЗЫ.

Школа начала готовиться к встрече Нового 1941 Года необычайно рано. После долгих просьб и переговоров старшеклассники получили, наконец, разрешение провести новогодний бал-маскарад. Однако, ему должны были предшествовать торжественная часть с неизменным докладом, концерт художественной самодеятельности с обязательным хором и спектаклем. Доклад с подведением итогов полугодия в школе взяла на себя завуч, организацию хора - преподавательница пения. А подготовку спектакля неожиданно для всех взялся осуществить обычно пассивный Лёнька Лаврентьев. В качестве обязательного предварительного условия он выдвинул участие в этом спектакле четвёрки недавних героев - Борьки, Рувима, Пашки и Ильи. Никто из них увлечением театром не грешил, в спектаклях никогда не участвовал и участвовать особого желания не испытывал. Однако, пионервожатая, отвечающая за организацию вечера, и комитет комсомола школы оказали на непокорных огромное давление, и им пришлось подчиниться. Лёнька предложил для постановки инсценировку нашумевшей повести, главный герой которой, чекист, под видом обедневшего аристократа, пострадавшего от Советской власти, пытается внедриться в банду давно разыскиваемых преступников. Он проникает на воровскую малину, где предлагает главарю банды план ограбления квартиры богатого коллекционера. Ему удаётся преодолеть недоверие бандитов и заманить их в засаду, где они попадают в руки поджидавших их чекистов. Центральную роль героя - чекиста Лёнька, естественно, решил выполнять сам. Роль главаря банды была предложена Юрке Красину. Рувиму и его компании отводились второстепенные роли членов воровской банды. Их задачей было присутствовать на сцене, создавая фон для главных персонажей. Было совершенно очевидно, что такое распределение ролей возникло не случайно. Недаром Лёнька так настаивал на их участии в спектакле. Ему хотелось унижить вчерашних героев, показать всей школе, что они на самом деле - серая

посредственность, а настоящим ярким талантом, организатором и интеллектуалом является именно он - Леонид Лаврентьев. Рувиму очень не хотелось быть марионеткой в Лёнькиной игре, и он решил обратиться за помощью к дяде Вене. Тот внимательно выслушал его доводы, подумал и вдруг радостно засмеялся.

-Я знаю, кто тебе сможет помочь. Пошли к дяде Мише.

-А кто это, дядя Миша? - спросил Рувим.

-Сейчас увидишь.

Пока они шли на работу к дяде Мише Веня рассказал Рувиму, что дядя Миша родился и вырос в Одессе, сменил множество профессий, мотался по всей стране. Зарабатывая на хлеб насущный, выступал на эстраде, пел, танцевал, показывал фокусы. Лет восемнадцать назад попал в Могилёв, женился на спокойной доброй женщине, остепенился. А теперь работает вахтёром в студенческом общежитии строительного техникума, где Веня почитывает лекции. Студенты обожают дядю Мишу. Он с ними играет в шашки, рассказывает анекдоты, даёт житейские советы. Даже окончив техникум, они продолжают поддерживать с ним контакты, пишут письма, советуются. Он охотно им отвечает.

-Да ты сейчас сам всё увидишь.

Они застали дядю Мишу на работе. Он сидел за столом в вестибюле общежития и играл в шашки “на вышибалу”. Вокруг собралась толпа участников игры и их “болельщиков”. Все дружно подсказывали противнику дяди Миши ходы, в результате чего он переставал сам играть и неизменно проигрывал. А дядя Миша играл легко, весело, сопровождая игру шутками, анекдотами, проводя под шумок многоходовые комбинации, “выбивая” своих противников одного за другим под хохот и аплодисменты присутствующих.

Увидев пришедших, дядя Миша прервал игру и приветствовал их.

-А, Вениамин Исаакович! Давненько вы у нас не были. Как здоровьице?

-Спасибо, дядя Миша! Всё нормально. А вы как себя чувствуете?

-Ну, как я могу себя чувствовать? От своих болезней я никакого удовольствия не имею, потому что моя Соня всегда больней меня. Вы же это знаете. Так что на свои болячки я давно внимания не обращаю и чувствую себя совершенно здоровым человеком.

-Дядя Миша! Мы вот с этим молодым человеком хотим просить Вашей помощи.

Дядя Миша почувствовал себя польщённым и, уступив место за доской очередному соискателю, повёл гостей в свою маленькую конурку, где с трудом умещалась узкая солдатская кровать, застеленная казённым одеялом, тумбочка, небольшой стол и две табуретки. Усадив гостей на табуретки, а сам устроившись на кровати, дядя Миша приготовился слушать. Это был маленький сухой старичок с морщинистым, но очень подвижным лицом, умными молодыми глазами и хриплым голосом. Рассказывая о своих проблемах, Рувим подумал, какой чепухой он утруждает этого старого, пережившего серьёзные трудности человека, и ему стало стыдно. Однако, старик отнёсся к его рассказу с полной серьёзностью. Немного подумав, он сказал, что берётся помочь, и предложил Рувиму приходить через день к нему вечерами на дежурство. На первом же занятии дядя Миша объяснил Рувиму, что исполнителю маленькой второстепенной роли надо найти какие-то необычные детали, которые сразу же привлекли бы внимание зрителя. Поэтому нужно

подобрать оригинальный костюм, придумать внешность, походку, особенности поведения.

-Тебе надо изображать мошенника? Ладно. Представь, что ты шуллер, морочащий простаков. Ты в первую очередь должен виртуозно владеть картами.

И дядя Миша, достав колоду карт, стал неуловимыми изящными движениями тусовать её, периодически “выстреливая” картами из одной руки в другую и разворачивая их веером. В течение четырёх вечеров дядя Миша учил Рувима оперировать картами пока он, наконец, не достиг минимально приемлемого уровня. Потом они принялись отрабатывать вихляющую походку знающего себе цену “фраера”, жонглирующего на ходу тросточкой. Эта непослушная тросточка доставила Рувиму массу хлопот и нервотрёпки, но после упорных тренировок ему всё же удалось её укротить. Рувим научился также умело держать в зубах окурки, падчёркивая своё превосходство над окружающими, и цедить сквозь зубы:

-Век свободы не видать! Клянусь мамой! Чтоб я так жил!

В довершение дядя Миша показал Рувиму игру “В скорлупки”. Он положил под одну из трёх больших ореховых скорлупок шарик. Быстро переставив скорлупки местами, он попросил показать, где находится шарик. Рувим указал на прежнее место. Шарик, действительно, лежал там. Тогда дядя Миша переставил скорлупки ещё раз, произнеся при этом заклинание “Махалай - Махалай”.

-Ну, а где теперь шарик? - спросил он, хитро прищурясь.

-Там же, - ответил Рувим.

Но шарик оказался почему-то под другой скорлупкой. Рувим был потрясён. Он попросил повторить. И всякий раз после заклинания “Махалай-Махалай” шарик оказывался под какой-нибудь другой скорлупкой.

Дядя Миша был страшно доволен произведенным эффектом. Он рассказал Рувиму, что опытные и ловкие мошенники выигрывают с помощью этой игры у простаков огромные деньги. Всё зависит от ловкости рук и быстроты реакции мошенника. Потом он медленно показал, как при перемещении скорлупок легко деформируемый мягкий шарик незаметно захватывается и сдавливается двумя пальцами и также незаметно переносится на новое место. Рувим пришёл в восторг и принялся с жаром осваивать новую игру. Получив шарик и скорлупки в подарок, он всё свободное время осваивал технику игры. Наконец, это стало получаться у него вполне сносно.

Дядя Миша посоветовал Рувиму до поры, до времени не раскрывать своё умение на репетициях, делать всё, что говорит ему Лёнька, а уже потом импровизировать на спектакле.

Тем временем подготовка к спектаклю шла полным ходом. Специальных декораций и реквизита не было. Поэтому пришлось приспособливать обычные школьные столы и стулья, а так же имеющиеся в наличие одежды. За несколько дней до спектакля Рувим с дядей Веней пришли домой к дяде Мише на примерку костюма. Их встретила жена Миши, полная приветливая женщина, и проводила их в комнату. Началась примерка. Сначала на обычную рубашку Рувиму одели белую манишку с чёрной бабочкой и белые манжеты с фальшивыми бриллиантовыми запонками. Потом последовал костюм в крупную серую клетку и круглая шляпа “Канотье”. Дядя Миша и Рувим были примерно одного роста и одинаковой комплекции. Поэтому костюм оказался Рувиму впору, и не потребовалось

дополнительной подгонки. Наряд венчали штиблеты времён НЭПа. В таком наряде Рувим совершенно преобразился. Дядя Миша показал ему, как надо держать руки, тусуя карты, чтобы были видны запонки. Рувим продемонстрировал присутствующим всё своё умение, что было встречено общим одобрением.

Перед началом спектакля дядя Миша пришёл пораньше и помог Рувиму, не торопясь, переодеться, расчесал его кудрявые волосы “на пробор” и закрепил причёску бриолином. Потом пририсовал ему тонкие усы. Взглянув в зеркало, Рувим не узнал сам себя.

Пока Рувим расхаживал по комнате и репетировал свои реплики, дядя Миша взялся за его приятелей. Он уговорил Борьку одеть под рубашку его тельняшку так, чтобы она была видна из-под расстёгнутого воротника. Старую кепку на его голове он сдвинул набок, выставив на обозрение чёлку. Пашке он, наоборот, надвинул кепку на лоб, закосал рукава рубашки и изобразил на руках красочные татуировки. А интеллигентному Илье он сделал пластырем на лице уродливый шрам, приподнимающий угол верхней губы так, чтобы была видна “фикса”-золотой зуб, который он сделал из жёлтой фольги. Когда главный режиссёр Лёнька Лаврентьев появился в комнате с пионервожатой, их потрясённому взгляду предстала криминальная четвёрка, полностью готовая к выходу на сцену. Надо признать, что и Лёнька выглядел весьма эффектно. Его персонаж был одет в мягкую шляпу и старое пальто, принадлежащее Лёнькиному отцу, что вполне соответствовало облику обнищавшего аристократа. В этом наряде Лёнька имел вполне импозантный вид.

Актового зала в школе не было, и вечер проводился в спортивном зале, откуда вынесли спортивные снаряды и установили скамейки и стулья, которые пришлось собирать по всей школе. Зал был заполнен народом. Помимо школьников пришли и некоторые родители, среди которых Рувим с огромным удовольствием увидел Тоню, Лёву и Веню, сидевших рядом с дядей Мишей.

Как прошла торжественная часть и последующее за ней выступление хора, Рувим не заметил. Он находился в сильном нервном напряжении, всё время обдумывая, как ему вести себя во время спектакля. А время выходить на сцену уже приближалось. Подошёл дядя Миша и критически осмотрел их одежду, поправил у Рувима сбившуюся на бок бабочку и удовлетворённо произнёс:

-Ну, с Богом!

-Дядя Миша, пожелайте нам удачи, - дрожащим голосом попросил Рувим.

-О, слушайте анекдот на эту тему, - обрадовался дядя Миша, - Два еврея поссорились и целый год не разговаривали. Встретились перед Новым Годом, расчувствовались и решили помириться. “Я желаю тебе в новом году всё, что ты желаешь мне”, - растроганно произнёс один из них. “Ну, вот, ты опять начинаешь...”, - огорчился второй.

Ребята расхохотались. Напряжение исчезло и они отправились на сцену. Собственно говоря, сцены, как таковой не было. Было место в зале, где размещалась нехитрая декорация воровской “малины”: несколько столов, на которых стояли водочные бутылки и стаканы, а так же несколько стульев. Чтобы не возникло сомнений, ведущий предварительно рассказал зрителям, где происходит действие и кого им предстоит увидеть.

Артистам приходилось выходить на “сцену” через весь зал на глазах у зрителей. Появление “криминальной четвёрки” сопровождалось громом аплодисментов. Рувим же со своей “блатной” походкой вообще вызвал бурю восторга. А когда Рувим начал манипулировать колодой карт, поднялся такой свист и крик, что потребовалось вмешательство пионервожатой, которая с трудом успокоила зал. Затем появились следующие персонажи - главарь банды - Юрка Красин и чекист-Лёнька Лаврентьев. Они тоже получили свою порцию аплодисментов и одобрительных криков. Актёры принялись разыгрывать пьесу. Диалоги главаря и чекиста были выслушаны с большим вниманием. Должна была последовать реплика Рувима. Тут он симпровизировал и произнёс реплику в несколько изменённом виде с одесским акцентом, позаимствованным у дяди Миши:

-Шо эта мене личина твая знакома? Клянусь мамой, игде-та я табе бачив.

Восторженная реакция зала на эту реплику очень не понравилась Лёньке, но он сдержался и продолжал спектакль. А дальше Рувим чуть не сорвал всё представление. Он вытащил свои скорлупки и стал демонстрировать своё искусство остальным членам банды. А те так увлеклись игрой, что забыли про спектакль. Игра заинтересовала и главаря банды, и твердокаменного чекиста. Необычайно азартный Лёнька во что бы то ни стало хотел разгадать секрет игры и требовал всё новых и новых повторений. Ребята опомнились только после неоднократных призывов пионервожатой, обеспокоенной отклонениями от хода спектакля. Наконец представление было благополучно доведено до конца. Бандиты были арестованы доблестными чекистами, все исполнители получили свою долю аплодисментов и были счастливы, даже Лёнька Лаврентьев, хоть унижить своих конкурентов ему на этот раз не удалось.

А в зале дядя Миша принимал поздравления от соседей. Сидевшие неподалёку зрители, хоть и не знали причины, тоже присоединились к этим поздравлениям. Гордый и счастливый, дядя Миша, стоя, важно раскланивался во все стороны.

Пионервожатая также принимала поздравления от своего начальства. Потом, раскрасневшаяся и возбуждённая, она обнимала участников представления и обещала представить Лёньку к Почётной грамоте. После концерта взрослые покинули школу, предоставив школьникам возможность веселиться дальше. Все участники представления решили остаться на маскараде в своих сценических костюмах. Только Илья потерял в суматохе свою “фиксу” и очень переживал по этому поводу.

Надо отдать должное старшеклассникам. Они придумали много игр, аттракционов и других интересных развлечений. У входа в зал висел новогодний выпуск стенной газеты “Колючка”. В нём были остроумные шаржи на учеников и педагогов. Объекты этих шаржей толпились перед газетой и весело хохотали. Кто не хотел танцевать, мог принять участие в конкурсах, викторинах, шашечных и шахматных блиц-турнирах. Много желающих выиграть коробку шоколадных конфет принимало участие в аттракционе “Счастливая пара”. Мальчик и девочка должны были вместе взвеситься на весах. Если их суммарный вес был равен 120 килограммам, то эта пара признавалась “Счастливой” и получала заветный приз. Вокруг весов постоянно толпилось много народа. Соискатели становились на весы и со смехом изгонялись. Одна полная десятиклассница буквально изнывала от

желания выиграть. Она сменила с десятков партнёров, но безрезультатно. Вдруг, она увидела Рувима, который проходил мимо весов в компании остальных “бандитов”. Она молча схватила упиравшегося и ничего не понимавшего Рувима, и потащила его к весам. Ей удалось затолкать его на весы и стать рядом. Как это могло случиться только в новогодний вечер, весы показывали ровно 120 килограммов. Под приветственные крики окружающих счастливицы были признаны победителями и получили приз-коробку конфет. Но по условиям аттракциона счастливая пара должна была протанцевать вальс. Партнёрша бесцеремонно сгребла Рувима, и ему оставалось только послушно передвигать ногами. Затем партнёрша выделила Рувиму несколько конфет и пошла доедать оставшиеся конфеты со своими одноклассниками. А Рувим был несказанно доволен, что ему удалось наконец вырваться на свободу. Весь вечер приятели неоднократно вспоминали этот танец и намекали на особые отношения Рувима со старшеклассницами, преимущественно с толстухами.

Вечер подходил к концу. Настала пора подведения итогов конкурса на лучший маскарадный костюм. Рувима включили в пятёрку владельцев лучших костюмов. Окончательное распределение мест зависело от исполнения призрами песни, танца или какого-либо действия, характерного для данного костюма. Первое место заслуженно получила девочка из десятого класса. Она была в очень красивом костюме принцессы и прекрасно танцевала и пела. Решение жюри было единодушным. Второе место было присуждено десятикласснику за костюм и танец лешего. Решение жюри и в этом случае не вызвало сомнения. Рувим ни песни, ни танца не подготовил. Он вообще меньше всего думал об участии в этом конкурсе. Но он продемонстрировал жюри все приёмы, которым его научил дядя Миша и даже предложил председателю сыграть в “Скорлупки”. Волшебные заклинания “Махалай-махалай” сделали своё дело. Жюри, посоветовавшись, присудило ему специальный приз “За оригинальный костюм” и вручило альбом и набор акварельных красок.

Рувим возвращался домой, переполненный приятными впечатлениями. Тётя Тоня и дядя Лёва сидели за праздничным столом и ждали Рувима, чтобы начать провожать уходящий год. Услышав про успехи Рувима на балу, они искренне порадовались за него. И Рувим подумал, что всего лишь год назад он появился в этом доме, а теперь - это его семья. Они все любят друг друга, живут общими интересами, и ему здесь так хорошо и уютно. Потом его стали мучать угрызенья совести, что он отвык от своей родной семьи, наслаждается спокойной благополучной жизнью, а они где - то мучаются, и неизвестно, живы ли они вообще. Эти размышления прервал перезвон Кремлёвских курантов, который транслировался по радио из Москвы. Последовавшие за ним двенадцать мерных ударов вся семья и Рувим в том числе приветствовали, стоя с бокалами шампанского в руках. Наступил Новый 1941 год.

На следующий день Рувим отнёс реквизиты дяде Мише и заодно поздравил его с Новым Годом, передав от тёти Тони торт “Наполеон”. В этот праздничный день дядя Миша был дома. Он сидел за столом возле репродуктора, слушал спортивный обзор, решал кроссворд и пикировался со своей женой тётей Соней, которая чинила его рубашку.

-Миша! Выключи радио. Ты всё равно не слушаешь эту ерунду!

-Мамочка! Это очень интересная передача, и я её внимательно слушаю.

-Как это можно внимательно слушать и что-то читать? Выключи радио! К тебе же гости пришли!

Последний аргумент сделал своё дело, и дядя Миша приглушил звук радио. Слушая рассказ Рувима о результатах конкурса, дядя Миша радостно смеялся.

-Ты слышишь, мамочка? Я знал, что этот парень не подведёт!

Потом он любовно разгладил костюм рукой и вздохнул.

-Да, жаль, что передать его некому. Это же ценнейшая реликвия! А может, его в музей передать?

Вдруг он оживился.

-Слушай, Рувим, анекдот: "Врач собирает анамнез у больного: -Вы детскими болезнями болели? -Нет, доктор. -А жена болела? -Нет, доктор.

-А были ли в ваших семьях наследственные болезни? -Увы, были. Все наши предки были бездетными. -Как, бездетными? А вы откуда? -Мы? Мы из Могилёва!"

-Что ты мелешь? Не слушайте его, молодой человек! - вмешалась тётя Соня. - Сейчас я вас чаем угощу.

С этими словами тётя Соня вышла из комнаты. Глядя ей вслед, дядя Миша громким шёпотом произнёс:

-Понимаешь, она всей душой ненавидит радио.

-Почему? - удивился Рувим.

-Не терпит конкуренции. Она считает, что только её голос должен звучать в этом доме, а радио мешает ей меня поучать, направлять и распекать.

Услышав шум приближающихся шагов, дядя Миша прервал свою речь и многозначительно подмигнул Рувиму.

Рувим с удовольствием пил чай из самовара с куском вкусного многослойного торта и разглядывал стариков. Они были удивительно непохожи друг на друга, как лёд и пламень. Он был маленького роста, худенький, с хриплым дребезжащим голосом, очень подвижный - эдакий "живчик", фантазёр и балагур, добродушный, общительный, никогда не унывающий человек, которому до всего есть дело. На все случаи жизни у него были заготовлены анекдоты и притчи. Он многое знал и умел. Но несмотря на огромный жизненный опыт и житейскую мудрость, в обыденной жизни он был на редкость непрактичным и доверчивым. Решение основных вопросов в жизни их маленькой семьи он уступил своей практичной и властной жене. И эта дородная и неторопливая женщина умудрялась при их скромных доходах поддерживать уют и достаток. Она относилась к мужу, как к большому ребёнку, любила, жалела и гоняла по любому поводу. Постоянно что-то теряя или забывая, она всю вину за это возлагала на мужа. И на этот раз в самый разгар чаепития, она спохватилась, что не знает, куда девалась иголка с ниткой.

-Миша, я тебя просила положить иголку на место, а ты этого не сделал. Где она? Ты никогда не слышишь, что тебе говорят! Теперь один Бог знает, куда она может попасть!

-Мамочка! Это же ты шила иголкой, а не я! Ты, наверное, хотела меня попросить, но не сделала этого. Я не знаю, где иголка.

Обстановку разрядил Рувим, обнаруживший иголку, аккуратно воткнутую в фартук тёти Сони и несколько раз перевязанную ниткой. Тётя Соня смущённо развела

руками и отправила мужа мыть посуду на кухню, а он, страшно довольный, показал Рувиму за её спиной большой палец. Так Рувим обрёл ещё одного друга и советчика. А уже через несколько дней Рувиму довелось встретиться с дядей Мишей ещё раз. Борька никак не мог привести в порядок взятую у дяди Миши для спектакля тельняшку. Он многократно заверял Рувима, что вот - вот это сделает, причём непременно сам, но воз был и ныне там. Наконец, его матери это надоело, и она тайком от сына выстирала и отгладила тельняшку, и сложила её на кровати. Борька изобразил глубокое возмущение, поворчал для порядка, но в глубине души был весьма доволен тем, что избавился от неприятной работы.

Рувим решил отнести тельняшку дяде Мише на работу. Они с Борькой застали дядю Мишу в возбуждённом состоянии. Он нервничал, ожидая своего сменщика, который почему - то запаздывал. Дядя Миша рассказал ребятам, что к нему должен прийти его давнишний приятель, и он договорился со своим сменщиком, что тот его подменит на несколько часов. Они частенько таким образом выручали друг друга. Наконец сменщик появился, и дядя Миша предложил ребятам проводить его до дома.

По дороге дядя Миша вспомнил, что обещал жене захватить в магазине пару селёдок.

-Ребята, я сейчас покажу вам место, где продаётся самая лучшая селёдка в городе. Если вам нужна хорошая селёдка, вы её найдёте только в магазине у Шоли.

Направившись к магазину, он поведал ребятам, что Шоля Прессман был раньше хозяином этого магазина. При НЭПе магазин и его хозяин процветали, но позже Шоле пришлось “добровольно” передать магазин государству. Этот шаг был оценен по достоинству, и Шолю назначили директором своего бывшего магазина. Неисправимый Шоля сумел оставить на своих местах прежних сотрудников и сохранить традиции своего заведения. В магазине всегда были чистота и порядок, покупателей встречали приветливыми улыбками, хоть от прежнего изобилия, конечно, не осталось и следа. Да и карточная система, которую отменили не так давно, наложила свой отпечаток на торговлю.

-Надо выбирать селёдку с молоками. Она наиболее жирная и вкусная, - посвящал дядя Миша ребят в тонкости кулинарного дела, - Продавщица Мария Игнатьевна хорошо знает мой вкус, и за много лет ни разу не подвела.

Они зашли в большой гастроном и направились к рыбному отделу. Сразу же бросились в глаза полупустые полки этого отдела. Покупателей около него не было, и за прилавком скучала молодая полная краснолицая девица в грязном переднике. Она лениво переговаривалась с продавщицей из соседнего отдела, не обращая на дядю Мишу и его спутников ни малейшего внимания. Дядя Миша растерянно затоптался возле прилавка.

-Скажите, гражданочка, а где Мария Игнатьевна? - спросил он наконец.

-Нет у неё!

-Как нету? А где она?

-Она здесь больше не работает. Ушли её!

Дядя Миша с недоумением посмотрел на неё, на ребят, потом решил возобновить беседу.

-Не могли бы Вы выбрать мне парочку селёдочек получше? Только обязательно с молоками.

-А почему это, именно, вам получше? А остальным, значит, похуже?

Вконец растерянный дядя Миша не нашёл, что ответить на эту грубость. Девушка, не торопясь, достала вилкой из большой бочки одну за другой две ржавые селёдки и шлёпнула их прямо на весы, так что брызги рассола полетели в разные стороны.

-Девушка, милая, покажите, что вы мне выбрали!

-Платите в кассу, а потом смотрите, сколько хотите!

Подавленный и растерянный дядя Миша поплёлся в кассу и вернулся с оплаченным чеком.

-Давайте во что завернуть, а то у меня бумага кончилась, - объявила продавщица.

-Вы что, шутите? У меня ничего нет. Не могу же я нести селёдку в руках.

-Это ваши заботы. Я же вам русским языком сказала: у меня нет бумаги. Не хотите, не берите.

-Что за безобразие? Позовите немедленно Шолю! - буквально завопил дядя Миша.

-Нету Шоли. Он уже здесь не работает. Откомандовался, слава Богу, ваш Шоля. Так что забирайте свой товар и не мешайте работать.

И она шлёпнула на прилавок перед дядей Мишей две ржавые селёдки. Лицо дяди Миши налилось краской, несколько минут он хватал воздух открытым ртом, не будучи в силах выговорить ни одного слова.

На шум стали собираться любопытные со всего магазина. Большинство из них сразу приняло сторону дяди Миши. Почувствовав поддержку и увидев благодарную аудиторию, дядя Миша постепенно пришёл в себя, обрёл обычную уверенность и чувство юмора. Сверкая глазами, он потребовал:

-Дайте немедленно "Жалобную" книгу".

Окружающие его дружно поддержали. Скандал разрастался. Появилась администратор. Её дядя Миша тоже не знал. У Шоли вообще такой должности в штате не было. Она принялась успокаивать разбушевавшегося дядю Мишу и его сторонников. Она даже согласилась заменить ржавые селёдки на более качественные. Пообещав принести обёрточную бумагу, она исчезла и длительное время не возвращалась. Продавщица с удовольствием сообщила, что администратор ушла по неотложному и важному делу. Возмущённые покупатели во главе с дядей Мишей ещё ожесточённой принялись наседать на неё и настаивать на предоставлении "Книги жалоб".

-Да принеси ты им эту Книгу. Что они там смогут написать? Всё равно её никто не читает! - посоветовала продавщица из соседнего отдела. - Пусть они, наконец, угомонятся.

Девушка принесла "Книгу жалоб и предложений" и швырнула её дяде Мише.

Окружающие стали наперебой советовать, какой текст следует написать. Однако выяснилось, что ни ручки с чернилами, ни карандаша ни у продавцов, ни у кого из покупателей не оказалось. Продавцы с любопытством и ехидством смотрели, что предпримет в этой тупиковой ситуации дядя Миша. А он решительно развернул "Книгу" и, вырвав из неё два средних листа, завернул в них купленную селёдку и быстро направился к выходу, крикнув на ходу :

-Ребята, быстро уносите отсюда ноги!

Вслед им неслись возмущённые крики продавцов и громкий хохот покупателей. Выскочив на улицу, дядя Миша сразу же свернул в соседний двор. Мальчики побежали следом. Рувим слышал, как неизвестно откуда появившаяся администратор, взывала:

-Гражданин, гражданин! Вернитесь, отдайте листы “Книги жалоб”. Они все пронумерованы, и у нас будут большие неприятности.

-Ищи дурака! - буркнул в ответ дядя Миша и ещё быстрее засеменял по двору.

Не оборачиваясь, он пересёк двор и выскочил на параллельную улицу. Там он смог, наконец, отдышаться. Оглянувшись по сторонам, он сказал подбежавшим ребятам:

-Мы, конечно, хорошо проучили этих сволочей, но надо убираться отсюда подальше, а то нас могут обвинить в порче государственного имущества, объявить вредителями и упрятать за решётку.

К счастью, всё обошлось. Они благополучно добрались до дома дяди Миши, где его с нетерпением ждал гость и возмущённая его долгим отсутствием тётя Соня. Оставив стариков выяснять отношения, ребята побежали домой, возбуждённо обсуждая недавнее событие.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Начало зимних каникул прошло в интенсивной подготовке к важному политическому мероприятию, задуманному областным комитетом комсомола. В честь наступления нового 1941 года было решено провести силами Могилёвских комсомольцев ряд концертов в колхозах и совхозах Могилёвского района. Руководство школы, где учился Рувим, тоже решило не ударить в грязь лицом. Была создана инициативная группа по подготовке выступления. Её возглавила десятиклассница Соня Канторович - та самая энергичная толстуха, которая составила с Рувимом “Счастливую пару.” Она отвечала в комитете комсомола школы за культурно-массовый сектор и готовила все школьные вечера и другие культурно-массовые мероприятия. Это она придумала аттракцион “Счастливая пара”. Она давно уже задумала организовать концерт, где бы сочетались спортивные выступления и художественная самодеятельность. Это бы позволило, по её мнению, создать динамичное, зрелищное и оригинальное представление, в котором главную роль должно было бы сыграть привлечение зрителей в качестве соучастников действия. Поэтому поручение по организации выездного концерта было для неё весьма кстати. Соне помогали Лёша Ивакин, заведующий спортивным сектором комитета комсомола, физрук Иван Николаевич, пионервожатая Лена и несколько активистов. Они разработали программу и сценарий представления, которые потом неоднократно корректировались. Спортсменов готовил Иван Николаевич. Он долго мудрил, стараясь обеспечить необходимую зрелищность в условиях сельского клуба. Наконец, он отобрал по две пары фехтовальщиков, боксёров, борцов, двух девочек-гимнасток, акробата и штангиста.

Рувим и Борька составили одну из пар боксёров. Тренеру нравилась их подвижность на ринге и склонность к техничному бою. Во время подготовки к

показательным выступлениям он объяснял, что главным при показательных выступлениях должна быть зрелищность. Следует наносить как можно больше лёгких ударов по плечам и перчаткам. Это производит много шума и оказывает большое впечатление на неискущённого зрителя.

В бригаду были включены также певцы, танцоры, скрипач и аккордеонист. Долго не могли найти ведущего. В последний момент неожиданно для всех и по его собственной просьбе ведущим был утверждён Лёнька Лаврентьев.

Наконец, после многочисленных репетиций и многоступенчатых согласований программы подготовка была завершена, и выезд состоялся. Восьмого января к середине дня к школе подошли закрытый брезентом грузовик, быстро погрузили в кузов спортивное имущество, костюмы и участников выступления во главе с Иваном Николаевичем. Пионервожатую Лену посадили в кабину машины.

Погода благоприятствовала поездке. Шёл небольшой снежок, стоял лёгкий мороз, да и ехать было сравнительно недалеко. Однако неопытный водитель свернул с основной дороги не вовремя, заблудился и к тому же заехал в сугроб, где и забуксовал. Пришлось всем ребятам изрядно попотеть пока удалось вытолкать машину на дорогу. К этому времени девочки окончательно замёрзли, несмотря на то, что их накрыли спортивными матами, гимнастическим ковром и брезентом.

Подъехали к клубу с часовым опозданием. Он был до отказа заполнен народом, громко выражавшим нетерпение. Чтобы заполнить неожиданную паузу, председатель колхоза провёл обсуждение накопившихся проблем. Поэтому проводить ещё раз традиционную торжественную часть уже не было необходимости и можно было сразу начинать выступления. Его открыл Лёнька Лаврентьев, передавший труженикам села горячий привет от могилёвских комсомольцев. После этого он представил фехтовальщиков, рассказал о храбрых мушкетёрах и доблестных мастерах русского клинка, достойными продолжателями дела которых и являются выступающие ребята. Он пояснил, что победителем данных поединков признаётся тот, кому удастся сбить со шлема противника закреплённый там султанчик. После такого вступления публика встретила участников поединков дружными аплодисментами и одобрительным шумом. Новоявленные мушкетёры оказались на высоте, молниеносные удары, неожиданные выпады, лязг оружия, таинственные защитные маски производили на неискущённую публику сильное впечатление. Продержав зрителей в напряжении требуемое время, сначала одна пара, потом вторая закончили свои выступления под восторженные крики зрителей. Так же успешно выступили борцы, продемонстрировав эффектные броски, мостики и прочие элементы борцовского искусства.

Затем настала очередь боксёров. Лёнька сообщил публике, что бокс-это форма общения с помощью жестов, вызвав очередной взрыв аплодисментов. Рувим с Борькой выступали первыми и действовали в строгом соответствии с рекомендациями тренера, обрушив друг на друга шквал коротких ударов по плечам и перчаткам. Они кружили на одном месте, совершали эффектные нырки и уклоны, ведя постоянно ближний бой в течение двух раундов. Получив свою порцию аплодисментов и довольную реакцию Ивана Николаевича, они уступили место следующей паре, которая также понравилась зрителям.

Постепенно между выступавшими и зрителями установился особый контакт. Каждое последующее выступление встречалось всё более и более тепло. Акробат,

совершавший головокружительные “сальто”, девочки-гимнастки, выполнявшие вольные упражнения в сопровождении аккордеониста, выступали под непрерывающийся грохот аплодисментов. Но наибольший успех выпал на долю штангиста. Ученик десятого класса Нариман Кулиев был членом сборной Республики и имел первый взрослый разряд. Он легко справлялся с огромной штангой. Лаврентьев предложил зрителям попробовать свои силы. Для начала был установлен вес 60 килограммов. После долгих уговоров на сцену поднялся молодой здоровый парень и, смущённо посмеиваясь, попытался поднять штангу. После нескольких неудачных попыток это у него получилось. Его успех раззадорил ещё нескольких колхозников. Под смех и весёлые реплики зрителей они принялись поднимать штангу. Она покорила только трём участникам импровизированных соревнований. Нариман тоже подошёл к штанге и к восторгу зала легко рванул штангу одной рукой. Затем вес штанги был увеличен на десять килограммов. Никто из молодых колхозников справиться с весом не сумел. Тогда из зала вышел крепкий жилистый мужик лет 35. Под одобрительные крики зала он подошёл к штанге. Демонстрируя полное пренебрежение к спортивной технике, он довольно легко поднял штангу.

-И мы не пальцем деланы! - удовлетворённо произнёс он и под грохот аплодисментов вернулся на своё место, где его восторженно встретили жена и соседи.

Но настоящие соревнования начались, когда на помост вынесли двухпудовую гирию и предложили желающим помериться силами. Для поднятия гири не требовалась специальная техника, как для поднятия штанги. Это было доступно любому сильному человеку. Поэтому желающих посостязаться оказалось довольно много. Нариман при этом выполнял роль арбитра. Масло в огонь подлил председатель колхоза, обещавший наградить победителя ценным призом-часами.

Разгорелась нешуточная борьба. В финал соревнований вышли два парня, выделявшиеся своей силой и умением обращаться с гирей. Чувствовалось, что в их соперничестве помимо спортивного азарта присутствует ещё и какой-то личностный аспект. Соревнующимся в финале было предоставлено по две попытки. После первой попытки вперёд вырвался Иван Козловский, высокий атлетически сложенный блондин. Он легко поднял гирию 18 раз. Его соперник, кряжистый, черноволосый, похожий на цыгана Василий Бируля, поднял вес только 13 раз. Во второй попытке Иван сумел поднять гирию 22 раза и снисходительно поглядывал на соперника. При таком преимуществе у того, казалось, не осталось никаких шансов. Но Бируля думал иначе. Он довольно легко поднял гирию 16 раз и продолжал бороться с весом, хоть с каждым разом это давалось ему со всё большим трудом. После того, как он поднял гирию 21 раз, из-под гири по руке стала сочиться кровь. Несмотря на сильную боль, Бируля, сжав зубы, продолжал борьбу. И только глаза показывали, чего это ему стоит. В итоге он поднял гирию 25 раз и вышел победителем. После того, как ему перевязали развороченную ладонь, он под аплодисменты зрителей получил из рук председателя приз и отправился с приятелями обмывать победу. А проигравший соперник никак не мог успокоиться.

-Это не честно! - кричал он. - Васька меня перехитрил. Если бы я выступал после него, я бы поднял больше. У меня ещё оставались силы.

-Вот, ребята, - прокомментировал случившееся Иван Николаевич, - наглядный пример, как в спорте побеждает сила духа и умение выложиться до конца. Учитесь!

На этой оптимистической ноте было решено закончить спортивные выступления и перейти к самодеятельности. И тут Лёнька Лаврентьев преподнёс неожиданный сюрприз. Он прочёл монолог Григория Незнамова из драмы Островского “Без вины виноватые”. И сделал это просто мастерски. Когда, завершая монолог, бледный, с горящими глазами, он произнёс тост о том, что он пьёт за матерей, бросающих своих детей, а затем сорвал воображаемый медальон со словами “Этот сувенир жгёт мне грудь”, притихший зал буквально взорвался аплодисментами. Женщины плакали. Даже бывалые мужики кряхтели и покашливали. Некоторые украдкой смахивали слёзы. Лёньке долго не давали покинуть сцену, требуя повторить выступление. Обстановку разрядил аккордионист Виталька Савенко. Он заиграл “Лявонику”, и на сцену выпорхнула группа девушек в национальных костюмах, темпераментно исполнивших этот танец. За ним последовала “Полечка” и другие популярные народные танцы. А после сольного выступления скрипача Изи Каплана на сцену вышли певцы и стали исполнять всем известные и любимые песни, призывая зал принять в этом участие. Сначала робко, а потом всё активнее зал начал подпевать. А когда исполнялись “Зорка Вянера” и “Касиу Ясь канюшыну” пел уже весь зал. Одним словом, вечер удался на славу. Вскоре выяснилось, что среди присутствующих в зале был представитель обкома комсомола, который должен был определить целесообразность проведения подобных концертов. Ему концерт очень понравился, и он пообещал позаботиться о распространении передового опыта.

После завершения концерта начались танцы, в которых участвовала местная молодёжь и участники выступления. Веселье затянулось далеко за полночь. Потом радушные хозяева накрыли столы и угостили уставших гостей поздним, но весьма обильным ужином. Во время трапезы взрослые не гнушались местными крепкими напитками, а ребятам пришлось довольствоваться вкусным местным квасом. Обильная еда и ещё более обильное питьё вызвало у некоторых присутствующих взрыв энтузиазма. Зазвучали здравицы в честь товарища Сталина, Партии, Красной Армии, а также патриотические песни. Счастливая Лена с раскрасневшимся лицом подходила по очереди ко всем участникам выступления, обнимала их и обещала всяческую поддержку в школе. Иван Николаевич сидел рядом с шофёром их машины и, усмехаясь, цедил потихоньку медовую самогонку.

Застолье завершилось под утро. Остаток ночи приезжие продремали на матах на полу в клубе, а утром вернулись в город.

Представитель обкома комсомола не подвёл. Комсомольская организация школы, пионервожатая Лена и комсомолец Лаврентьев были награждены “Почётными грамотами” обкома, а остальные участники - грамотами райкома комсомола.

ПОДАРОК

Через несколько дней после поездки в областной молодёжной газете появилась заметка о новом почине могилёвских комсомольцев, в которой с восторгом рассказывалось о замечательной встрече комсомольцев с сельчанами и об организаторах этого почина - пионервожатой Лене и комсомольце Лаврентьеве. Там же была приведена их фотография во время интервью с корреспондентом газеты.

Вскоре появился ещё ряд статей на эту же тему, и наконец - большая статья в Республиканской газете с фотографиями Лены и Лёньки. Чувствовалось, что всей этой шумихой дирижировала умелая и влиятельная рука. Всезнающий Борька глубокомысленно заметил по этому поводу:

-Это Лёнькин батька старается!

Рувим попытался встать на защиту Лёньки, напомнив о его блестящем исполнении монолога Незнамова и умелом ведении концерта.

-Конечно, у него незаурядный артистический талант - и на сцене, и в жизни, - возразил Илья, - Но к организации вечера он имеет весьма небольшое отношение. Лёнька подключился к делу только в последний момент. Всё придумали и организовали Соня Канторович и Лёшка Ивакин с помощью Ивана Николаевича, а о них в статьях нет ни слова.

Рувиму пришлось с этим веским доводом согласиться.

После появления статей на школу обрушился шквал писем со всех концов Могилёвской области. Лену и Лёньку стали приглашать в разные организации и на всевозможные слёты для обмена опытом. А после участия в республиканском слёте передовиков в Минске Лёнька стал получать письма и фотографии от девочек уже со всех концов Республики. Лёнька был счастлив. Он буквально купался в лучах неожиданной славы. Теперь он редко появлялся на уроках. И даже когда он бывал в школе, он предпочитал отсиживаться в комнате у Лены. В его отсутствие в классе стало гораздо спокойней. На время прекратились конфликты и интриги. Даже Мартышка, не получая руководящих указаний, как-то притих. И только на переменах он умудрялся ещё выплёскивать свою озорную энергию. Его любимым развлечением стало нанесение ударов “по натяжке”. Путём длительных тренировок он освоил удар ногтём среднего пальца расслабленной кисти по оттопыренному заду. Удар вызывал страшную боль у пострадавшего, который сначала подскакивал вверх, а потом бросался догонять обидчика. А тот с хохотом убегал от него, прыгая по партам и ухая. Но большинство ребят его не поддерживало. Даже его закадычный в прошлом друг Генка Мухин. Неожиданно для всех он увлёкся физикой и всё свободное время проводил в кабинете Бориса Яковлевича. Он помогал учителю готовить опыты, делать лабораторное оборудование, монтировать школьный радиоузел. С особым интересом он занимался радиотехникой. Сначала он изготовил детекторный приёмник, который с удовольствием демонстрировал всем одноклассникам. Потом он стал монтировать простейший ламповый приёмник. В конце января он принёс в школу действующий макет приёмника и продемонстрировал его в работе в кабинете физики. Борис Яковлевич и половина класса собрались вокруг стола, разглядывая приёмник и слушая обрывки речи и музыку, прорывающиеся сквозь треск и шум при повороте ручки настройки. Генка блаженствовал. Войдя в кабинет, Мартышка обнаружил торчащие во все стороны задy. Упустить такую возможность Мартышка не мог и нанёс свой коронный удар по ближайшему задy, тут же нырнув в толпу зрителей. Борис Яковлевич взвился от страшной боли. Лицо его налилось краской. Позолоченное пенсне слетело с переносицы и повисло на цепочке. Однако у него хватило выдержки оставить это происшествие без последствий. Он попросил смущённых учеников, которые чувствовали себя крайне неловко, занять свои места и, как ни в чём не бывало, спокойно провёл свой урок. Это не спасло Мартышку от наказания. Генка Мухин не

простил ему срыв демонстрации приёмника и оскорбления, нанесённого любимому учителю. Как происходило выяснение отношений, никто не знает. Но только в понедельник Мартышка пришёл в школу с припухшим глазом, сверкая всеми цветами радуги на лице.

Из-за бурных событий последних дней Рувим чуть было не прозевал свой собственный День Рождения. В этот февральский день он выбрался из дома очень рано, когда все в доме ещё спали. Долго бегал кросс, и вернулся, когда все уже ушли на работу. Не обратив внимания на свёрток, лежащий на подушке, он наскоро поел, помылся и переоделся. Разглядывая себя в зеркало, он обратил внимание на кудрявящуюся на подбородке неопрятную растительность и подумал, что придётся просить у дяди Лёвы его бритву. Впрочем, долго размышлять было некогда-он и так опаздывал в школу. Кое-как ему удалось прибежать в школу к самому звонку. После уроков он только забросил портфель домой и сразу же пошёл на тренировку. Вернулся домой вечером, усталый и голодный, как волк. Здесь его шумно приветствовали тётя Тоня и дядя Лёва, поздравившие его с Днём Рождения. Они для порядка несильно подёргали его за уши и вручили тот самый свёрток, на который он утром не обратил внимания. Там оказались клетчатая фланелевая рубашка и поздравительная открытка. Не успел Рувим, как следует, рассмотреть подарок, как в квартире с шумом появились дядя Веня и Аллочка. Дядя Веня подарил Рувиму бритвенный набор, и Рувим с благодарностью подумал, что дядя Веня всегда угадывает его желания. Аллочка подарила нарисованный ею акварельный пейзаж, где были изображены пруд на опушке леса и белые лебеди, отражающиеся в воде. После того, как она изрядно потрудилась над его ушами, Алла заставила его повесить пейзаж над кроватью. И в это время раздался стук в дверь.

-Ну, гость пошёл косяком! - засмеялся Лёва и пошёл открывать дверь. Вернулся он через некоторое время в сопровождении дяди Миши. Оба имели вид заговорщиков.

-Дядя Миша! Как хорошо, что вы пришли! - обрадовался Рувим.

Довольный дядя Миша отреагировал немедленно:

“-Как хорошо! Как хорошо! - приговаривает врач, обследуя больного.

-Что хорошо? - приободрился больной.

-Хорошо, что это всё не у меня! - ответил врач.”

Все дружно захохотали.

-Однажды старый еврей пришёл в гости к своему молодому другу, - продолжил дядя Миша. - Его мать жаловалась, что мальчик слишком мало бывает на улице, так как там его обижают соседские мальчишки. Старый еврей принёс ему подарок, который должен решить все его проблемы. Как ты думаешь, Аллочка, что подарил старик своему молодому другу?

Аллочка наморщила свой лобик и задумалась.

-Крокодила!- вдруг выпалила она.

-Но почему, крокодила? - поинтересовался дядя Миша.

-Потому, что он мочалку, словно галку, словно галку проглотил. Мальчик выведет его на улицу, и все разбегутся.

-Умница! Правильно понимаешь! - восхитился дядя Миша. - Ну, раз крокодила, значит крокодила!

Он вышел в прихожую и принёс оттуда что-то, завернутое в одеяло. Развернув одеяло, он достал лукошко, в котором сидел и испуганно щурился на свет маленький рыжий длинноухий щенок с коротеньким хвостиком. Все присутствующие с интересом разглядывали незнакомца. Щенок осмотрелся, выбрался из лукошка на пол, закрутил коротеньким хвостиком, тявкнул и...напустил лужу. Взрослые засмеялись, Аллочка завизжала, а Рувим испуганно посмотрел на тётю Тоню.

-Ну, что ж, придётся теперь тебе потрудиться!

Рувим с облегчением вздохнул и побежал за тряпкой. Он понял, что подарок был предварительно согласован.

-Прошу любить и жаловать! - представил щенка дядя Миша. - Рекс собственной персоной.

-А это мальчик или девочка?-поинтересовалась Алла.

-Конечно, мальчик.

-Хвостатый мальчик. А какой он породы?

-Точно не знаю. Но думаю, что он - чистокровный дворянин.

-Что значит-дворянин? Как может собака быть дворянином?- удивилась Аллочка.

-Это значит, что он - дворяжка, - пояснил дядя Веня.

-Папа, я тоже хочу собачку! - заныла Аллочка.

-Нет, нам нельзя держать собаку. Ты же знаешь, что у мамы аллергия на собачью шерсть.

Алла огорчённо зашмыгала носом. А Рувим был счастлив. Это был действительно царский подарок. Рувим, в общем, не сильно удивился, когда тётя Тоня благосклонно отнеслась к появлению щенка. Она очень любила животных, и животные это каким - то образом чувствовали. Рувим знал, что за два года до его появления в этом доме, произошла удивительная история. Тоня и Лёва сидели вечером дома, когда вдруг они увидели на подоконнике со стороны улицы кошку. Она скреблась и просилась в дом. Тоня открыла форточку, кошка впрыгнула в комнату и стала, мурлыкая и покручивая хвостом, тереться о ноги Тони. Кошка оказалась редкой сиамской породы. За таких на рынке просили большие деньги. Ни у кого из соседей таких кошек не было. Тоня и Лёва добросовестно пытались найти её хозяев, но никто не признал кошку своей. Так она и осталась жить у них в доме. Они назвали её Катей. Катя была на редкость чистоплотным и ласковым существом. Но дважды в году естество брало верх, и она на время исчезала, а потом в доме появлялись котята. Тоня не успевала раздавать их своим знакомым. А через некоторое время Катя погибла при неудачных родах, оставив одного большого чёрного котёнка с белой грудью. От Кати он унаследовал чистоплотность и ласковость. Когда Рувим приходил со школы, он прыгал ему на плечи и обвивался вокруг шеи, как горжетка. К сожалению, по мужской линии он получил в наследство неукротимый боевой дух. Он не только одолел всех окрестных котов, но и не боялся вступать в бой с местными собаками. Однажды боевое счастье ему изменило, и он пал смертью храбрых, оставив на поле боя кусок хвоста. Тётя Тоня очень переживала его смерть и клялась больше не брать в дом котов и других животных. Однако, в начале лета в дом опять-таки через открытую форточку проникла

неизвестно откуда взявшаяся белка. Рувиму потом пришлось вместе с Борькой отнести её за город и выпустить там в лесу.

Пока все отмечали День Рождения, Алла возилась с Рексом. Она тискала его, гонялась за ним по всей квартире, пока бедный щенок не устал так, что забился под стул к Рувиму, положил голову ему на ноги и ни за что не хотел оттуда выбираться.

-Признал хозяина, - засмеялся дядя Миша.

Застолье продолжалось. Как всегда, говорили о политике, о войне в Европе, Советско - Германских отношениях и возможностях мира в ближайшее время. Дядя Миша участвовал в этих разговорах весьма активно, но очень своеобразно. Каждую новую тему он сопровождал соответствующим анекдотом, с порой далеко не безобидным политическим подтекстом. Все при этом косились на Рувима, а Венья повторял:

-Дядя Миша, ну, вы уже слишком!

Наконец, засобирались по домам, Рувим прощался с гостями, держа Рекса на руках, почёсывая его за ухом, а тот довольно жмурился и пытался лизнуть Рувима в лицо. Увидев это, дядя Миша, уже стоя в дверях, не выдержал и рассказал на прощанье анекдот:

-Муж возвращается из командировки домой, где жена весело проводит время в обществе другого мужчины. Услышав стук в дверь, жена схватила в панике вещи ...э...друга и забросила их под кровать, а потом отправила туда и их владельца. Муж ничего не заметил, а ночью, услышав возню под кроватью, спросил у жены, кто это. Жена его успокоила, сказав что это соседский пёс, которого она не смогла выгнать. Муж опустил руку вниз и позвал: "Бобик, Бобик! Это - ты?" "Это - я!" - ответил Бобик и лизнул руку.

И под громкий смех присутствующих дядя Миша с невозмутимым видом отправился домой, сопровождаемый Веней и Аллочкой.

СЛОНОВЬЯ БОЛЕЗНЬ

Когда Рувим рассказал ребятам про подарок, в его дом началось настоящее паломничество. Один за другим к нему приходили друзья и одноклассники, чтобы посмотреть на щенка и поиграть с ним. И конечно, чаще других приходил Борька. Он неизменно приносил с собой вкусные угощения, и Рекс, увидев его, начинал радостно прыгать и вилять хвостиком. Для самого же Рувима появление Рекса принесло немало хлопот. Рекс был ещё слишком мал, и не выдерживал длительных отлучек хозяев дома. Поэтому Рувиму приходилось постоянно ходить с тряпкой и несколько раз в день замывать полы, чтобы в квартире не возник специфический запах. Кроме того, он был вынужден чаще появляться в доме, что привело к полному изменению его дневного графика. Однако, всё это отходило на второй план, когда Рекс радостно бросался навстречу к Рувиму, стоило ему переступить порог дома. И не было на свете более счастливых существ, когда Рувим делал за столом уроки, а Рекс лежал у него под стулом, положив голову к нему на ноги, которые Рувим специально извлекал из тапочек. Радовало также и то, что домашние относились спокойно и с пониманием к издержкам пребывания собаки в доме и терпеливо обучали щенка правилам поведения.

А Рувиму было нелегко. Шла интенсивная подготовка к соревнованиям по боксу на приз маршала Тимошенко, которым Иван Николаевич придавал большое значение. Приходилось по утрам бегать кроссы, заниматься общефизической подготовкой и каждый день ходить на тренировки, упорно отрабатывая технику и тактику боя. Иван Николаевич был не просто хорошим тренером. Его подопечным сильно повезло. Он был действующим боксёром-практиком, образованным профессионалом, глубоко знающим физиологию спорта и постоянно работающим с литературой, а также талантливым педагогом и методистом. Он любил завершать тренировки экскурсами в историю, рассказами о выдающихся боксёрах, манере их боя, воспроизводя с помощью учеников различные эпизоды боя. Особенно обстоятельно он рассказывал о советских боксёрах Градополове, Михайлове, Николае Королёве, восходящей звезде белорусского бокса Владимире Когане, которого он знал лично. С большим юмором он рассказал легенды, связанные со знаменитым немецким боксёром Максом Шмелингом. Ещё в 1930 году он стал чемпионом мира в супертяжёлом весе, пропустив удар в пах и получив при этом прозвище “Горизонтальный чемпион”. В 1936 году он переиграл чернокожего американца Джо Луиса. Злые языки уверяли, что Шмелинг умело подставлял свой череп под удары Луиса, который повредил при этом руку и проиграл. Через два года в матче - реванше Луис, якобы, учёл печальный опыт и нокаутировал Шмелинга уже в первом раунде.

Отрабатывая приёмы ближнего боя, он рассказал, что наиболее ярким специалистом в этой области был американец Демпси. Действуя в низкой стойке, он совершал вращательные движения корпусом, обрушивая на противника шквал мощных коротких ударов сбоку и снизу. Такая манера боя получила название “Солнышка Демпси”. Рука, кулак при этом завершали движение всего тела, обеспечивая удару сокрушительную силу. Однако, сам Демпси мало двигался по рингу, предпочитая навязывать противнику ближний бой. Такая тактика предпочтительна для боксёров низкорослых и очень физически сильных. Иван Николаевич считал, что, хоть Рувим и не относится к таковым, ему следует использовать рациональное зерно этой техники. Он буквально замучал Рувима, заставляя его правильно наносить “хуки” и “аперкоты”. Он твердил Рувиму, что тот слишком закрепощён, что мешает наносить сильные удары. Наконец, его старания принесли свои плоды. Удары стали хлёткими, акцентированными. Стали удаваться и целые серии ударов. Иван Николаевич считал также, что Рувим при своих ограниченных физических данных сможет выигрывать только за счёт высокой мобильности и высокой техники.

-Ты - не тяжеловес, ты - муха! - твердил он Рувиму, - ты не должен лезть в “рубку” с противником. Ты должен его перехитрить.

При этом он сослался на опыт другого выдающегося боксёра, чернокожего американца Джонсона. Его особый стиль боя выработался ещё в детстве, когда мальчишкой он зарабатывал на жизнь в качестве спарринг - партнёра, “живой груши” в боксёрском клубе. Чтобы не быть искалеченным могучими партнёрами, он блестяще освоил приёмы защиты: нырки, уклоны, шаги в сторону, нанося при этом хлёткие быстрые контрудары “на опережение”. Постепенно у него выработалась собственная система боя, которая сделала его чемпионом мира. Иван Николаевич считал, что Рувиму следует многое перенять у Джонсона, особенно лёгкость

передвижения по рингу. Он научил Рувима двигаться “по дуге” вокруг противника, сохраняя постоянную дистанцию и неожиданно меняя направление движения. Противник вынужден при этом тоже поворачиваться, чуть - чуть отставая в движении. Удары, которые наносятся при смене направления движения, как правило застают противника врасплох. Этот приём Рувим освоил уверенно, и он приносил ему в дальнейшем неизменный успех. Кроме того, Рувим научился выходить из ближнего боя оригинальным образом, делая неожиданный шаг назад с сильным боковым ударом в голову.

Так же кропотливо и настойчиво Иван Николаевич работал с остальными членами команды, вырабатывая у каждого свой индивидуальный почерк.

Предстоящие соревнования имели статус лично-командных. Поэтому всем участникам приходилось тщательно следить за своим весом, чтобы не оказаться за пределами своей весовой категории и не подвести при этом команду. Рувиму приходилось только немного ограничивать себя в питье. Все завидовали тяжеловесу Рему Гольдману, старшему брату Бени. Этот добродушный великан по прозвищу “Слоник” мог есть, сколько угодно, оставаясь в пределах тяжёлого веса. Что он охотно и делал.

Незадолго до открытия соревнований произошло чрезвычайное происшествие, создавшее команде вообще и Рувиму в частности много проблем. Возвращаясь после тренировки домой, потный, распаренный, Борька подобрал упавшую с крыши сосульку и принялся с жадностью её сосать. На замечания приятелей он только махал рукой. Как и следовало ожидать, он подхватил ангину и не прошёл медкомиссию. В итоге команда лишилась участника в лёгкой весовой категории. За день до начала соревнований тренер позвал к себе Рувима.

-Я очень сожалею, но тебе придётся заменить Басова. В легчайшем весе у нас есть два приблизительно равных боксёра, а в лёгком весе нет никого. Твой друг заварил кашу, тебе её и расхлёбывать. Так что, выручай.

Рувим ушёл крайне огорчённым. Ему предстояло перескочить через одну весовую категорию и за сутки набрать больше трёх килограммов собственного веса. Очевидно также, что большинство его потенциальных соперников будут сгонять вес, чтобы попасть в эту категорию. Таким образом, реальная разница в весе у Рувима и его соперников может достигнуть 5 - 6 и более килограммов, а это уже большая фора. И наконец, в лёгком весе будет выступать чемпион области Жорка Лапкович, встречаться с которым Рувиму хотелось бы меньше всего. Всё это оптимизма Рувиму не прибавляло. Но делать было нечего. Спорить с Иваном Николаевичем было бесполезно, раз он всё продумал и решил.

Рувим пришёл домой и принялся лихорадочно наедаться и напиваться. Он никогда не думал, что так тяжело набирать вес. Он, конечно, видел, как его товарищи сгоняют вес. Они ходят в парилку, в тёплых свитерах бегают и прыгают часами со скакалкой, соблюдают жестокую диету, кляня всё на свете. Набирать вес пришлось ему первому в команде. Оказалось, что набирать вес ещё тяжелее, чем его сгонять, особенно, когда на это отводятся всего одни сутки. Рувим быстро понял, что наедаться накануне взвешивания совершенно бесполезно. Поэтому, встав чуть свет, он проглотил вчерашний обед, с трудом и отвращением выпил два литра воды и, раздуваясь, как бурдюк, кое-как дотащился до помещения, где производилось взвешивание. Конечно, не обошлось и без маленьких хитростей, известных всем

боксёрам. Он предварительно одел две пары плавок и носков, майку и тапочки, чтобы выиграть недостающие граммы веса. Взгромоздившись на весы и узнав, что он преодолел необходимый весовой барьер, он опрометью помчался в туалет избавляться от излишков воды. Встретив там нескольких товарищей, которые избавлялись от остатков жидкости перед взвешиванием, он посоветовал им поплевать для верности:

-Смотришь, и ещё пару десятков грамм сэкономишь!

Соревнования проводились на сцене областного Дома Красной Армии и открывались торжественным парадом команд-участников. Прозвучали традиционные речи, и под звуки торжественной музыки капитаны команд подняли флаги Советского Союза и БССР.

Рувим уже имел некоторый опыт выступлений на ринге. Он трижды побеждал на квалификационных соревнованиях, называемых “Открытым рингом”. Но в такой торжественной обстановке он оказался впервые. Она привела его в состояние крайнего нервного возбуждения, которое так и не улеглось, когда ему пришлось выйти на свой первый поединок. Его противником был спартаковец Генка Казаченко. Рувим неоднократно видел его бои и был о нём очень высокого мнения. Генка превосходил Рувима ростом, весом и боевым опытом, и не сомневался в своём успехе. Оказавшись на ярко освещённом ринге и слушая рёв зала, Рувим вдруг почувствовал себя маленьким и одиноким. Судья осмотрел перчатки у боксёров. Они пожали друг другу руки и приготовились к бою. Прозвучал гонг. С этой минуты Рувим уже ничего не слышал и видел только двигавшегося ему навстречу соперника. Он полностью забыл всё, чему его учил тренер. Когда Генка, немного красуясь, нанёс хук левой рукой, внутри Рувима сработала какая-то пружина, которая выбросила его руку, нанося удар “на опережение”. И в дальнейшем Генка начинал атаки, а Рувим совершенно рефлекторно успевал опережать его встречными ударами. Атакуя, Генка невольно раскрывался. Поэтому удары Рувима неизменно попадали в цель.

Противники мало перемещались по рингу. Встретившись посередине ринга, они весь раунд медленно кружили на одном месте, осыпая друг друга тяжёлыми ударами. Раунд кончился. Рувим опустился на стул в углу ринга. Иван Николаевич и помогавший ему друг Борька, обмахивая полотенцем, что-то ему говорили, но он ничего не понимал и ничего не слышал.

Снова прозвучал гонг, и Рувим ринулся навстречу сопернику. События предыдущего раунда полностью повторились. Раздосадованный Генка не хотел менять тактику и продолжал отчаянно атаковать, а Рувим удачно отвечал ему встречными ударами. Из-за огромного нервного напряжения Рувим был закрепощён, и его удары не имели необходимой мощи, чтобы нокаутировать противника. Но преимущество его было очевидным и для зрителей, и для судей.

Рувим отдал в бою все силы. Когда прозвучал гонг, он задышался и еле стоял на ногах. Иван Николаевич даже прикрикнул на него, чтобы он взял себя в руки. Судьи объявили Рувима победителем, но у него не было сил даже обрадоваться. Тренер был им очень недоволен.

-Сошлись, как два барана. И чему я тебя учил? - ворчал он.

Зато Борька и другие ребята его поздравляли:

-Ну, ты молоток, сумел “перерубить”Генку! -восхищался Борька.

Спал Рувим плохо. Всю ночь ему снился Генка, который гонялся за ним с топором и кричал: “Зарублю!” Но поиграв с Рексом, он постепенно успокоился и даже сумел немного поспать днём, а к вечеру был уже в хорошей “форме”.

Следующим его противником был боксёр из общества “Динамо”, парень физически очень крепкий но малотехничный. Он попытался сломить Рувима своим напором, без оглядки бросаясь в атаку, стараясь смять, прижать канатам. Вот когда Рувим сумел по достоинству оценить усилия Ивана Николаевича, научившего противостоять таким “Индейцам”. Рувим хладнокровно, как на тренировках, пропускал мимо несущегося на него, как носорог, противника, успевая по дороге нанести ему несколько ударов. В результате, этот бой он выиграл без особого напряжения и смог даже остаться в зале, чтобы посмотреть остальные бои текущего дня. Выступавшие спортсмены резко отличались друг от друга мастерством и уровнем подготовки. Были очень интересные боксёры, которые произвели на Рувима сильное впечатление, а были и встречи, которые больше напоминали пародию на бокс. Так одна пара боксёров всю встречу занималась борьбой, лишь изредка нанося удары, куда и как придётся. Рефери надоело растаскивать противников в разные стороны, и оба спортсмена были дисквалифицированы. Сенсационной стала встреча Рема Гольдмана с тяжеловесом из общества “Трудовые резервы”. Тяжеловесы среди юношей были всегда в дефиците. Многие команды не сумели подобрать тяжеловесов. Учитывая это, руководители команды “Трудовых резервов” уговорили штангиста-тяжеловеса из их общества выступить за команду боксёров, пообещав, что у него на соревнованиях не будет противников, и он без особых хлопот займёт призовое место и получит ценный приз. Их команда при этом приобрела бы много важных очков. Но оказалось, что ещё две команды выставили тяжеловесов, с которыми ему предстояло встретиться. Он неохотно согласился выйти на ринг после клятвенных заверений тренеров, что после первых же ударов секунданты выбросят полотенце на ринг и прекратят поединок. Первым его соперником и оказался Рем Гольдман.

И вот они стоят рядом на ринге. Оба рослых и могучих. Но у штангиста живот, не стянутый привычным поясом, предательски выпирал из-под майки и придавал его фигуре комичный вид. Из зала стали раздаваться оскорбительные выкрики в его адрес, сопровождаемые смехом и свистом. Обиженный штангист перенёс свой гнев на противника. И когда прозвучал гонг, он выскочил на ринг, потешно закрутил перед собой кулаками, как это делают дети перед дракой, и нанёс удар кулаком наотмашь. В противника, естественно, он не попал. Кулак просвистел перед носом оторопевшего и ничего не понимающего “Слоника”. Зал взвыл от восторга. Рассвирепевший штангист издал грозный рык и махнул кулаком в обратную сторону. И опять не попал. В зале творилось что-то невообразимое. Члены судейской коллегии, до этого важно восседавшие за столом, смеялись до слёз. Главный судья, задыхаясь от смеха, кричал:

-Уберите его, ради Бога, немедленно!

Секунданты пытались увести разбушевавшегося штангиста, но он, легко стряхнув их, ринулся опять в бой. Разрядил обстановку “Слоник”. Он хладнокровно ткнул кулаком рвавшегося к нему противника. Тот сел на пол. Только после этого секундантам и ещё нескольким их товарищам по команде удалось увести буяна в раздевалку. Судейская коллегия с трудом сумела навести в зале порядок. Рем был

объявлен победителем, а штангист был дисквалифицирован, и все начисленные ему командные очки аннулированы. Публика расходилась, оживлённо обсуждая происшествие. Все были согласны, что таких интересных соревнований в городе ещё никогда не было.

В полуфинале Рувиму противостоял очень неудобный для него противник. Рослый, подвижный, агрессивный, длиннорукий, он не давал Рувиму приблизиться к нему на среднюю и тем более на ближнюю дистанцию. Он обстреливал Рувима какими-то корявыми дальними ударами и тут же отскакивал назад. Рувиму всё время приходилось отражать его удары, подставляя плечи и перчатки. Он никак не мог привыкнуть к такой манере боя. В итоге первый раунд он проиграл. Во втором раунде ему удалось найти контрприём. Когда противник начинал атаку левой рукой, он отбивал её в сторону своей левой и наносил сильный удар правой с шагом вперёд. Противник занервничал и стал нарушать правила. Он ударил Рувима открытой перчаткой сверху вниз и попал жёсткой перемычкой перчатки ему по переносице. Рувим почувствовал сильную боль. У него возникло ощущение, что нос провалился в рот. Язык явственно ощущал присутствие носа во рту. Он испуганно коснулся носа перчаткой. Нос сильно болел, но, слава Богу, был на месте. Рефери ограничился замечанием противнику. Это возмутило Рувима и вызвало прилив страшной злости. Потеряв всякую осторожность, он ринулся вперёд и нанёс обидчику два тяжёлых удара в голову. Тот растерялся и ушёл в глухую защиту. Рувим, сверкая глазами, ходил вокруг него и, забыв о собственной защите, наносил ему сильные удары в незащищённые места. Противник и не помышлял о контратаках. Так до конца встречи и продолжалась “игра в одни ворота”. Рувим попал в финал, но нос у него распух, болел и не давал дышать. Рувим провёл бессонную ночь и встал совершенно “разбитый”. К тому же, серьёзную головную боль ему попрежнему доставляла проблема собственного веса. Тяжёлые бои привели к тому, что он изрядно похудел за время соревнований, и набирать вес ему становилось всё тяжелее и тяжелее. Он ел и пил “вне себя”, но это помогало мало. Перед последним взвешиванием он был вынужден выпить столько воды, что когда он сполз с весов и вышел в коридор, ему стало плохо, и вода фонтаном хлынула изо рта на пол. К счастью, никто этого не заметил, иначе могла последовать неизбежная дисквалификация. Все эти неурядицы изрядно испортили ему настроение перед финальной встречей.

Финальные бои и закрытие соревнований были приурочены ко дню Красной Армии. Зал был переполнен. Зрители сидели даже в проходах. Когда Рувим в сопровождении тренера и Борьки выходил на ринг, им приходилось буквально протискиваться через толпу зрителей. Они узнавали Рувима, пожимали руки и желали удачи. И это было ему приятно.

Оказавшись рядом с противником, Рувим был несколько удивлён. Знаменитый Жорка Лапкович оказался даже ниже его ростом, но был значительно шире его в плечах и выглядел очень внушительно. К тому же, всё тело его было покрыто татуировками. Традиционные надписи, кресты, якоря и русалки соседствовали с портретами Ленина и Сталина. На спине из-под майки выглядывал чёрт, сидевший на полумесяце, свесив вниз длинный хвост.

Уже с первых минут боя Рувим понял, что это боксёр совершенно другого уровня, чем все его предыдущие противники. Он превосходил Рувима во всех

компонентах боевого искусства. Однако, он не спешил форсировать события и действовал солидно и обстоятельно, спокойно набирая очки. Рувиму никак не удавалось нащупать хоть какое -нибудь слабое место. К концу раунда Рувим пропустил сильный удар в голову, покачнулся, но устоял на ногах. Рефери открыл счёт. Нокдаун. Однако, бой продолжился. Очень вовремя прозвучал гонг. Рувим тяжело опустился на стул в своём углу. Иван Николаевич встретил его с сочувствием.

-Может быть выбросить полотенце? - спросил он осторожно.

-Нет, буду драться!

-Надо больше двигаться. Вспомни, чему я тебя учил. Меняй направление движения. Старайся его запутать. Он низко опускает руки. Воспользуйся этим.

Перерыв кончился. Рувим почувствовал, что он пришёл в себя и полностью восстановился. Он попытался реализовать советы тренера. Кружась вокруг противника, он вынуждал его поворачиваться вслед за ним. Неожиданно меняя направление движения, он наносил удар через низко опущенную руку противнику в висок. Такая тактика принесла Рувиму определённый успех. Но полностью наверстать упущенное он уже не сумел. Ему оставалось уныло наблюдать, как Жорка, ожидавший с тревогой решения судей, радостно запрыгал, услышав о своей победе.

Помывшись и успокоившись, Рувим присоединился к своим товарищам, досматривающим на трибуне оставшиеся бои. Завершал соревнования бой тяжёловесов. Рем Гольдман встречался с сильным динамовским боксёром. От результатов этого боя зависело итоговое распределение мест в командном зачёте. Груз ответственности давил на участников боя. Поэтому они предпочитали не рисковать, не шли на обострение, обстреливая друг друга с дальней дистанции. При такой выжидательной тактике малейшая ошибка могла привести к перевесу противника и поражению. В конце встречи это поняли даже сами её участники. Словно спохватившись, они ринулись в атаку. После яростного обмена тяжёлыми ударами, многие из которых попали в цель, противник Рема оказался на полу. Рему была присуждена победа “За явное преимущество”. Рефери поднял руку победителя. Вдруг Бенья Гольдман, прыгающий от радости возле Рувима, испуганно воскликнул:

-Рувим, посмотри, что это с ним?

Рувим посмотрел на Рема и не узнал его. Его лицо изменилось буквально на глазах. Губы вывернуло, нос распух до невероятных размеров, глаза заплыли, всё лицо покрылось отёками и отливало всеми цветами радуги. “Слоник” стал напоминать слонёнка из сказки Киплинга. Эти “чудесные” изменения увидели не только Бенья с Рувимом. К Рему быстро подошли Иван Николаевич и врач соревнований. После недолгого осмотра началась суета и Рем в их сопровождении направился к выходу. Здесь их встречала вся команда и Бенья. Иван Николаевич сказал, что Рем скрыл от всех, что у него в носу образовался фурункул. От пропущенного удара он лопнул. Сейчас доктор опасается тяжёлых последствий и настаивает на немедленной госпитализации. Иван Николаевич вместе с доктором будет сопровождать Рема в больницу и готов захватить с собой Бенью. Он попросил команду участвовать в торжественном закрытии соревнований без него.

Это событие изрядно испортило настроение ребятам, несмотря на удачное выступление команды, занявшей весьма почётное второе место. А приз получила

команда “Трудовых резервов”. Серебряный кубок принял капитан команды Лапкович, а все остальные толпились вокруг него, стараясь дотронуться до дорогой реликвии. Этот переходящий приз, на котором уже было выгравировано название команды-победительницы, будет храниться в команде до следующего розыгрыша. А индивидуальные ценные подарки победителям и призёрам вручили только через несколько дней в, увы, будничной обстановке. Рувим, расписавшись в двух ведомостях, получил два подарка за вторые места в личном и командном зачёте. Это были “боксёрки” и спортивный костюм, с гербом БССР на груди.

Рем отлежался в больнице три дня и ещё неделю пролежал дома, после чего, как ни в чём ни бывало, продолжил тренировки. А Ивана Николаевича ещё долго таскали по разным комиссиям.

Встретив “Слоника”, Борька поздравил его с завершением “Слоновой болезни”, за что получил изрядный подзатыльник. Однако, шутка понравилась многим, и они с удовольствием её подхватили, рассказывая непосвящённым про “Слоновью болезнь” Слоника.

Полученный Рувимом в качестве приза костюм не давал покоя Борьке. Он был готов купить его за любые деньги или выменять его на любую из своих вещей. Рувим очень гордился своим костюмом и отчаянно не хотел с ним расставаться. Но приближался День Рождения тёти Тони и День 8 Марта, и Рувиму очень хотелось подарить ей хороший подарок. Поэтому он согласился с предложением Борьки, а на полученные деньги купил тёте Тоне её любимые духи “Красная Москва”.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

После завершения соревнований Рувим получил возможность немного расслабиться и уделить должное внимание своему второму увлечению - фотографии. Конечно, он не прерывал полностью занятий фотоделом. Наоборот, он фотографировал, где только мог. Но занятий кружка он не посещал уже больше месяца и ожидал хорошей взбучки от руководителя кружка Сергея Павловича. Несмотря на то, что спокойный, интеллигентный Сергей Павлович внешне ничем не напоминал могучего Ивана Николаевича, в отношении к своей профессии они были похожи, как близнецы-братья. Сергей Павлович был профессионалом высокого класса, фотографом - художником, создававшим настоящие фото-шедевры. Уделяя он больше внимания коммерческой стороне своей деятельности, он смог бы стать богатым человеком. Но к крайнему негодованию своей жены и друзей - коллег он посвятил свою жизнь обучению детей. Может быть и по этой причине он очень болезненно относился к любому проявлению нерадивости со стороны своих учеников. Поэтому вынужденный прогул Рувима был воспринят им как настоящее предательство. Он несколько смягчился, когда узнал, что все эти дни Рувим не терял время даром, а отснял много интересных сюжетов, и согласился их посмотреть. Вздохнув с облегчением, Рувим вместе с Борькой отправились в лабораторию и занялись обработкой отснятых материалов.

Несмотря на то, что лабораторией пользовалось множество разных людей, здесь царил идеальный порядок. Все химические компоненты размещались в разноцветных емкостях, снабжённых хорошо различаемыми надписями. Вся аппаратура и принадлежности находились на определённых, закреплённых за ними

местах. После работы их тщательно приводили в порядок и возвращали на своё место. Повсюду висели и лежали инструкции и памятки по выполнению тех или иных работ. Сергей Павлович внимательно следил за поддержанием порядка и строго наказывал нарушителей. Благодаря такому порядку Борька и Рувим довольно быстро справились с работой и подготовили пробные фотографии наиболее интересных сюжетов.

Сергей Павлович сначала бесстрастно рассматривал снимки, сделанные Рувимом и Борькой во время показательных выступлений в деревне, на соревнованиях по боксу, и галлерее снимков, посвящённых Рексу. Но уже вскоре несколько снимков вызвали его живой интерес. Он внимательно их рассматривал, что-то бормотал себе под нос, а потом заявил, что это - уже то, что нужно. Он посоветовал, как лучше оформить фотографии, и обещал выставить их на выставку.

Среди отмеченных сюжетов были Борькин “Зимний пейзаж”, портрет Рекса и два репортажных снимка Рувима, на которых ему удалось запечатлеть драматические эпизоды спортивной борьбы. На первом снимке зафиксирован завершающий этап соревнований по поднятию тяжестей. В центре кадра - Василий Бируля в момент наивысшего физического и нервного напряжения. Из-под поднятой кверху гири по руке стекает струйка крови, лицо отражает предельную усталость, страдание и решимость продолжать борьбу во что бы то ни стало. Задний план размыт. На его фоне просматриваются ликующие болельщики Бирули с воздетыми кверху руками. На втором снимке запечатлён эпизод боя Рема Гольдмана с новоиспечённым боксёром из команды “Трудовых резервов”. Промахнувшийся после неудачного удара штангист застыл в нелепой позе. Лицо его перекошено от обиды и злости. На лице же его противника застыли недоумение и растерянность. На заднем плане видны хохочущие секунданты штангиста. Оба снимка производили сильное впечатление благодаря динамичности и экспрессивности сюжетов, отражающих чувства людей в кульминационные моменты спортивной борьбы.

Сергей Павлович своё обещание выполнил. Снимки Рувима и Борьки были выставлены в числе других тридцати лучших работ на выставке во Дворце Пионеров. Все работы были высокого уровня. Но наибольшего внимания заслужили два снимка, представленных одноклассником Рувима и Борьки Юркой Красиным. Это были снятые крупным планом сценки из жизни насекомых. На одном из них божья коровка снята в момент, когда она взлетает с верхушки травинки. На втором - два муравья, обменивающиеся информацией, стоя на камушке. На этих снимках всё было оригинальным, и свидетельствовало о прекрасном вкусе и высоком мастерстве оператора. И, конечно, о замечательной аппаратуре, без которой сделать такие снимки было просто невозможно. Борька и Рувим от души поздравили Юрку с успехом.

-Слушай, Юрка, когда ты успел так продвинуться? Ты, вроде, раньше не сильно увлекался фотографией, - спросил Борька.

-Я всегда делаю всё только на высоком уровне! Уж если я занимаюсь искусством, то это - “высокое” искусство. Я не черпаю вдохновение на помойках и в сельских клубах, как некоторые, - отпарировал Юрка и гордо удалился, оставив Борьку и Рувима недоумевать, чем вызвана такая неожиданная реакция.

А через некоторое время, разглядывая на столе у Сергея Павловича журнал “Фотография в СССР”, они обнаружили цикл работ фотохудожника Исаака

Берлина. Среди них они увидели несколько снимков, очень схожих с работами Юрки.

-Ты знаешь, кто этот Берлин? - спросил Борька у Рувима, - Это Юркин сосед по дому!

-Ты думаешь, что он.....?

-Не исключено!

Однако, возникшую догадку проверить им так и не довелось, поскольку последующие события оттеснили всё предшествовавшее на второй план.

Неожиданно серьёзно заболел секретарь комсомольского комитета школы десятиклассник Вадим Васильев. К тому же большая часть членов школьного комитета комсомола оканчивала школу и была занята подготовкой к выпускным экзаменам. Пионервожатая Лена опасалась, что это неизбежно приведёт к снижению активности в комсомольской работе школы. Поэтому она решила произвести довыборы в комитет комсомола, чтобы ввести туда нового энергичного и инициативного человека и подготовить его на пост секретаря комитета. В качестве наиболее подходящей кандидатуры Лена видела Лёньку Лаврентьева. После триумфа на показательных выступлениях в колхозе Лёнька стал “правой рукой” Лены. Он часто выступал с ней на различных слётах, активах, околачивался без конца в “Пионерской” комнате. Все последние месяцы Лёнька был постоянно на виду. Поэтому Лене без труда удалось согласовать в райкоме вопрос о довыборах и кандидатуру Лаврентьева. Однако, в школе, где его знали лучше, возникла серьёзная оппозиция его кандидатуре. Особенно много противников оказалось у него в классе, где он учился. Восьмиклассники хорошо знали Лёньку, и многие не любили его за высокомерие, непорядочность и склонность к интригам. Не забыли и его заигрывания с доморощенными последователями фашистов из компании Роберта Лейманиса. И сейчас эта компания стала на его сторону, так же, как и его старые друзья Юрка Красин и Мартышка. Страсти кипели. Постепенно они выплеснулись за пределы класса и распространились по всей школе. На первых порах подавляющему большинству было совершенно безразлично, проводить ли довыборы вообще и кого выбирать. Особенно равнодушными были десятиклассники, которые покидали школу и все мысли которых были заняты предстоящими выпускными экзаменами. Однако, благодаря активной агитации сторонников и противников Лёньки, вся школа тоже разделилась на два лагеря. Лена и парторг школы, которые “продвигали” Лёньку, прозевали такую активность и не сумели подготовиться к собранию. На собрании было много выступающих, которые нелицеприятно высказывались о Лаврентьеве и вспоминали многочисленные эксцессы, которые были им организованы. Когда покровители Лаврентьева спохватились, было уже поздно. Он был забаллотирован. Растерявшаяся Лена, посоветовавшись с парторгом, объявила результаты голосования недействительными и назначила на следующий день повторное голосование. Уже с раннего утра началась активная подготовка к собранию. В Пионерскую комнату вызывались активисты, которым поручали выступить в поддержку Лаврентьева. Со многими комсомольцами были проведены разъяснительные беседы. Их обязали присутствовать на собрании и настоятельно убеждали поддержать хорошего комсомольца Лаврентьева, против которого ведутся недостойные интриги. К вечеру подготовка была окончена и роли распределены. Выступать должны были только сторонники Лаврентьева. В

результатах повторного голосования не было никаких сомнений. Но тут произошло непредвиденное. Оказывается на собрании инкогнито присутствовал представитель ЦК комсомола Белоруссии, инспектировавший областную комсомольскую организацию. Он с интересом слушал горячие выступления комсомольцев. Ему такая активность очень понравилась, и он был удивлён неожиданной отменой результатов голосования. Из - за какого-то Лаврентьева открыто нарушать существующие нормы показалось ему неразумным. Он обсудил свои выводы в обкоме комсомола и заручился их поддержкой. За несколько минут до начала собрания Лене позвонили из обкома и предложили отменить её решение, дав возможность комсомольцам выбирать по своему усмотрению. Лене пришлось подчиниться, но предупредить подготовленных ораторов она уже не успела. Началось собрание, и они стали зачитывать заготовленные тексты. Лена нервничала, пыталась изменить ход обсуждения, но неинформированные о новой установке выступающие этого не понимали. Кульминация наступила, когда на трибуну вышел Красин. Он заявил, что перед голосованием большая группа комсомольцев покинула собрание, из - за чего на собрании не было необходимого кворума, а следовательно, выборы являются недействительными. Далее он стал настаивать на поддержке Лаврентьева. Неожиданно для Юрки и для всех в зале Лена резко оборвала его и заявила, что результаты голосования действительны и надо выдвинуть новую кандидатуру. Растерянного Красина сменил на трибуне Роберт Лейманис. Он тоже не сориентировался и продолжал настаивать на кандидатуре Лаврентьева. Это окончательно вывело парторга из себя. Он стал кричать, что это - провокация, направленная на срыв собрания. После этого был объявлен перерыв. До остальных выступавших была доведена новая установка и в спешном порядке подобрана новая кандидатура. Это оказался неплохой парень из девятого класса, за которого дружно проголосовало большинство участников собрания.

Прошло несколько дней. Юрка и Роберт ходили чернее тучи. Ведь они невольно стали “козлами отпущения” в чужой игре. Они всё время о чём-то шушукались с Лёнькой, что-то писали и, собираясь вместе, обсуждали написанное. Как-то Рувим, Борька и Илья Лукин задержались в классе, договариваясь о вечерней прогулке с Рексом. Неожиданно Илья увидел под партой, где сидели Юрка с Лёнькой, листок бумаги. Он поднял его и оторопел. Это был черновик доноса, судя по почеркам, написанный Юркой и отредактированный Лёнькой. В нём говорилось, что комсомольцы Красин и Лейманс считают своим комсомольским долгом поставить в известность, что группа лиц еврейской национальности, иностранного происхождения и членов семей врагов народа объединились в желании ошельмовать достойного комсомольца и советского патриота Леонида Лаврентьева. Они развернули клеветническую кампанию, настраивали комсомольцев против курса нашей партии и правительства на дружбу с великой Германией, пытались сорвать собрание. К сожалению, у них на поводу пошёл представитель ЦК комсомола Республики, который их фактически поддержал. Далее следовал список “заговорщиков” и заверения в преданности авторов делу партии. Записка была адресована первому секретарю райкома комсомола.

Закончив читать, Илья в недоумении покрутил записку в руках и уставился на товарищей.

-Вот, суки! Им надо морду побить! - выпалил Борька. - Надо, чтобы все узнали, какие это суки!

-Им только и надо, чтобы мы затеяли драку, - возразил Рувим.

-Мне кажется, что надо посоветоваться с кем-нибудь из взрослых. Дело слишком серьёзное, - добавил Илья

На том и порешили. Подходя к Борькиному дому, ребята увидели подъезжающую машину. Это Борькин отец приехал на обед. Выслушав сбивчивый рассказ ребят, Басов - старший нахмурился и попросил рассказать о происшествии, не торопясь, и, как можно подробнее. Несколько раз перечитав записку, он наконец хмыкнул и произнёс:

-Молодые, да ранние! И неумелые. Сразу видно, сами писали, сгоряча, со взрослыми не советовались. Ошибок наделали. С немцами перегнули. Сегодня апрель, а не январь. Акценты меняются. И потом, разве можно жаловаться чиновнику на его начальство? Как там зовут инструктора из ЦК? Так и запишем.

-А нам что делать, папа? - спросил Борька.

-Ничего! Всё, что могли, вы уже сделали и даже чуть больше! А главное, не болтать! Чтобы никому ничего не говорили! Понятно?

-Понятно! - Ответили ребята.

Для Рувима, Борьки и Ильи дни потекли в томительном ожидании неприятностей. Однако, время шло, но ничего не происходило. В школе всё было, как обычно. Их недруги сначала старались избегать всяческих контактов с ними, но потом всё вошло в обычную колею. Показалось, что они стали даже заискивать. Наконец, перед самыми майскими праздниками Борькин отец сообщил, что всё улажено, и больше не надо волноваться. А главное, надо ни во что не вмешиваться и трижды подумать, прежде чем что-нибудь сказать или сделать.

ПРЕКРАСНАЯ ЛОРЕЛЕЯ

Незадолго до Первомайских праздников историк Николай Иванович на занятиях исторического кружка предложил совершить двухдневную экскурсию по Днепру на лодках. Он договорился с капитаном брандвахты, которая везёт грузы в Оршу, что тот отбуксирует их лодки вверх по течению до Шклова. Там они задержатся на несколько часов, осмотрят город, а потом поплывут на лодках вниз по течению. Заночуют у приятеля Николая Ивановича, преподавателя сельской школы. Рувим и Илья встретили это предложение с энтузиазмом. Сформировалась группа из десяти человек. Запаслись продуктами, заготовили вёдра, чтобы готовить обед на костре, ложки, алюминиевые миски и кружки. Рано утром 30 апреля всё это добро погрузили в три лодки, которые были привязаны к брандвахте, а сами разместились на её палубе.

Судно медленно поднималось вверх по течению Днепра. Солнце уже поднялось, туман рассеялся, стало тепло и приятно. Большая часть группы собралась вокруг Николая Ивановича и с интересом слушала его рассказ о Могилёвщине. Рувим с Ильёй сидели на палубе, свесив ноги за борт, подставляя лицо ласковому солнцу, наблюдали за проплывающими мимо живописными берегами и в пол-уха слушали рассказываемую учителем легенду о Машеке.

Один из берегов, более высокий, зарос лесом и кустарником. Лишь изредка появлялись открытые места, на которых бродили стада коров. Противоположный, низкий берег представлял более интересное зрелище. На нём были разбросаны огороды, заливные луга, зеленели озимые, там и сям возникали деревни. Был самый разгар весенних полевых работ, на полях суетились люди. Повсеместно можно было видеть характерные сцены, когда женщина вела под узцы лошадь, за которой шёл мужчина с плугом, оставляя после себя борозду, в которую дети и женщины закладывали клубни сажаемой картошки. Кое-где крестьяне орудовали лопатами. Видны были дымы костров, в которых сжигался мусор, накопившийся за зиму или оставшийся с осени. Были и совсем уже идиллические пасторальные сцены. Так, в одном месте несколько отбившихся от стада коров пили из речки воду, а паренёк - пастух с сумкой через плечо хворостиной и с помощью собаки пытался вернуть их в общий строй. В другом месте босоногая девочка дразнила привязанную к колышку козу, а та сердито атаковала её, стараясь поддеть рогами. Девочка с хохотом уворачивалась и успевала огреть её веткой. Неподалёку лошадь с завязанными передними ногами пыталась прыжками перебраться на другое место, энергично отбиваясь хвостом от облепивших её мух. Рувим сидел, наслаждаясь этими картинками, звуками журчащей за бортом воды и тёплым ветерком, как вдруг получил удар в бок локтём. Он с удивлением уставился на Илью.

-Что случилось?

-Рувим, посмотри туда! Да это же - Прекрасная Лорелея! Откуда она здесь взялась? Рувим перевёл взгляд на корму брандвахты. Там на канатной бухте сидела девушка лет 15 - 16. На ней было тёмно-зелёное платье, облегавшее стройную фигуру. Девушка чуть-чуть подтянула кверху юбку, выставив на солнце красивые ножки. У неё было удлинённое лицо с нежной белой кожей и прямым носом, и волосы какого-то необычайного золотого цвета. Она собрала их в одну толстую косу. Чувствовалось, что их хозяйка изрядно потрудились, чтобы сделать строгую гладкую причёску, но упрямые волосы всё равно выбились на свободу и живописной прядью нависали над лбом. Девушка задумчиво вглядывалась в бежавшую за кормой струю воды.

-Мона Лиза! - продолжал восхищаться Илья, - Ты посмотри, какое у неё холёное лицо, какой цвет волос! Создаётся впечатление, что от них струится свет!

-Да, что ты выдумываешь? Девушка, как девушка. Обычная рыжая девчонка. Таких кругом полно.

-Много ты понимаешь! И не рыжая она, вовсе. Как бы с ней познакомиться?

-Как нечего делать! Пойдём, познакомлю! - сказал Рувим, вставая с палубы и отряхивая брюки.

Решительным шагом Рувим подошёл к девушке. Илья плёлся за ним. Девушка подняла на них свои зелёные глаза и приветливо улыбнулась. Рувим в душе должен был признать, что девушка, действительно, очень мила. С места в карьер, представившись, Рувим сказал, что они с другом Ильёй едут на экскурсию в Шклов, а оттуда на лодках вернутся в Могилёв. Девушка ответила, что она тоже едет на экскурсию в Шклов и вместе с ними будет возвращаться на лодках. В ответ на немой вопрос она, смеясь, добавила, что она - племянница Николая Ивановича, и он часто берёт её с собой в поездки по родному краю. Николай Иванович ей много рассказывал про своих учеников. Про Рувима и Илью тоже. Она же учится в восьмом классе соседней с ними школы и зовут её Лорой. Увидев изумление на лице Рувима и Илья, Лора в недоумении спросила:

-Вам чем-то не нравится моё имя?

Илья залился густой краской, а Рувим смущённо пролепетал:

-А Илья думал, что вас зовут Лорелея.

-Ого, оказывается, Илья увлекается стихами Генриха Гейне!

Имя поэта прозвучало для Ильи как пароль. Его смущение, как рукой сняло. Очень быстро выяснилось, что у него с Лорой одинаковые вкусы и одинаковые взгляды на многие события. Они так увлеклись разговором, что не заметили, как Рувим потихоньку отошёл от них и присоединился к остальным ребятам, слушающим рассказы Николая Ивановича. А он в это время говорил о Шклове, куда они сейчас направлялись. Этот небольшой белорусский городок давно вошёл в историю Страны. По мнению историков он был родиной Гришки Отрепьева - самозванца Лжедмитрия Первого. Однако, у Николая Ивановича были глубокие сомнения в том, что Гришка Отрепьев и Лжедмитрий Первый - одно и то же лицо. Он много работал над архивными и другими историческими материалами, сопоставлял, анализировал содержащиеся там факты и пришёл к выводу, что Отрепьев ни по возрасту, ни по степени образованности и манерам поведения никак не мог быть Лжедмитрием. Да и к Шклову он тоже вряд ли имел отношение. А вот Тушинский Вор - Лжедмитрий Второй в значительно большей степени мог быть выходцем из Шклова, что, к сожалению, чести городу не делает.

Ребята обрушили на рассказчика град вопросов, на многие из которых он так и не успел ответить, так как незаметно за разговорами они добрались до цели назначения. Оставив брандвахту и пришвартовав лодки с вещами к берегу, группа отправилась на экскурсию по городу. Илья и Лора уже бывали в Шклове. Они вызвались охранять лодки. Илья шепнул Рувиму, что в городе нечего смотреть, и он решил составить им компанию. Они сдвинули лодки и, сидя в них, болтали на разные темы. Лора попросила Рувима рассказать о его жизни в Лодзи. У Рувима защемило сердце, и он даже изменился в лице. Увидев это, Лора деликатно перевела разговор на другую тему. Она рассказала, что родители возили её на экскурсию в Москву. Наибольшее впечатление на неё произвели Красная площадь и метро. А в музее имени Пушкина на Волхонке ей очень понравилась скульптура Давида работы Микельанджело. Её поразило, что в мраморе выполнена каждая веночка на руках, даже уродливый ноготь на ноге. Илья компетентно добавил, что в музее выставлена гипсовая копия скульптуры, а оригинал находится в Италии, кажется во Флоренции. В это время вернулись экскурсанты и заявили, что умирают от голода. Однако, Николай Иванович предложил не терять зря время, чтобы засветло добраться до ночлега. Поэтому, наскоро перекусив, ребята погрузились в лодки и отплыли вниз по течению. Рувим и Илья плыли в одной лодке с Лорой и Николаем Ивановичем. Он управлял лодкой с помощью кормового весла, Рувим с Ильёй сидели на вёслах, а Лора забралась на переднюю банку и весело подбадривала оттуда гребцов.

Плыть по течению было легко и приятно. Сначала ребята устроили гонки, стараясь при этом окатить конкурентов водой. Потом, изрядно приустав, построили лодки в кильватерную колонну и запели. Пели про Стеньку Разина, про замерзающего в степи ямщика, про привередливую девицу, которая никак не могла выбрать себе жениха. Грести в такт песне было легче, и не нужно было ни о чём думать - гребите себе потихоньку и подпевайте. Так незаметно, с песнями добрались до большого села Петришки, раскинувшегося на высоком берегу Днепра. На окраине села, возле самого леса стоял дом Егора Семёновича, приятеля Николая Васильевича, который работал директором местной школы. Он уже издали увидел приближающиеся лодки и встречал ребят на берегу. Приятели обнялись. Ребята вытащили лодки на берег. Егор Семёнович заверил их,

что лодки никто здесь не тронет, и можно спокойно оставить их на ночь. Поднялись по крутому косогору и оказались у дома Егора Семёновича. Он стоял на опушке леса и оттуда раскинулся великолепный вид на медленно текущий Днепр и плоский противоположный берег, на котором вдали было видно ещё одно село и приближающееся к нему стадо коров.

Погода была хорошей, и хозяева вынесли столы во двор. Пока гости мылись и приводили себя в порядок хозяйка и её дочь ловко накрыли столы домотканными скатертями, расставили посуду и поставили миски с дымящимся картофелем, солёными огурцами и горячими шкварками, а также кувшины с кислым молоком. Многочисленная хозяйская семья и ещё более многочисленные гости дружно сели за стол и набросились на еду. Ребята изрядно проголодались, да и нехитрое угощение было удивительно аппетитным и вкусным. Рувим со всеми вместе макал рассыпчатую картошку в растопленное сало, заедал хрустящими огурчиками и чёрным ароматным крестьянским хлебом, и испытывал настоящее наслаждение. Довершилось пиршество несколькими кружками терпкой с комочками простокваши.

После ужина все собрались на поляне у опушки леса и разожгли костёр. Сыновья Егора Семёновича заготовили заранее много сухих веток, поэтому нехватки топлива не было. Рувим помогал им подкладывать ветки в костёр и с восхищением наблюдал, как огонь с треском охватывает смолистые лапки сосны, кверху взлетают искры, а пламя костра на мгновение ярко вспыхивает, освещая ярким светом лица сидящих у костра ребят и маленькие ёлочки на краю поляны. Младший сын хозяев дома прижёт на костре кончик палки и принялся размахивать ею в воздухе. Светящийся кончик палки описывал в темноте замысловатые фигуры. К ребятам подошли Егор Семёнович и Николай Иванович и тоже подсели к костру. Глядя вдаль на противоположный берег Днепра, где мерцали редкие огоньки, Егор Семёнович произнёс, что вечно по этой многострадальной земле прокатывались волны иноземных нашествий, и не известно, что всех ждёт в ближайшее время.

-Да, это верно. Но были у неё и неплохие времена, - продолжил разговор Николай Иванович.

Он пояснил, что земли Западной и Юго-Западной Руси, к которым относилась и Могилёвщина, входили в состав Великого Княжества Литовского. Русские князья пользовались в нём высокой степенью самостоятельности. В пятнадцатом веке при князьях Витовте и Казимире Четвёртом, когда страна достигла наивысшего расцвета, девяносто процентов её территории принадлежало русским княжествам, население которых пользовалось неслыханной свободой, включая свободу религиозную. Это был “Золотой век” для этого края. Удавалось успешно отражать нападения Ордена и Золотой Орды. Русский язык был государственным языком Княжества. Увы, в дальнейшем всё изменилось. В семнадцатом веке начался процесс насильственного навязывания католицизма и ополячивания подданных Княжества, вошедшего в состав Речи Посполитой. Это вызвало сопротивление у значительной части населения и отток ряда русских княжеств, в том числе Смоленского, Брянского и Черниговского. А на оставшихся территориях в результате этой борьбы произошло формирование Белорусской и Украинской наций.

-Вот таким образом белорусы сформировались полностью в рамках Великого Княжества Литовского, а наши соседи из Смоленска и Брянска отошли в Московию и стали русскими, - подвёл итоги Николай Иванович.

-Ладно, Коля! Давай не будем морочить ребятам голову в такой вечер. Кто знает, когда им удастся ещё так посидеть на природе? Да и нам не мешает спокойно потолковать! - позвал его Егор Семёнович.

После ухода взрослых ребята почувствовали себя более свободными и принялись играть в различные игры, петь, прыгать через костёр. Утомонились далеко за полночь. Спали все вместе на сеновале. Утром пришлось всех долго поднимать. Сонные, не выспавшиеся, выбирались ребята на улицу, ёжась от прохладного воздуха, и, нехотя, помылись водой из колодца. Потом, позавтракав и попрощавшись с гостеприимными хозяевами, и заручившись их обещанием приехать в Могилёв, двинулись дальше.

Вскоре солнце стало припекать, и настроение улучшилось. Был праздничный день 1 Мая. Все двигавшиеся по реке суда были украшены флажками и транспарантами, и ребята их приветствовали громкими криками. Пассажиры и члены команды судов кричали им в ответ и махали руками. Ребята запели песни, преимущественно патриотические и бодрые. На каждой из лодок пелась своя песня. Все хотели перепеть и перекричать соседей. И всё это кончалось смехом и весёлыми криками. Настроение было поистине праздничным. В середине дня обнаружили уютное местечко возле устья чистого безымянного ручья, набрали хвороста, разожгли костёр. В одном ведре сварили гречневую кашу с мясными консервами, во втором заварили чай. Дежурной по кухне была по собственному желанию Лора. Ей помогал Илья. Каша была с дымком, но вкуснее её Рувиму, как ему казалось, есть не приходилось. Такого же мнения были и остальные едоки. Зато потом долго спорили, кто будет мыть вёдра и остальную посуду. Разыграли на пальцах, и два неудачника старательно тёрли вёдра песком и травой, чтобы очистить их от жира и сажи. Уставшие и довольные, путешественники добрались к вечеру до Могилёва, отбуксировали лодки на стоянку и разошлись по домам, взяв с Николая Ивановича обещание организовать летом новую большую поездку на лодках. Лора и Илья договорились о дальнейших встречах.

Теперь у Рувима к его многочисленным заботам добавилась ещё одна. Илья упорно тащил его с собой на свидания.

-Ну, зачем я вам там нужен? - вопрошал Рувим.

-Понимаешь, я не знаю, как себя вести, о чём говорить. Ну, будь другом, выручи меня хоть на какое-то время. Попозже я от тебя отстану.

Рувим сдавался и, проклиная всё на свете, сопровождал парочку в их прогулках по городу. Так как денег ни у кого из них не было, они не могли пригласить Лору ни в кино, ни на танцы. Оставалось гулять в каких-нибудь романтических местах. В качестве таковых Илья выбирал скверы, набережную Днепра и закоулки, примыкающие к реке Дубровенке. Очень скоро Рувим убедился, что Илью и в самом деле не стоит отпускать одного. Его почему-то тянуло в такие места, где они нарывались либо на хулиганов, либо на милицию. Однажды, когда они мирно сидели на стволе ивы, нависшей над рекой, группа подростков закидала их камнями. Им с трудом удалось от них отбиться. В другой раз в каком-то переулке на них напали собаки, и теперь уже Рувим, прикрывая отступление, отгонял их камнями и палками. А как-то раз они катались на качелях во дворе одного из новых домов. Стал накрапывать дождик, и они спрятались в детском домике, изображавшем "избушку на курьих ножках". Илья с Рувимом сидели на одной скамеечке, а Лора - на противоположной. Неожиданно в дверях возникла фигура огромного милиционера.

-Что вы делаете в детском учреждении? - грозно спросил он.

-Целуемся! - неожиданно выпалил Илья.

Этот ответ крайне возмутил стража порядка. Он сгрёб Илью за шиворот и, как котёнка, вытащил его на улицу. Здесь он потребовал предъявить документы. Свет упал на лицо милиционера, и Рувим узнал его. Он встречал его в спортивном зале, наблюдая за тренировками Ивана Николаевича. Там же тренировались и борцы, среди которых выделялся своим ростом и силой этот милиционер. Елейным голосом Рувим стал объяснять разгневанному блюстителю порядка, что они ничего не нарушали, а только прятались от дождя. Тому понравилось такое смирение, и он сменил гнев на милость. После длительной отповеди он отпустил их на все четыре стороны.

Прошло несколько недель таких приключений. Изломав все окрестные кусты сирени, а затем и жасмина, Илья заявил, что надо где-то добывать деньги. У Лоры приближается день рождения, и на гастроли приехал минский драматический театр имени Янки Купалы. Он даёт два спектакля - "Павлинку" Купалы и "Хто смяецца апошнім" Кондрата Крапивы. Лора уже сказала, что неплохо было бы сходить на оба спектакля. Посоветовались с Борькой, а он - со своим отцом. Тот устроил ребят на подработку на подведомственный ему холодильник. Целую неделю ребята ходили вечерами на работу и до поздней ночи разгружали вагоны, таскали мешки с камбалой, ящики с консервами, коробки с маслом. Приходили домой потные, грязные и измученные. Однажды на них опрокинулась бочка с селёдкой, облившая их рассолом с ног до головы. Потом пришлось пол-ночи отмываться, чтобы не испачкать постель. Однако, заплатили им неплохо. Денег хватило не только на подарок и на билеты в театр, но и на угощение в театральном буфете. Долго выбирали подарок. По совету опытного Борьки приобрели семь слоников, которые должны были обеспечить Лоре счастье на всю оставшуюся жизнь. Подарок ей очень понравился. Она сказала ребятам, что поставила слоников на самое видное место в комнате. Утром, когда она просыпается, она сразу видит слоников, залитых розовыми лучами солнца, падающими на них из окна. И ей кажется, что они её приветствуют, кивая головами, и желают доброго утра. Практичный Рувим подумал, что Лора и Илья удивительно похожи друг на друга. Оба - неисправимые фантазёры и романтики. Одним словом - два сапога - пара.

Спектакли Минского театра всем тоже очень понравились. Актёры играли великолепно. Во время антрактов, отстояв в неизбежных очередях, лакомились лимонадом и пирожными. Одним словом, получили удовольствие по полной программе. Возвращаясь домой, потешались над паном Быковским и Зёлкиным.

На уроке белорусского языка не удержались и похвалились, что побывали в театре. Каляска тут же пожелала, чтобы они по очереди рассказали подробности о каждом из спектаклей. Естественно, на белорусском языке. Все слушали с явным интересом. Каляска осталась довольной и оценила их рассказы высокими отметками, что для обоих было очень кстати. Илье это улучшило четвертную оценку, а отметка Рувима была принята во внимание педсоветом школы, который принял решение во второй и последний раз освободить его от экзаменов с аттестацией по итогам учебного года. Благодаря этому, Рувим избавился от тяжёлых обязанностей готовиться к экзаменам и получил возможность уехать на дачу вместе с семьёй Вени, к которой должны были присоединиться Лиля с Валериком. Лиля получила направление на практику в Печерскую больницу, и решила "подбросить" сына своей сестре, которая сняла на лето дачу в деревне неподалёку от Могилёва. И хоть Хена Марковна брала с собой няньку для Лёши, справиться с тремя детьми им было бы не так-то легко. Поэтому, с общего согласия им в

помощь и направлялся Рувим, который мог бы и за старшими детьми присмотреть, и по хозяйству помочь. Рувим сильно не возражал. Он только хотел взять с собой Рекса, но его убедили, что там его могут порвать деревенские собаки. Пришлось щенка оставить на попечение Тони и Лёвы.

ДАЧА

Подготовка к отъезду началась с раннего утра. Вся квартира была заставлена многочисленными сумками, чемоданами и узлами с постельными принадлежностями, вещами, посудой, кастрюлями и игрушками. Возле них сутились женщины, многократно проверяя, сортируя, меняя и перевязывая вещи. Всё это сопровождалось эмоциональными возгласами, спорами, смехом.. Алла крутилась среди взрослых, выясняя, взяли ли её любимую куклу, скакалку, краски, мячи. Рувим возился с Лёшей, который, держась за его палец, пробирался между тюками и сумками. Наконец приехал Веня с машинами. Женщин с детьми посадили в легковую машину, а дядя Веня и Рувим, быстро загрузив вещи в грузовик, поехали за ними. Рувим сидел среди тюков в кузове машины. Тёплый тугой ветер дул ему в спину и затылок, но было приятно и не холодно. Рувим периодически вставал и подставлял воздушному потоку лицо. Дорога была не из лучших, машину трясло и подбрасывало на ухабах, но она ехала не слишком быстро, и Рувим имел возможность разглядывать окрестности и сопоставлять свои впечатления с тем, что он видел в Польше. Наконец, машина, проехав молодой ельник, остановилась на окраине села возле большого бревенчатого дома, который был арендован на лето у местной крестьянки. Она на это время перебралась жить к дочери в соседний дом.

Быстро выгрузив вещи, Веня вернулся с машинами в город. Женщины принялись обустраиваться на новом месте, а Рувим с детьми отправился осматривать село. Как и многие деревни Белоруссии, оно было вытянуто вдоль просёлочной дороги. Возле каждого дома были расположены хозяйственные постройки и огороды. Около домов копошились куры под присмотром петухов, важно поглядывающих по сторонам. На дороге лежали лепёшки, оставленные коровами. Возле них сутились воробьи. Кое-где играли дети. Они с любопытством разглядывали проходивших мимо них горожан. Особое внимание их привлекала нарядно одетая Алла. Деревенские девочки, поглядывая на неё, шушукались и посмеивались, скрывая зависть. Маленький Лёша встречал каждое новое для него животное с восторгом. Правда, пасущаяся на поляне лошадь со связанными ногами его сначала напугала, зато два козлёнка, которые щипали молодые листочки на краю поляны, ему так понравились, что он не хотел никуда от них уходить. Позже, по указанию женщин Рувим таскал туда - сюда вещи и переставлял мебель. После ужина окончательно умаявшегося Рувима отпустили спать в отведенную ему каморку, обклеенную плакатами времён коллективизации. Несмотря на позднее время, за окном было ещё довольно светло. На окне противно жужжала большая муха, а на стене громко тикали ходики. Всё это раздражало Рувима и не давало ему заснуть. В голову лезли тягостные мысли. Опять и опять он думал о своей семье и корил себя за то, что так и не узнал о её судьбе. Только под утро он забылся тяжёлым сном.

А вскоре приехала Лиля с Валериком, и у Рувима работы прибавилось. Шустрый мальчик всё время норовил куда-нибудь убежать, и приходилось быть всё время начеку. Выручало удобное расположение дачи.

Место, выбранное для отдыха, оказалось действительно удачным. Прямо к дому примыкала большая поляна, окружённая молодыми ёлочками. Дальше шёл редкий ельник, за которым было небольшое озерцо с чистой водой, пригодное для купания. Неподалёку проходила железная дорога, и Лиля вечерами после работы в клинике могла приезжать на дачу на пригородном поезде. В соседнем доме снимала дачу ещё одна семья из Могилёва. Девятилетний Марик и пятилетний Алик Прускины жили на даче с няней Верой Фёдоровной, а занятые на работе родители навещали их только по выходным. Марик и Алик постоянно играли с Аллой, Валериком и Лёшей, что давало возможность Рувиму несколько расслабиться и почитать книжку, только поглядывая, чтобы дети никуда не забрались.

Серьёзную головную боль доставлял Рувиму местный мальчишка по имени Руслан. Небольшого роста, крикливый, с бегающими глазами, этот тринадцатилетний мальчишка всё время крутился возле играющих городских детей. После этого они не досчитывались тех или иных игрушек. В деревне Руслана не любили. Он появился на свет после кратковременного, но бурного романа его матери, выезжавшей на заработки в Могилёв, с каким-то местным сердцеедом. Воспитывался Руслан у деда с бабкой, которые любви в деревне тоже не снискали. Они постоянно конфликтовали с соседями и даже дрались из-за спорной полоски земли шириной 25 сантиметров. Эта вражда перешла по наследству к следующему поколению. Соседские дети дразнили Руслана, обзывали “байструком”. Он их в свою очередь люто ненавидел и устраивал им всевозможные пакости. Передвигаясь по деревне, он шёл обязательно напрямик через чужие участки, перелезая через заборы и плетни, вытаптывая грядки и сбивая ногами плоды. Он обрывал чужие невызревшие ягоды и фрукты, и обстреливал ими подвернувшихся соседских мальчишек. Его неоднократно ловили и били. Но после того, как он подрос, он тоже не оставался в долгу и мстил обидчикам самыми изощрёнными способами-от битья окон до поджогов. А однажды он бросил в колодец обидчику его убитую кошку. Постепенно в деревне решили, что с Русланом лучше не связываться. Так и рос он, как волчонок, озлоблённый, ненавидящий весь мир. Вера Фёдоровна, нянька Прускиных, его очень жалела, считала бедной сироткой и всегда подкармливала. Она убедила в своей точке зрения Хену Марковну. Та тоже относилась к Руслану весьма благосклонно. Их позицию не могли поколебать и различные инциденты, в которых был замешан Руслан. Они всегда находили объяснение и смягчающие обстоятельства даже для самых неблагоприятных его поступков. Как-то соседка рассказала, что её муж застал Руслана в своём огороде, когда он таскал раннюю редиску. При этом он потоптал много и других грядок.

-Что ты здесь делаешь? - закричал оторопевший хозяин.

-Это не я! - хладнокровно парировал Руслан и, не торопясь, потрусил прочь. Он прекрасно знал, что жаловаться деду не будут, так как дед на жалобы всё равно не реагирует, а бить ребёнка вряд ли кто-нибудь решится. Как всегда, Хена и Вера Фёдоровна отреагировали одинаково:

-Ну что тут такого? Голодный ребёнок! Не обеднеют хозяева.

Руслан повадился ходить на железную дорогу и швырять камни в проходящие мимо поезда. Один из таких бросков попал в цель. Камень разбил ярко освещённое окно в коридоре пассажирского поезда. К счастью, тогда никто не пострадал. Никто из жителей деревни на эти шалости не отреагировал. В следующий раз камень пробил голову высунувшегося из окна машиниста. Того с серьёзной травмой доставили в больницу. Прогнорировать этот случай было уже невозможно. И милиция основательно взялась за

розыск преступника. Однако, никто в деоевне Руслана почему-то не выдал, и он отделался лёгким испугом. Правда, бросать камни на железной дороге он временно прекратил. Рувим узнал о происшествиях от Марика, которому с гордостью рассказал о них сам Руслан. После этого Рувим окончательно перестал подпускать Руслана к детям.

А время шло. Всё было в порядке. Рувим бывал с детьми целыми днями на воздухе. Они загорели, отдохнули. Однажды он повёл Лёшику с Валериком на ужин, оставив Аллочку и Марика играть на поляне. Через несколько минут он вернулся на поляну, но оставленных детей там не увидел. Нисколько не волнуясь, он, не торопясь, пересёк поляну. Вдруг он услышал отчаянный крик Аллы и увидел бегущего ему навстречу Марика, махающего в панике руками.

-Там, там! - кричал Марик и показывал в сторону ельника.

Рувим помчался в указанном направлении и вскоре увидел Руслана, который гнался за Аллочкой. Догнав, он сбил её с ног и потащил по земле к ближайшим кустам. Она кричала, вырывалась, что позволило Рувиму выиграть время. Он успел вовремя. Получив несколько ударов кулаком и ногой, Руслан бросил свою жертву и спасся бегством. Рувим его не преследовал. Алла, испуганная и заплаканная, расцарапанная, в разорванном платье, была благополучно доставлена домой. Хенна Марковна и Вера Фёдоровна разводили в недоумении руками, не понимая, как можно так отплатить за добро чёрной неблагодарностью.

Утром следующего дня встречали дорогих гостей. Приехали тётя Тоня, Лёва с Веней, а также Лиля с мужем. Самуил проездом в Минск из Москвы, где он был в служебной командировке, решил заехать в Могилёв, чтобы повидать жену и сына. Дети тут же окружили его и принялись тормозить, выясняя, что он им привёз. Подарки из Москвы пришлись всем по вкусу. Валерик получил саблю в ножнах с красивым эфесом, Аллочка - шикарную куклу, которая закрывала глаза и говорила "мама", когда её опрокидывали на спину. Лёше вручили плюшевого мишку. Рувиму достался большой фотоальбом с тиснённым переплётом. Довольные малыши побежали к Прускиным хвастаться подарками. Тем тоже было, что показать. Ведь накануне приехали их родители, которые тоже не обошли своих детей вниманием.

Хена рассказала гостям о происшествии с Аллочкой. Веня загорелся жадной мщения. Он заявил, что немедленно пойдёт и побьёт Руслану морду.

-Ты пойдёшь бить ребёнка? Нет, это не годится, - вмешался Самуил, - Надо действовать по закону, особенно тебе. Эту миссию я беру на себя. Рувим, отведи меня домой к этому мерзавцу.

Они застали Руслана во дворе его дома. Он помогал деду ремонтировать черенок лопаты. Увидев Рувима с незнакомым мужчиной, Руслан весь сжался и стал похож на затравленного злобного зверька. Самуил представился и сказал, обращаясь к деду:

-Вы и ваша семья уже давно отравляете жизнь всей деревне. Думаю, что ваши соседи будут рады, если вас отправят в места отдалённые. Я хирург и советник Белорусского правительства авторитетно вам заявляю, что если не прекратятся ваши художества, у вас будут крупные неприятности. А тебе, шкодливый щенок, я обещаю, что, если ты ещё раз подойдёшь к нашим детям, я тебя кастрирую, как поганого кота.

Оставив растерянных, испуганных Руслана и его деда, Самуил и Рувим вернулись домой, где кратко проинформировали остальных о проведенном разговоре. Теперь взрослые получили возможность спокойно поговорить и на другие темы.

-Ну что слышно, Самуил? Как твоя докторская диссертация? - спросил Веня, усаживаясь верхом на табуретку, вынесенную на улицу.

-Отдал оппонентам на рассмотрение. Но боюсь, что защититься не успею. Москва готовится к войне. Сталин возглавил правительство СССР. Происходит массированная переброска войск. На запад идут эшелоны. В кулуарах все говорят о войне, хотя официально это отрицается. Мне показывали передвижной эвакогоспиталь, развёрнутый в поезде. Слишком много тревожных признаков.

-Так что же теперь делать?

-А что мы можем делать? Только ждать и надеяться, что обойдётся. Я на всякий случай записал на "говорящее пиьмо" поздравление Валерику с Днём Рождения. Не очень уверен, что сумею его поздравить лично.

-Так у него день рождения через три недели. Ты думаешь, что всё начнётся так скоро?

-Кто его знает? Как говорится, лучше перестраховаться. Может быть, мы здесь найдём патефон? Можно было бы послушать, пока детей нет.

-Рувим, сбегай к Прускиным. Я помню, у них был патефон, - попросил Веня. Рувим принёс патефон и поставил на стол. Все собрались вокруг, с благоговением разглядывая маленькую прозрачную целлулоидную пластинку. Самуил сначала поставил обычную пластинку с записью песен Утёсова. Проиграв её дважды и затупив тем самым иглоку, приступили к прослушиванию "говорящего письма". Зазвучал голос Самуила:

-Дорогой Валюсик! Горячо поздравляю тебя с Днём твоего Рождения и желаю быть смелым, мужественным, а главное всегда честным! Хорошо помни, что знания даются упорным трудом. Будь храбрым, как твой тёзка - Великий лётчик нашей страны Валерий Чкалов и, как он, люби свою Родину. Когда ты вырастешь, я надеюсь увидеть тебя именно таким. Крепко, крепко целую тебя и мамочку. Любящий вас папа.

В затянувшейся тишине раздался голос Вени:

-Да, тут целое завещание. Неужто всё так серьёзно, Самуил?

-Серьёзней некуда!

Неожиданно со стороны соседей, где жили Прускины, раздался громкий шум. Мужчины бросились туда. Рувим успел прибежать первым. Оказывается, Алик Прускин повёл Валерику знакомиться с хозяйским псом Зюзей. Обычно Зюзя мирно лежал возле своей будки, позволяя детям гладить и тормошить себя, сколько угодно. На этот раз дети подошли в тот момент, когда хозяйка принесла ему еду, и он, урча, с хрустом грыз аппетитные косточки. Алик попытался обнять пса, а тот воспринял это как покушение на его обед. Вынести такое кощунство Зюзя не смог. Он опрокинул Алика на землю, раздрав лапой ему щеку. Испуганный Алик закричал от боли и страха. Прибежавший на его крик отец схватил его на руки и топтался на месте, не зная, что делать дальше. В это время подошёл Самуил. Он властным голосом успокоил окружающих и плачущего Алика, и в течение нескольких минут промыл повреждённую щеку перекисью, замазал зелёной и сделал наклейку. Развеселившийся ребёнок уже вскоре бегал с товарищами, как ни в чём не бывало.

Решительные чёткие действия отца произвели на Валерику сильное впечатление и переполнили его чувством гордости. Он ухватился за его руку и уже не расставался с ним до позднего вечера. Они фехтовали новой саблей, стреляли из лука, который Самуил сделал ему из ореховой ветки, гуляли по лесу. Потом Валерик стал упрашивать отца сходить с ним на рыбалку.

-В следующий раз. Сегодня уже поздно. Завтра Рувим с тобой сходит. Правда, Рувим? Видишь, Рувим обещает. А мне нужно уже скоро уезжать.

-А когда ты опять приедешь?

-У меня с первого июля отпуск. У мамы, как раз, оканчивается практика, и мы вместе поедem в Анапу.

Рано утром Самуил уехал в Минск, работающие члены семьи вернулись к своим делам, и жизнь на даче пошла своим чередом.

Однако, уже через несколько дней на дачу опять нагрянули гости. На этот раз это были соученики Лили, которые вместе с ней проходили практику в Печерской больнице. Три девушки и парень появились в сопровождении Лили, и сразу всё вокруг огласилось громкими разговорами и смехом. Лиля объявила, что они решили отметить успешную и досрочную сдачу зачёта. Из многочисленных сумок были извлечены несколько бутылок вина, сидро, бутылка водки, кастрюля с заранее нарезанным сырым мясом, предназначенным для шашлыков, самодельные металлические шумпурь, банка с маринадом, солёные огурчики и много другой снеди.

Парень сразу понравился Рувиму. Он был очень высокого роста с тёмными вьющимися волосами и голубыми глазами. Ему и сопровождающим его девушкам было по 21-22 года. Во время разговора у парня во рту сверкал золотой зуб. А говорил он непрестанно, сыпал шутками и прибаутками на русском, белорусском и еврейском языках. Рувим сразу догадался, что это и есть знаменитый Гришка Фридлянд, хохмач и сердцеед, о выходках которого столько рассказывала Лиля.

-Слушай, старик! - обратился Гришка к Рувиму, - Нужно организовать костёр для шашлыков. Добудь дровишек и несколько кирпичей.

-Дрова я сейчас принесу, а вот с кирпичами здесь проблема. Их можно и не достать.

-Нет, брат, кирпичи нужны обязательно! Без них ничего не получится. Эй, парень! Закрой рот и иди сюда! - крикнул Гришка стоящему поодаль Руслану, с любопытством наблюдающему за приезжими, но нерешающемуся подойти поближе, - Хочешь получить этот шикарный шарик?

И он достал из кармана большой стеклянный шарик янтарного цвета, засверкавший на солнце. Руслан, как зачарованный, подошёл к Гришке. Тот поводил шариком у него перед глазами, достал его у Руслана из-за уха, потом из его кармана, затем шарик вообще исчез и тут же появился опять. Руслан восторженно захохотал.

-Если добудешь сейчас четыре кирпича, шарик будет твой, - заявил Гришка.

-А не обманешь?

-Зуб даю! - показал Гришка на свой золотой зуб.

На этот раз Руслан не подвёл. Очень скоро он притащил два, а потом ещё два кирпича, и получив драгоценный шарик, побежал хвастаться перед деревенскими ребятами.

А Гришка оказался ловким и умелым работником и прекрасным организатором. Всё у него в руках спорилось. Он быстро разжёг костёр, наготовил углей, расположил в два ряда добытые кирпичи, окропил угли маринадом, аромат от которого вызвал у всех окружающих прилив аппетита и трудового энтузиазма. Девушки, нанизывающие на шумпурь кусочки мяса вперемешку с ломтиками репчатого лука, засуетились. Одна из них, симпатичная блондинка Ванда, работавшая молча и споро, вскоре передала Гришке первую порцию шашлыков.

А две других её подружки непрерывно болтали между собой, обсуждая входящие в моду кофточки с рюшечками.

-Зёзя, ты уже покакила? - обратился Гришка к одной из них, - Тогда неси уже, наконец, шашлыки, а то угли без толку прогорают.

-Я тебе не Зёзя! Ты можешь когда -нибудь разговаривать нормально? Детей бы постеснялся! - кивнула девушка на стоящих около костра Рувима, Валерика и Аллочку.

-Мусенька! Пожалуйста! Хоть тысячу порций, но только в твою посуду!

-Дурак ты и хам! Я тебе сейчас покажу. - И Муся ринулась в атаку, выставив вперёд огромные наманikyренные ногти, - Девочки, помогайте!

-Девки, ша! Я сегодня лицо неприкосновенное! - закричал Гришка, выставив вперёд шумпуры с нанизанными на них кусками мяса, - Будете лезть, останетесь без шашлыков. А ты, Сонечка-кисанька, возьми фанерку и помахай немного над углями. Соня, покачивая крутыми бёдрами, подошла к костру и принялась помахивать фанеркой. Переворачивая шумпуры над углями и сбрызгивая мясо и угли маринадом, Гришка шумно вздохнул и задумчиво произнёс:

-Это же надо! Кому-то достанется такой нахес!

Наконец священнодействие было завершено, закуски разложены на столах, и можно было приступить к трапезе. Однако, Гришка решил опередить события. Выйдя на середину двора, он поднял левую руку на высоту плеча и скомандовал:

-Девки, в шеренгу по одному ... становись!

Его однокурсницы с хохотом выстроились в шеренгу по росту рядом с Гришкой.

-Внимание! Слушай мою команду! Ровняйсь! Смирно! На-аправо! - скомандовал Гришка, - Отставить. Сено - солома! Военврачи без пяти минут, а не знаете, где "право". Слушай ещё раз. Напра-аво! Шагом марш!

Колонна во главе с Гришкой, чеканя шаг, направилась в дальний конец двора. Там Гришка неожиданно повернулся на девяносто градусов и направился в туалет. Девушки по-инерции двинулись за ним, но тут же с хохотом бросились в разные стороны. Наконец все разместились за столами и с аппетитом принялись за еду. Надо признать, что шашлыки удались на славу, и в адрес главного кулинара со всех сторон сыпались заслуженные похвалы, которые он принимал как должное. После того, как дети насытились, Хена и Лиля решили продемонстрировать способности своих незаурядных детей. Аллочку долго упрашивать не пришлось. Она вдохновенно спела песенку Дунаевского из модного кинофильма. Особенно проникновенно у неё прозвучали последние фразы песни:

"...Если расставаясь, встречу не ищешь вновь,
Значит, ты ушла, моя любовь."

Гришка даже крикнул от восхищения. Валерик немного поломался, но всё же дал себя уговорить. Забравшись на стул, звонким голосом он прочёл стихи:

"...Врагами задуманы войны.
Немало врагов у Страны,
Но Родина наша спокойна,
Она не боится войны.
И, если Страна не захочет,
И, если Страна запретит,
Никто под водой не проскочит,
По воздуху не пролетит!

-Ура! - закричал Гришка и подбросил хохочущего Валерика высоко в воздух..Получив свою порцию аплодисментов, похвал и поцелуев, дети побежали играть к соседям.

-А ты, что нам исполнишь, старик? - спросил Гришка у Рувима.

-Я, пожалуй, отложу своё выступление до следующего раза. - отпарировал обиженный Рувим.

Если не считать маленьких детей, то Рувим был единственным кроме Гришки в этой компании представителем сильного пола, каковым он себя ещё не ощущал. Поэтому Гришка в компании шести женщин, внимавших ему с восторгом, чувствовал себя по меньшей мере, как падишах. Он потешался над каждой из них, проявляя лишь сдержанность к Хене, сидевшей с Лёшиком на руках и снисходительно слушавшей шуточки молодёжи, не вмешиваясь в разговор.

-Слушай, Гришка! Я только недавно узнала, как вы обошлись с бедным Скуей. Когда ты оставишь его в покое? - обратилась к Гришке Лиля.

-Скажу для непонятливых, что мы его спасали. Мы как-то ехали из Гомеля и в поезде познакомились с одной молодой дамой. Её муж-офицер служит на Севере. А ей ехать туда неохота. Вот она и живёт “соломенной вдовой” в Масюковщине под Минском. Мы поболтали, взяли её адрес на всякий случай, а потом забыли. Как-то сидим в общежитии, не знаем, чем заняться и случайно в записной книжке обнаруживаем адрес этой Шуры. Тоомас его увидел и загорелся. Он же заводной. Мы, конечно, поупирались для порядка, сделали вид, что не хотим ему этот адрес показывать. Он эту наживку и заглотнул. Адрес вырвал и тут же отправился в эту Масюковщину. И стал каждый вечер туда ездить. С ночёвкой. А потом через пару месяцев приезжает и говорит, что хочет жениться. Видим: дело - дрянь. Шутка зашла слишком далеко. Надо спасать хлопца. Когда он вечером направился к своей крале, мы позвонили в милицию. Мол, мы - студенты мединститута. Наш товарищ отправился по такому - то адресу и пропал. Город он знает плохо, и мы беспокоимся. Просим помочь. Те пообещали. Рано утром Скуя врывается в общежитие и кричит, что всех нас поубивает. Конечно, никого он не убил, но в Масюковщину больше не ездит. Пусть нам спасибо ещё скажет!

-Сволочи вы, вот вы кто! Так издеваться над человеком! А если это - любовь? - резюмировала Лиля.

Рувиму фамилия ”Скуя” была тоже знакома. Лиля рассказывала Хене, что Гришка сделал добродушного эстонского парня постоянным объектом своих шуточек и розыгрышей. Его фамилия созвучна с известным нецензурным словом. И на всех собраниях, заседаниях и лекциях, когда нужно было кого -нибудь куда -либо предложить, Гришка тут же начинал кричать на всё помещение:

-Скуя! Скуя!

Зал с удовольствием подхватывал и скандировал это звучное слово. Постепенно к этому привыкли и сам Тоомас, и начальство, и не мешали озорникам резвиться.

-Слушай, Гришка! Ты лучше расскажи, что вы вытворяли на военных сборах прошлым летом, - сказала Ванда, - Ага, покраснел! Оказывается, ты всё же не разучился краснеть. Не хочешь, тогда я сама расскажу.

Оказывается, Гришка всячески увиливал от занятий по строевой подготовке и под разными предлогами пристраивался дежурить в лагере, естественно, вовлекая в это дело и Скую.

-У нас все уваливали от этих занятий, - не выдержал Гришка. - Наш сержант нас просто ненавидел и издевался, как мог. Он загонял нас в лужу и заставлял там маршировать. Он становился на плацу и заставлял нас бегать по кругу. Однажды мы сделали вид, что не слышим его команды и убежали в лес, где прекрасно провели время до обеда. А он бегал и нас искал. Из - за него мы были вечно голодными. Нас приводили строем в столовую, где приходилось всё делать по команде. Занимаешь место за столом, следует команда: "Головные уборы снять! Садись!" А за это время дежурный успевает разбросать по мискам кусочки мяса и раздать хлеб и сахар. Мы ещё только разбираем ложки и вилки, а сержант уже, как удав, успевает проглотить суп. Со вторым - та же картина. Затем каким - то чудом умудряется выпить чай, хоть до алюминиевой кружки, куда он налит, не возможно дотронуться - обжигает губы, и командует: "Встать, головные уборы надеть, выходи строиться!" Забодал нас совсем. Но ничего. В последнюю ночь мы ему устроили "тёмную". Надолго он запомнит студентов - медиков.

■ Не перебивай! Так вот, студенты располагались в палатках, которые были разбиты несколько в стороне от солдатских казарм. В обязанности дежурных входили уборка лагеря и заготовка воды для умывальников. В целом, работа была не тяжёлой, но надо было притащить пару вёдер воды из ближайшей казармы, которая находилась на расстоянии метров 800. Обычно это не представляло проблемы для двух здоровых парней. Чтобы не утруждать себя, все дежурные носили по неполному ведру дважды. Но Гришка уговорил Скую сразу захватить два полных ведра, чтобы не ходить второй раз. Решено было нести оба ведра по очереди. Сначала взялся нести Гришка. Но нести было тяжело и неудобно. Вода расплёскивалась и попадала за голенища сапог. Тогда ребята оба разулись и пошли босиком. При этом, Гришка как пострадавший нёс обе пары сапог с портянками, а Скуя тащил ведра с водой. Хитрый Гришка заливался соловьём, рассказывая забавные истории, а доверчивый Скуя слушал, раскрыв рот, и не заметил, как прошёл с ведрами всю дистанцию. Заправив умывальники, они решили отдохнуть и забрались в кусты неподалёку от лагеря. Там они выставили на солнышко сапоги, развесили портянки, рассупонились и принялись играть в карты. Проигравший закрывал глаза двумя картами и подставлял нос победителю, который бил его по носу оставшимися у проигравшего картами. Совершенно очевидно, что победителем неизменно выходил умело жульничающий Гришка. Игроки так увлеклись игрой, что не заметили, как к ним подобрался проходивший мимо командир части, привлечённый азартными возгласами. Он с интересом понаблюдав за их игрой, и когда Гришка в очередной раз завершил расправу, а Скуя растирал распухший багровый нос, он выбрался из засады и арестовал разгильдяев. Затем он велел им взять в руки сапоги с портянками, ремни и погнал через весь городок в комендатуру. Бедняги брели босиком, наступая на болтающиеся завязки от кальсон, под смех и улюлюканье солдат. В комендатуре, узнав, что они студенты, их подержали для приличия несколько часов, а потом передали представителю института. В результате, они отделались лёгким испугом, но надолго стали героями анекдотов и весёлых историй.

-Я бы ещё рассказала, как Гришка водил ребят в атаку, но перед детьми неудобно, - продолжила Ванда, многозначительно посмотрев в сторону Рувима. Рувим сделал вид, что добросовестно закрыл уши ладонями.

-Так вот, - Муся тоже сделала вид, что ему поверила, - Когда на учения студенты отрабатывали штыковую атаку, Гришка вдруг выскочил из окопа на бруствер и, размахивая винтовкой, заорал: "Кто не пос...л, в атаку не пойдёт! Японцы - суки убили брата Тимоху и меня хотят! Вперёд на врага! Ур-ра-а!" Там все попадали от смеха. А командир роты так просто стонал от хохота и не мог выбраться из окопа. Но, зато потом уж он отыгрался по полной программе и погнял ребят от души.

-Да ты ещё не всё знаешь, - вступила в разговор Соня, - Ты не слыхала, как прошлым летом Гришка выбирался из Сочи? Ильф и Петров могут отдыхать.

Оказалось, что большинство из присутствующих этой замечательной истории не знало. И Соня поведала, как Гришка, отгуляв около месяца на курорте и просадив почти все накопленные за год деньги, тщетно пытался уехать домой. Увы, билетов на поезд не было и в ближайшее время они не предвиделись. Он в унынии топтался возле билетной кассы и пытался найти хоть какой -нибудь выход из положения. Но идей не было. В это время к кассе подошёл молодой человек с букетом цветов и постучал в закрытую дверцу кассы.

-Привет, Лидочка! Я забежал, чтобы поздравить тебя с Днём Рождения. К сожалению, зайти сегодня к тебе не удастся. Я сегодня дежурю, а замены найти я не сумел. Обязательно зайду на следующей неделе. Пока!

И поулыбавшись, молодой человек ушёл. Гришку, как молния, пронзила отчаянная надежда. Он выскочил на привокзальную площадь, купил букет роз, достал приобретённую по случаю бутылку "Хванчкары" и ринулся к кассе.

-Привет, Лидочка! Поздравляю тебя с Днём Рождения! - пропел улыбаясь во весь рот Гришка и вручил ничего не понимающей девушке свои подарки.

Лидочка честно пыталась вспомнить, кто этот симпатичный парень, и ей было очень стыдно, что это у неё никак не получалось. Спрашивать было неудобно.

-А что ты здесь делаешь? - спросила она, всё ещё надеясь вспомнить.

-Да вот, приходится срочно уезжать в Минск, но никак не могу достать билеты.

-Слушай, мне только что сдали один билет до Москвы. Я могу его тебе дать, а там ты уже сможешь легко добраться до Минска.

Счастливого Гришку не пришлось долго уговаривать. Он схватил билет, галантно поцеловал расцветшей Лидочке ручку, пообещал её навестить после возвращения и был таков.

-Только Гришка способен на такие подвиги! - подытожила Соня.

Гришка против этого не возражал и продолжал поглащать ароматные шашлыки.

Веселье затянулось полночь. После того, как детей уложили спать и оставили на попечение Хены, остальные отправились к озеру. Бродили по берегу, хохотали, болтали, пели студенческие песни. Угломонились только под утро. Рувим, уступив своё место одной из девушек, досыпал вместе с Гришкой на сеновале. Засыпая, Гришка поделился с Рувимом секретом жизненного успеха:

-Главное, старик, - это не теряться. Баб надо брать голыми руками!

После такого заявления он захрапел на весь сеновал.

На следующий день гости уехали, а обитатели дачи медленно приходили в себя.

Увы, Валерик не забыл, что ему был обещан поход на рыбалку. Он ежедневно надоедал Рувиму, каждые пол-часа спрашивая плачущим голосом, когда они пойдут, наконец, на рыбалку. Наконец, Рувим не выдержал и пошёл к сыну хозяйки просить одолжить ему удочку. Он застал его в тот момент, когда он скармливал свой улов коту. Добрый Рувим

сумел в последний момент выхватить из лап ненасытного кота симпатичного карасика. Он запустил спасённую рыбку в стеклянную банку с водой и решил взять его с собой для подстраховки, резонно не надеясь на своё рыбацкое счастье. На следующее утро, в воскресенье, Рувим с Валериком отправились на озеро. Забросив удочку, Рувим лежал на солнышке и читал книгу. Было ясное июньское утро. Солнце ещё не успело подняться высоко и не жарило, а ласково грело. Воздух был чист и свеж. А в тишине негромко стрекотали кузнечики. Рувим наслаждался тишиной и интересной книгой, лишь изредка поглядывая на бегущего вдоль берега Валерика, который безуспешно гонялся с сачком за бабочками. Неожиданно Валерик остановился и стал вглядываться вдаль, закрываясь от солнца рукой. Только теперь Рувим услышал отдалённый гул и тоже посмотрел в ту же сторону. Вдали над линией железной дороги медленно проплывала в сторону Могилёва большая кавалькада самолётов.

Рувим насчитал их несколько десятков. Валерик запрыгал, радостно закричал и замахал руками.

-Это, наверное, манёвры! - подумал вслух Рувим.

Слово “манёвры” звучало часто в последнее время. О них говорил во время своего пребывания Самуил, о них говорили все приезжающие на выходные дни гости дачников.

Через некоторое время самолёты пролетели в обратную сторону. Валерик опять увидел их первым, и теперь уже он пояснил Рувиму, что это “манёвры”.

Рувим попытался было опять посчитать, но это ему сделать не удалось. Валерику надоело гоняться за бабочками, и он вспомнил о рыбной ловле.

Увы, клёва не было. В прозрачной воде было хорошо видно, как стайка рыбёшек крутилась около приманки. Хитрые рыбки хладнокровно и умело объедали червяка. Поплавок подёргивался, но когда Рувим выдёргивал леску, на крючке уже ничего не было. Валерик был огорчён и разочарован. Наконец, Рувим решил, что пришла пора использовать домашнюю заготовку. Он отправил Валерика ловить кузнечиков для наживки, а сам незаметно вытащил спрятанного карасика, быстро насадил его на крючок и опустил в воду. Прибежавший на крик Рувима Валерик стал свидетелем, как карасик забился на удочке, сверкая на солнце серебряной чешуёй. Затем он был водворён на старое место в банку, и счастливый Валерик понёс его домой хвастаться своей удачей. Однако, торжества не получилось. Их встретила встревоженная Лиля.

-Рувим, война!